А. Ю. Горчева

ПРЕССА ГУЛАГА

/1918-1955/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ·1996

ББК 76.12
Г71

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор *А.Г.Бочаров*,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Л.Н.Федотова

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Горчева А.Ю.

Г71 Пресса Гулага (1918-1955). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 152 с.

ISBN 5-211-03543-7

В монографии рассматриваются закрытые периодические издания, выпускавшиеся Главным управлением лагерей в 1918 — 1955 гг. В приложении дан их перечень.

История лагерной прессы представлена в контексте общих тенденций развития советской журналистики в условиях тоталитарно-авторитарного режима. Такая работа издается впервые.

Для специалистов в области политической истории Отечества и истории отечественной журналистики, студентов, широкого круга читателей.

Г $\frac{4502000000-001}{077(02)-96}$ Без объявления ББК 76.12

ISBN 5-211-03543-7

© Горчева А.Ю.,1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга А.Ю.Горчевой рассказывает об одном из самых трагических эпизодов в истории советской журналистики — о прессе ГУЛага. Это подвижнический труд. Автору пришлось преодолеть множество трудностей для того, чтобы собрать уникальный материал о газетах, которые издавались в лагерях, где содержались заключенные, не только взрослые, но и дети.

А.Ю.Горчева прослеживает историю лагерно-тюремной прессы, процесс ее дегуманизации в условиях тоталитарно-авторитарного режима. Она не склонна к публицистике, но сам материал изобличает преступления тех, кто использовал прессу для духовного уничтожения заключенных. Чрезвычайно интересен анализ истории лагерной прессы: от первых советских тюремных газет, занятых просветительством, ликвидацией неграмотности, до изданий, функционировавших на великих стройках коммунизма, в которых торжествовало стремление подчинить личность заключенного манипуляциям несвободной прессы.

Раскрывая механизм контроля над прессой лагерей, автор выявляет и некоторые общие тенденции развития советской прессы, управления ею Главлитом и другими подобными учреждениями. С этой точки зрения выделяется глава первая, посвященная развитию и становлению цензуры, которая сама была построена по принципам тюремной логики.

Проблема человеческой несвободы, воплощенной в практике советских лагерей, в системе управления лагерной прессой, очень эмоционально раскрыта в книге. Лишенные свободы, заключенные лагерей усилиями охраны и системы репрессивных органов лишались не только свободы самовыражения, но и права на получение сколько-нибудь правдивой информации через лагерные газеты, которые, в

конце концов, под лозунгом использования их в воспитании заключенных превращались в дополнительный инструмент давления на них.

Для историка советского общества эта книга послужит важным источником знаний о репрессивной системе ГУЛага. Вместе с тем А.Ю.Горчева рассказывает и о тех заключенных, которые, подобно князю Ухтомскому, пытались и в лагерной прессе подать человеческий голос. Но их было слишком мало, и эти голоса тонули, а точнее, их топили в потоках слащавой пропаганды.

Я рекомендую прочитать эту книгу каждому историку советской печати и советского общества — она поможет понять механизм несвободы, не преодолев которой, невозможно добиться свободы, свободы личности и действительной человечности. Хотелось бы, чтобы эту книгу прочли и те, кто сегодня ведает тюрьмами и лагерями: им тоже следует задуматься о том, что заключенные — это люди, которых нужно в условиях несвободы научить свободе и человечности.

Профессор Я.Н.Засурский,
декан факультета журналистики МГУ
им. М.В.Ломоносова

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ТОТАЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

17 января 1991 г. в газете "Вечерняя Москва" было опубликовано сенсационное сообщение под заголовком "В свободную продажу". Газета "Трудовые будни", которая издается для осужденных Новосибирским управлением по исправительным делам, стала поступать в свободную продажу. Тот, кто хотя бы понаслышке знает историю российско-советской цензуры, понимает: эта крохотная информация свидетельствует о поистине революционных сдвигах в обществе. Представить себе газету, выходящую для людей, лишенных свободы, очень трудно. И тем не менее это свершилось. Такую газету сейчас может прочитать каждый.

Возникнув буквально через год после установления советской власти, издательская империя для тюрем и лагерей постепенно становилась закрытой для общества. Уйдя в конце 20-х гг. внутрь загороженной лагерной территории, она до недавнего времени так и оставалась там. Жизнь по обе стороны забора мало отличалась одна от другой, но система запретов сделала из тюремной и лагерной прессы величайшую тайну. Правила, директивы издавались Главлитом – учреждением, специально созданным советской властью для борьбы со свободой слова и мысли.

Исторически российская пресса никогда не была свободной, за исключением короткого периода в начале двадцатого века. Но что значит – свобода печати? Где границы дозволенного и недозволенного? Что является тайной, секретом и от кого? От народа, от врага?

До недавнего времени понятие "свобода печати" было связано с понятием партийности. Все знали: свободна только та печать, которая партийна, а если она не партийна, то не свободна, потому что партийная журналистика выражает интересы рабочего класса, который, в свою очередь, представляет интересы всего общества. Следовательно, свободно то, что укрепляет, усиливает партию, а значит, информация может дозироваться, укрываться, засекречиваться: не каждое сообщение полезно для партии. Из этой цепочки логично проистекает: информацию надо регулировать, "внедрять" в массовое сознание, а ненужную, вредную – отметать. "Неполезная" информация

должна быть скрыта от общества. В сущности, все дебаты марксистов-ленинцев на эту тему есть попытка оправдать сокрытие тем или иным способом информации. Общеизвестны многочисленные высказывания на эту тему В.И.Ленина. Уже в двадцатых годах формула "для общества хорошо только то, что хорошо для партии" не подвергалась сомнению. "У нас нет свободы печати... у нас имеется только печать советского направления... У нас нет свободы классовой критики, то есть мы своим классовым врагам не даем права нас критиковать, мы не даем им права через печать проводить свои идеи",[1]– одна из тысяч цитат о свободе печати. Пресса при советской власти всегда была идеологической служанкой партии.

Возникает вопрос: что из себя представляет скрываемая информация? Кто устанавливает границы секретов? Что такое цензура? Попробуем взглянуть на эту проблему с точки зрения историко-административной.

Еще при Екатерине II была учреждена цензура изданий (в начальном виде она существовала и раньше). "Никакие книги, сочиняемыя или переводимыя в государстве нашем, не могут быть издаваемы в какой бы то ни было типографии, без осмотра от одной и цензур – считала императрица. – Никакая книга не может быть издана без подобного осмотра, подвергая сосчению те из них, кои найдутся противными Закону божию, верховной власти или же развращающие нравы"[2]. Таковы первые, главные основы цензуры, которым императрица придавала большое значение. Потому и запрещена ввозить книги, газеты и всякого рода сочинения через те границы, где нет цензуры[3].

В этих документах скрупулезно разъяснено, что именно запрещается ввозить. "Так как через вывозимыя из-за границы разныя книги может развратиться веры, гражданского закона и благонравия, то отныне, впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке они не были, без изъятия, в Государство и все равномерно и музыку"[4].

Императорский двор, вводя год от году все более жесткие ограничения на продукцию, издающуюся как внутри страны, так и за рубежом, был озабочен тем, чтобы законы о печати объяснить, обосновать. Уже тогда четко было определено, для чего создана цензура и кому нужны законы о цензуре[5].

Таким образом, кредо императорского двора: запрещено все, что противно религии, нравственности и власти. Оно было довольно устойчивым, общепринятым почти до 1917 года. Это мнение разделяли и Павел I, и Александр II, который в 1865 г. "сосредоточил ее (цензуру. – Авт.) при Министерстве внутренних дел, под высшим наблюдением министра, во вновь учреждаемом главном по сим делам управлении"[6].

Веками складывались методы борьбы со свободным словом путем изъятий (этот профессиональный цензорский термин известен еще со времен Павла I), конфискации тиражей, запрещением ввоза литературы. Ведомства осуществляли контроль ревностно, расширялись количественно. Наблюдения за деятельностью цензурных комитетов, разделение цензуры на внутреннюю и внешнюю, контроль за производством печати, судебные преследования за нарушения этих указаний и других императорских соизволений – все это формировало ведомство, приспособленное для обслуживания правящих верхов, имеющих монополию на свободное издательское слово. Еще в прошлом веке драматические произведения представлялись цензору, и он делал надпись "о дозволении к представлению ее на театре". А если он не дозволял, то делал "записку с подробным изложением побудительных причин", о которых и докладывал начальнику Главного управления по делам печати[7].

Каждый экземпляр типографской продукции просматривался цензором. С 1866 г. цензуроваться стали даже "либретто и тексты, исполняемые на городских и загородных гуляниях"[8].

В результате всех этих усилий к концу прошлого века цензура приобрела практически тотальный характер. Особо тщательно просматривалась иностранная литература. Она вскрывалась "в присутствии книгопродавца или его уполномоченного, которые могли дозволить" получить ее адресату, а могли и вырвать из книг крамольные страницы[9]. "Однако, – рассказывает старший инспектор типографий и книжной торговли в Москве З.Мсерианц в цитируемой нами книге, – все-таки маленькие произведения не цензуровались". Кроме того, заказчики получали издания, "специально оговоренные", что они не будут подвергаться осмотру цензором.

* * *

Придя к власти, большевики не стали разрушать такой эффективный механизм борьбы со свободным словом, а усилили и усовершенствовали его. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 6 июля 1922 г. было образовано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) Наркомпроса РСФСР для объединения всех видов цензуры печатных произведений[10]. Считалось, что цензура нужна, чтобы не допускать в печать публикации антисоветчины, государственных тайн и порнографии. Гостайна же, по определению Главлита, есть военная и экономическая тайна. Парадокс, однако, состоял в том, что год от года задачи и цели цензуры понимались все более расширительно. Нарастание еще большего, по сравнению с царскими временами, тотального цензурного гнета можно

проследить по годам.

Страна была истощена до крайности. Международная интервенция, война против своих, которую большевики вели с завидным постоянством как до, так и после 1917 года, называя ее классовой борьбой и которая требовала все возрастающих материальных и людских затрат, – это (и многое другое) было причиной того, что к 1922 г. народ все еще испытывал значительные экономические трудности. Хотя был сделан большой рывок вперед, угроза голода сохранялась и через год после организации нэпа, а уровня пресловутого 1913 г. народное хозяйство страны едва-едва достигло лишь к 1927 г.

Классовая борьба выражалась и в том, что, начиная с 1919 г., построенные при царизме тюрьмы были постоянно переполнены. Стремительно росло количество концлагерей, и к 1922 г. в тюрьмах РСФСР находилось более 60 тыс. человек, треть из них – "контрреволюционеры", в подавляющем большинстве ни в чем не повинные люди. Количество следователей увеличивалось не по дням, а по часам (только в Москве и уезде их стало в пять раз больше, чем до 1917 г.)[11].

Первым начальником Главлита был назначен П.И.Лебедев-Полянский. Интеллектуал, литературовед, критик, председатель Всероссийского Пролеткульта, профессор 1-го МГУ, член Главной редакции первого издания БСЭ – перечисленное охватывает не все его должности и звания. Вместе с А.Луначарским он редактировал первую Литературную энциклопедию. До самой смерти в 1946 году он издавал, редактировал и участвовал в выпуске множества журналов, преподавал в Комакадемии. Был очень озабочен воспитанием литературных сил страны. В то же время его многочисленные речи и выступления убеждали слушателей в том, что молодой республике советов цензура остро необходима. После назначения на новую должность он с удвоенной силой стал обосновывать, оправдывать драконовские ограничения свободы слова, в том числе в журнале "Журналист"[12].

П.И.Лебедев-Полянский рьяно взялся за дело, и за первый год существования цензурного ведомства выпустил в свет около десяти циркуляров: "О хлебном экспорте", "О существовании разных видов цензуры", "О зараженности хлеба вредителями", "О выдаче части зарплаты облигациями", "Об организации руководящих органов аппаратов СССР" и др. В 1924 г. циркуляров было изготовлено 11, в следующем году – 28, а еще через год – 38.

Обращают на себя внимание два из них. Первый выпущен в сентябре 1923 г. "О порядке конфискации печатных произведений и распределения изъятой литературы". До сведения заинтересованных лиц доводится: Главлит имеет право устанавливать и решать, какие книги должны быть уничтожены или же сохранены и переданы в те

или иные госорганы[13]. Таким образом, "законом" подтверждается полный произвол в решении судьбы печатных изданий. В недрах цензурного ведомства была создана "Примерная анкета на того, кто хочет иметь печатный или множительный аппарат". В этом документе, который заполнялся желающим приобрести технику для тиражирования печатного слова, обязательно указывалось:

имущественное положение родственников до и после революции;
где проживали до 1905, с 1905, с 1914, с 1917, с 1918 гг.;
были ли с марта по ноябрь 1917 г. в командировках, отпуске, где и в какой должности;
не состоит ли пайщиком какого-либо кооператива;
не служил ли в учреждениях МВД...

Эти и другие вопросы выясняли принадлежность человека к определенному сословию, а также его политические взгляды. Тайное "просвечивание" позволяло советской власти запрещать издательскую деятельность наиболее образованным представителям населения.

Следующий строго секретный циркуляр – "О недопуске опубликования в печати сведений по хлебозаготовительным организациям". Собственно говоря, на тему снабжения населения хлебом Лебедев-Полянский писал секретный циркуляр каждый год, но вышеуказанный появился после очередного документа "О неблагоприятных видах на урожай" и являлся вторым за 1927 г.: "Главлит предлагает принять все меры к полному недопущению появления в печати каких-либо сообщений (статей, заметок и т.п.), говорящих о затруднениях или перебоях в деле снабжения страны хлебом, как могущих, без достаточных оснований, вызвать панику и сорвать проводимые правительством мероприятия по преодолению временных затруднений в деле хлебозаготовок и снабжения страны"[14]. Отныне, буквально до недавних дней, стало секретным все, что касается заготовок и продаж хлеба; урожайности и потерь. В циркуляре специально разъяснялось, что допустимы публикации только по отдельно взятым регионам, но не по республике, краю или области в целом.

Секретно теперь все: урожайность, валовый сбор и заготовка льна и хлопка, количество пушнины и мехового сырья, планы заготовок масла и яиц, валовый сбор и баланс маслосемян, наличие хлебофуража, заготовки хлопка в других странах (чтоб, вероятно, не допускать сравнительного анализа). Категорически запрещалось помещать статистические данные по годам в исследовании любого вида сельскохозяйственной продукции. Разрешена информация лишь о незначительных повреждениях хлеба саранчой и градом.

Разумеется, причины запрета на публикацию этих сведений объясняются отнюдь не какой-то особой стратегической значимостью

этой информации или возможностью ее использования в интересах враждебного окружения. Речь идет только о сокрытии правды. Правда же состояла в том, что народное хозяйство не давало людям спокойствия и сытости – они по-прежнему голодали или находились под угрозой голода. Планы улучшения жизни оставались на бумаге. Казалось бы, выход из этого положения состоял не в том, чтобы любыми средствами скрыть действительное положение дел в стране, засекретить все, что доказывало бесхозяйственность, неумение вести дела и дать народу материальное благополучие... Но с 1927 г. почти каждый циркуляр заканчивался словами: "Главлит сообщает, что всякое нарушение повлечет за собой привлечение к ответственности по суду по ст. 58-10 УК РСФСР (редакция 1926 г.)".

Появился и секретный циркуляр "О Соловецких концлагерях", положивший начало тайной и постоянно возраставшей документации о советских заключенных. Неизвестным для общества остался циркуляр "О сведениях по работе и структуре ОГПУ", где засекречиванию подлежала большая часть деятельности государственного политуправления. Но сведения о местах заключения и количестве осужденных в 20-е гг. еще не были засекречены, что не означает, что официальные данные были правдивы[15]. Рост осужденных объяснялся более добросовестной работой советского суда по сравнению с царским временем.

Особого внимания Главлита удостоилась множительная техника, которая печатала и тиражировала тексты. Дан приказ об учете и регистрации в ОГПУ всех букв шрифтов. На учете шапирографы, гектографы, стеклографы и другие аппараты; отпечатанную литературу, независимо от содержания, если она не имеет разрешительного знака ОГПУ, велено конфисковывать. Изъятие могло быть полным или частичным. При полном – печатные произведения конфисковывались во всех местах публичного распространения. Изделия приказывалось делать непригодными для чтения, превратить в сырье для переработки бумажной промышленностью, а доход – в пользу ОГПУ.

Количество печатной продукции в первые годы советской власти росло слабо. В 1913 г. в России издавалось 859 газет, а в 1923 г.– всего 528. В 1936 г. газет уже насчитывалось 9250 при тираже 37 971 тыс. экз. [16] Постоянный бумажный дефицит время от времени после 1917 г. ополовинивал прессу. Например, в 1933 г. было закрыто 15 центральных газет ("Общественное питание", "На страже", "Печатник", "Сельскохозяйственный рабочий", "Жизнь глухонемых" и др.), в Северном крае – 3 газеты, Ленинградской обл. – 5, Уральской обл. – 9, на Украине – 5 и т.п.; перестали выходить 15 журналов, библиотечки "Огонька", "Журналиста"; прекращен выпуск большей

части местных журналов (только в Московской обл. 25). Специальное постановление Совнаркома Союза ССР "Об экономии и расходовании бумаги в течении II квартала 1933 г.", подписанное В.Молотовым (Скрябиным), установило жесткие тиражи оставшихся центральных газет: "Правда" и "Известия" по 1 млн 600 тыс. экз., "Комсомольская правда" – 433 тыс., "Безбожник" – 20 тыс. и т.д. Запрещено было открывать новые газеты и журналы[17].

Однако, несмотря на бедственное положение бумажной промышленности, Главлит беспрерывно разрешал издание все новых и новых лагерных газет (о чем будет рассказано ниже). На это средства и мощности находились.

По постановлению СНК СССР, в ноябре 1933 г. Главлит был наделен правами Уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати[18]. Цензура в стране стала обладать неограниченными правами и полномочиями. На Главлит возложены: охрана государственных и военных тайн в печати и политике; идеологический контроль над всеми произведениями печати, радиовещания, рукописями, снимками, картинами, лекциями и выставками (только к началу Великой Отечественной войны народным и заслуженным артистам было предоставлено право выступления на концертах без предварительной цензуры, да и то под ответственность принимающих партийных организаций[19]); выработка с соответствующими ведомствами сведений, являющихся специально охраняемой гос- и военной тайной, не подлежащей опубликованию или оглашению в открытой печати; контроль за всей иностранной литературой, прибывающей в СССР и вывозимой из-за границы; изъятие политически вредной и устаревшей литературы.

Понятно, что для осуществления этой огромной работы нужны были кадры. Идеологический контроль проводился над всей центральной прессой, кроме "Правды" и "Известий" – там сидели свои постоянные цензоры. Только в газетном отделе аппарата Главлита числилось 43 человека, не считая сотен цензоров, прикрепленных практически к каждому изданию. В 1940 г. центральный аппарат Главлита состоял из 174 сотрудников, а всего в РСФСР насчитывалось 5 тыс. цензоров. На каждого из них составлялись подробные анкеты с перечислением всех родственников, которые побывали за границей до 1917 г. Само ведомство состояло из: руководство – 5 человек, Первый отдел (военная цензура) – 7, Второй отдел (иностранная цензура) – 57, Третий отдел (контроль над информацией за границей) – 35, Четвертый (предварительный контроль) – 31, Пятый (последующий контроль местных органов) – 23, Шестой (цензура центральных газет и радиовещания) – 33, Седьмой (центральный контроль над книготорговой сетью, библиотеками и полиграфическими

предприятиями) – 9, отдел кадров и управление делами – 37, секретариат – 9. В 1948 г. этот аппарат насчитывал 265 человек и, в основном, сохранился до упразднения Главлита в 1991 г. Образовательный уровень основной массы сотрудников был крайне низок: всего 506 человек имели высшее образование. 2163 – низшее.

В конце 30-х гг., в самые страшные годы репрессий, Главлит возглавил Н.Садчиков. Ретивость его не имела границ. Проработав всего четыре месяца, Садчиков пишет письмо В.Молотову о том, что органы Главлита засорены врагами народа, шпионами и вредителями. 14 цензоров были освобождены от работы, 23 арестовано, 24 человека отстранены от секретной переписки.

Конечно, этот настрой не был изобретением Главлита – таково было время. Шпиономания достигла крайних пределов. В журнале "Большевистская печать" А.Вышинский в статье "Суд, гласность, печать"[20] велит прессе организовывать соответствующее общественное мнение и моральную атмосферу. Здесь же публикуется статья П.Винокурова "О некоторых методах враждебной работы в печати и наших задачах". Автор рассказывает о том, что враги народа используют типичные приемы: опечатки (например, когда вместо одного слова как бы по ошибке печатается другое); "засоренность" аппаратов редакций. В рязанской газете, приводит пример автор, долгое время "подвизался немецкий шпион. Вместе с ним работал троцкист. И таких фактов – много. Для них газета – трибуна для антипартийных статей".

Мы привели этот пример для того, чтобы уточнить: идеологические установки в вольной прессе и в секретных циркулярах Главлита ничем не отличаются по содержанию. Сотрудники Главлита делали секретом то, что тайной не являлось.

Под грифом "секретно" в архиве Главлита хранится дело об организации общества поэтов и литераторов под названием "Литература и быт". Рюрик Ивнев, Олег Леонидов, Анатолий Мариенгоф, Михаил Фоламеев, Рафаил Колумбов, Борис Глушаков, Максим Нетропов (Портен) и Иван Гайдукевич в августе 1928 г. разработали устав общества, заполнили анкеты и подали заявку в НКВД. Они писали о том, что хотели бы внести "планомерность, плановость и наибольшую углубленность в изучение нового быта... работы, имеющей общественную, социальную значимость помимо значимости художественной"[21]. Заявка была отклонена, т.к. все претенденты известны как "антисоветски настроенные", "случайные богемные люди". Интересно, что в переписке по этому поводу участвовали многие чиновники и партийные деятели Наркомпроса, Министерства внутренних дел, секретного отдела "Пролеткино", Агитпропа и др. Ни у кого из них, даже включая заместителя

заведующего АППД ЦК П.Керженцева, не нашлось ни одного доброго слова о заявителях.

Таких дел в недрах Главлита – масса. Все они лишний раз доказывают, что власть имела безграничные возможности контроля за мыслями и поступками граждан и что Главлит, ГПУ, МВД и НКВД всегда работали в тесном контакте. Аналогичные дела можно найти в архивах других, кроме Главлита, указанных ведомств.

Н.Садчиков за время своей работы поднял Главлит на "большую высоту". Он постоянно расширял полномочия аппарата, гордился результатами своей работы: "Сейчас мы уничтожаем 10 процентов всей инолитературы, что обходится в 250 тыс. долларов". Действительно, Главлит обходился народу очень дорого, если учесть зарплату огромного количества людей, которые бдительно читали периодику во время войны – у цензоров была бронь, льготы (переписка Главлита с разными государственными ведомствами изобилует притязаниями цензоров на спецобслуживание на уровне, по крайней мере, главных редакторов изданий) и пр. Со временем ручеек изымаемой при Лебедеве-Полянском литературы превратился в полноводную реку, где сгорали и деньги, и людские судьбы[22]. Так, в Белоруссии в 1937 г. отправлена в макулатуру литература на сумму 1 млн 626 тыс. руб., а годом позже Леноблгорлит только на перепечатки и исправления "выбросил" 1,5 млн руб. Запрещались и уничтожались, сжигались и списывались, уходили в спецхран миллионы книг и газет, географических карт и пластинок, кино- и фотопленок, схемы и чертежи деталей и конструктивных особенностей всех ударных строек социализма, технические документы[23] – всего не перечислить. Необходимость уничтожения информации объяснялась классовой борьбой и "контрольно-временной мерой". Возмутил Н.Садчикова и такой факт: за первое полугодие 1937 г. в Тамбовской области не изъяли из литературы ничего вредного[24]. Ничего!

Бдительно читали прессу и цензоры на местах. За восемь месяцев 1939 г. газета "За новый Север" (Коми АССР) конфисковывалась шесть раз. Причины: опечатки, искажения цитат. Газета "Ленинская Шатура" допустила опечатку: вместо "квартального" плана напечатала "годовой". В результате изъят тираж. В газете "Красный маяк" (Курская область) вместо "трудовой" напечатали "трудодовой" – тираж уничтожен. Газета "Коммунист" (Саратов) сообщила, что избран "предатель" (а не "председатель"). Таких примеров множество: за первый квартал 1939 г. перепечатаны, в сущности из-за пустяков, тиражи 93 наименований газет. Можно только предположить, во что это обходилось казне!

Бдительность главного цензора и его заместителя П.Пронина достигает высшей точки, когда они пишут специальное, разумеется

секретное, письмо в ЦК ВКП(б) и НКВД: "Называют свиней и коров политически недопустимыми именами: "Депутат", "Селькор", "Русь", "Антанта", "Пионерка", "Пролетарка"... Предлагаю изменить клички животных: бык "Нарком" на "Наркоз", "Правда" на "Плуг", а такие клички, как коровы "Коммуна" и "Свобода", срочно изменить..."

Историческая аналогия: Павел I, женившись на Марии Федоровне, издал указ, чтоб имя его царствующей супруги не использовалось для кличек животных. К.Симонов в поэме "Суворов" сказал об этом весьма ядовито: "Впредь Машками под страхом палок Не сметь ни коз, ни кошек звать"[25].

За один только 1938 г. как "политически вредные" изъяты произведения 1606 авторов и 4966 отдельных книг и сборников – всего 10 375 706 книг, 233 751 плакат. На иностранных языках в том же году уничтожены 869 номеров журналов и 4515 номеров газет на англ. яз., соответственно 640 и 33 620 на франц. яз., 7260 и 3450 на немец. яз. На других языках превращено в макулатуру 510 номеров журналов, 4690 номеров газет[26]. Переписка Главлита – это огромные, бесконечные списки на уничтожение и изъятие литературы, периодических изданий, сотни томов списков вычерков из текстов, куда Главлит вторгался без всякого стеснения.

Особую роль в деятельности цензоров играло введенное Садчиковым социалистическое соревнование. Оно заставляло наращивать объемы уничтоженных изданий, а значит, и гордиться этим.

Перечень сведений, составляющих тайну, со времен Лебедева-Полянского нарастал подобно снежному кому. В 1936 г. он включал 372 циркуляра, через год – еще 300. Нормальному человеку было не под силу ориентироваться в этом потоке, и потому из-за огромного количества запретов цензоры сплошь и рядом пропускали их на газетные и журнальные страницы. Контролирующие бригады, которые Главлит организовывал регулярно с выездом на места, клеймили работников за потерю бдительности. В своем усердии полуграмотные цензоры конфисковывали книги с произведениями не только А.С.Пушкина, но и Л.Кагановича, К.Ворошилова (списки огромные), а в Башкирии цензор, имеющий очень скромное образование, изъял книгу И.Сталина "Вопросы ленинизма". "А Крыленко, Косырев, Пятницкий – не изъяты"[27].

Целая серия указов Главлита адресована разным издательствам. Изучая техническую литературу, Главлит стоял на страже идеологии, понимаемой очень примитивно: советское – значит, лучшее в мире. Например, написал инженер Кюне книгу о состоянии подвижного состава в Германии и имел неосторожность признать его хорошим, а уход за ним –тщательным. Цензор забил тревогу. Книгу изъять, потому

что пролетарская техника не может быть хуже капиталистической. Другой пример: инженер Комаров выпустил книгу "Исследование вагонных осей и меры их предупреждения". Книгу изъяли: у Главлита были сведения, что какой-то враг народа ее где-то похвалил. Неспроста, конечно. На книгу инженеров Болонова и Гриншгейна о неизбежности горения букс и разрушении вагонов при одностороннем торможении Главлит дает рецензию: "Теория надумана, на руку врагам, диверсантам и фашистам". Не могут, конечно, советские буксы гореть ни при каком торможении.

Выходя за рамки своей компетенции, Главлит претендовал на воспитание народа. Лекции и беседы, которые проводили работники Главлита, должны были обострить бдительность людей. Вот одно из донесений такого рода. Цензор докладывает, что на митинге в Мурманске выступил военный. Само по себе это событие, может, и обычное, но враги народа могут косвенно вычислить наличие в этом районе воинского соединения, а из звания военнослужащего шпион может получить еще очень много дополнительных сведений. Такая бдительность очень поощрялась начальством Главлита, культивировалась и ставилась в пример остальным в многочисленных указах и циркулярах. Естественно, работа эта требовала много нервных и психических затрат, поэтому в штатах Главлита всегда имелось множество вакантных мест. К тому же цензоры арестовывались и отправлялись в лагеря не реже, чем работники других ведомств.

Атмосфера вседозволенности, ожесточения, безнравственности способствовала тому, что в недрах Главлита царило всеобщее доносительство. Друг на друга писали многие. Это не считалось зазорным. Вот один из примеров: в новогоднюю ночь 31 декабря 1940 г. цензор Железов пишет докладную: "Вчера я обработал и выпустил с разрешительным знаком болгарскую детскую иллюстрированную газету, поступившую в адрес Весенина В.Стоянова Москва, жд. ст. Люберцы, трудовая коммуна № 2. На белом поле мелкими буквами написан текст: "Здравствуй, мой сын. Пиши по адресу редакции. Твой отец Вырбан". Желательно проследить за корреспонденцией между отцом и сыном. В свое время (1930г.) Вырбан Стоян был исключен из КПБ и из Добружанской национально-революционной организации. Его жена, с которой он разошелся тогда, вернулась впоследствии из СССР, а их сын Весенин остался в СССР на попечении МОПРа. Каков был дальнейший путь развития сына и его родителей, мне пока неизвестно. В интересах СССР желательно это узнать из их взаимной переписки"[28].

Республиканские Главлиты были созданы много позже, чем в РСФСР. Во второй половине 1937 г. были свободны от цензоров

Казахстан, Адыгея и Абхазия (до 1943 г.). Не было их и в Дагестане, но уже в 40-х гг. там цензором служил знаменитый поэт Расул Гамзатов. В Прибалтике самостоятельно действовали начальники местных главлитов Шлоссберг, Проценко, Лауристин. С ними вел переписку один из самых ретивых помощников Садчикова – П.Пронин. Он сообщал своему начальнику, что Прибалтика просит помощи в изъятии вредной литературы. Кроме того, ему доносили об убийствах корреспондентов и цензоров, которые случались в Латвии, Литве, Эстонии. Общими усилиями и указаниями, руководящими наставлениями Главлит добился своего: свобода слова в Прибалтике была удушена точно так же, как и в России.

К началу войны перечень секрётов превысил все мыслимые пределы. Стала государственной тайной деятельность многих организаций и ведомств, включая и Главлит. Контроль информации, идущей за границу, сводки вычерков, "мобилизация" и "бронирование" цензоров, отчеты и сводки "шпионских злодеяний" в прессе – все засекречивается настолько, что становится недоступным самим сотрудникам Главлита. Каждое из подразделений ведомства владело своими определенными тайнами.

В стране имелась сеть оборонных заводов, на которых издавались свои газеты и журналы. Главлит поставил условие: пресса не должна выноситься за пределы предприятий. Тратились колоссальные средства на контроль за соблюдением этого условия. Запрещалось публиковать информацию, по которой можно было догадаться (или установить) характер работ по освоению территорий в Печенгском, Мурманском регионах, национальных округах Таймыр, Чукотка, Ямало-Ненецкий, северных районах Якутии, островах Франца Иосифа, Врангеля, Северной Земли, Колгуева, Вайгача и др.

Категорически запрещалось во время войны и позже публиковать сводные планы развития физкультуры и спорта в СССР, упоминать о количестве физкультурных коллективов, общем количестве разрядников, давать сведения о пожарах, данные о потерях противника в живой силе и технике, сведения о военнопленных, численности населения, смертях и рождениях, количестве браков и разводов. Понятно, что все эти предосторожности были предприняты для того, чтобы скрыть истинные потери в живой силе во время войны. Категорически запрещалось публиковать статистику инвалидности, включая инвалидов по рождению.

И, как всегда, оставались под запретом экономические обзоры, сведения об ожидаемой и фактической урожайности всех сельскохозяйственных культур, количестве крупного рогатого скота, овец и свиней.

Росло и количество печатных произведений, изъятых Главлитом у

населения и учреждений. В 1941 г., перед самой войной, эти списки резко возросли: например, перечень авторов, фамилии которых начинались на букву "А", составил семь машинописных страниц. Их книги, статьи и другие произведения надо было срочно "изъять и уничтожить".

В штате Главлита были и образованные люди, знающие по нескольку языков. Все они были задействованы на главных точках, куда из-за границы стекался "криминал": московская таможня, московский почтамт, московский аэропорт. На таможню свозились посылки и почта, адресованные в любой пункт Советского Союза – хоть в Узбекистан или в Одессу. На Московском почтамте круглосуточно работали не менее 32 цензоров, которые читали литературу на 44 языках из 70 стран мира. В среднем каждый из них просматривал 50 наименований книг или журналов. Конечно, при такой огромной нагрузке цензор знакомился с литературой бегло. Процесс чтения был незатейливым: цензор читал и решал самостоятельно – вернуть книгу или письмо адресату или отправить в макулатуру. А может, адресовать в спецхранение. Горы недоставленных бандеролей, книг, газет просто уничтожались, потому что ни у какого государства не хватит кадров, чтобы прочесть переписку всего народа. Письма и книги на редких языках сразу просто списывались, поскольку цензоры ими не владели. Адресата даже не затрудняли информацией о том, что на его имя поступали письмо или книга, не разрешенные к доставке.

Если перечни государственных тайн в 1918 и 1919 гг. разрабатывались и утверждались приказами Реввоенсовета, а с 1923 г. – комиссией ЦК под председательством В.Куйбышева и с одобрения Оргбюро ЦК ВКП(б) (с 1926 г. – СНК СССР), то с 1927 г. этим занимались только Главлит и Наркомвоенмор. Внутриведомственная цензура была ликвидирована и передана в Главлит целиком. Отныне цензоры входили в номенклатуру партии.

Трудно перечислить виды деятельности, которыми бы не занимался Главлит. Он налагал запреты не только на сведения о местах заключения, информацию о погоде, включая прогнозы, – ему приходилось также заниматься заменой существующих географических названий. Острова Сергея Каменева, Белицкова, мыс Уншлихта, мыс Мессера, населенные пункты Шляпниково, Уханово, Кабаковск, Икрамово, Гамарник, Тухачевский, Троцк, Енукидзе, Зиновьевск, Пятаково и многие, многие другие должны были исчезнуть с лица земли. Это обходилось в миллионы рублей – актировка и переименование являются сложной и дорогостоящей работой. "В Главлите на ротаторе работа производится в течение года, включая праздничные и воскресные дни", – жаловался Н.Садчиков на свою

занятость. Велено перебивать названия на географических картах, изымать из книг. Аппарат ведомства задается вопросом: а как же быть с населением? Ведь некоторые купили крамольные книги и даже, может быть, читали? Как поступать с ними?

Из года в год рос круг обязанностей работников Главлита. Однако часть цензорского труда отбиралась в пользу таких ведомств, как МВД и МГБ СССР. Они и только они занимались, например, контролем "фотографических, кинематографических и пр. съемок"[29].

В апреле 1941 г. появилась "Инструкция об особых фондах при библиотеках СССР"[30]. Фонд формировался из изданий, имеющих гриф "Сов. секретно", "Секретно", "Для секретного пользования", "Не подлежит оглашению", "Только для членов партии". Сюда передавались два экземпляра из изъятой литературы, если она носила монархический, антисемитско-черносотенный, религиозный, порнографический характер. В этот список входили и заграничные издания белоэмигрантов, имеющие антисоветский характер.

Инструкция скрупулезно расписывала, как должен производиться учет всей этой литературы. Делалась запись в особой инвентарной книге (Ф № 3), название – в отдельный каталог. Этот особый фонд, предписывалось Главлитом, должен занимать отгороженное от всех помещение. Пользоваться литературой можно было только на основе спецписьма из учреждения и наличия допуска.

Такие же отделы были созданы в крупнейших музеях страны: в Эрмитаже, Русском музее, Музее Революции, Государственном этнографическом музее, Музее социалистической реконструкции сельского хозяйства, Изобразительного искусства имени А.С.Пушкина, Музее В.И.Ленина, Музее Восточных культур и т.д.[31] Особые фонды формируются из периодических и непериодических изданий. Кроме того, практически во всех типографиях были открыты специальные цеха для печатания секретных материалов.

Разумеется, на работу в эти секретные фонды принимались только "особо проверенные" кадры. Примерно в таком режиме фонды просуществовали до 1989-91 гг., когда они были, в основном, рассекречены.

После смерти И.Сталина поток "бумажных" секретов хлынул в обратную сторону. Так, если кого-либо реабилитировали, начиналась переписка по возвращению книг этого автора в библиотеки. Миллионы печатных произведений сначала уходили в небытие, а потом возвращались поштучно. Например, вернулись книги и плакаты, где в положительном ключе говорилось о Тито и Черчилле, а карикатуры на них теперь изымались. В 1953 г. огромные средства ушли на изъятие литературы, касающейся Л.Берия.

Однако наивно думать, что пик запрещений приходится на

предвоенные годы – годы страшнейших репрессий. До недавних времен этот поток был вполне полноводной рекой: например, только в течение первой половины 1954 г. было изъято 615 наименований книг. По-прежнему в спецхраны уносили тысячи книг, бессчетное количество номеров журналов и газет. В эпоху Л.Брежнева список изъятий составляет огромные, увесистые тома. Инструкция Главлита добавила ряд оснований для засекречивания литературы: категорически запрещались к ввозу в СССР книги, содержащие критику партии и правительства, "искажающие" и "извращающие" их речи и деятельность, а также саму советскую действительность. Кроме того, нельзя было распространять издания, "восхвалявшие" политику, государственный строй капиталистических стран... Н.Садчикова давно сменил К.Омельченко, а стиль работы Главлита не менялся, ибо не менялась сама жизнь. Главное в его работе – "польза" для социализма. Что полезно, то и правдиво. Интересы личности в этой системе не были представлены никак. Наоборот, человек интересовал ведомство лишь как объект политического надзора, идеологического давления.

Так, руководство Алтайского зерноживтреста Министерства совхозов в 1954 г. получило приказ отправить в Корею такое-то количество лошадей и послало в Министерство радиограмму: хозяйство находится в исключительно тяжелых условиях, суточный удой на корову составляет полтора литра молока по причине отсутствия кормов. Лошадей нет. Машин для вывозки кормов нет. Запчастей нет, весенний сев не производится, так как нет семян. Помогите, погибаем с голоду! В связи с этим заместитель начальника Главлита П.Обухов с нескрываемым раздражением тотчас отправил письмо-донос в КГБ С.Канищеву: "Открытым текстом такая радиопередача политически нецелесообразна, так как в радиограмме приведены сведения, которые составляют государственную тайну". Вот пример типичной для социалистической морали ситуации: нельзя говорить правду, дабы не узнали ее враги.

И после смерти И.Сталина Главлит долгие годы сохранял в неприкосновенности свой аппарат. Постановлением Совета Министров от 15 марта 1953 г. Управление Уполномоченного Совета Министров по охране военных и государственных тайн было передано в состав Министерства Внутренних дел СССР. В том же году этот приказ был отменен. 8 октября 1953 г. Главное управление по охране военных и государственных тайн было выделено из системы Министерства Внутренних дел в самостоятельное Главное управление и подчинено Совету Министров, а его органы на местах – Советам Министров республик и исполкомам Советов.

10 августа 1963 г. Главлит включен в состав Государственного комитета Совета Министров по печати. Все эти перемещения

свидетельствуют об огромных резервах выживаемости Главлита. Однако 1 августа 1991 г., в связи с изменением отношения к деятельности цензуры в обществе и вступлением в силу Закона СССР "О печати и других средствах массовой информации", Главлит отменен в прежнем своем значении. Одно из положений нового закона гласило: "Цензура массовой информации не допускается".

* * *

Глава об истории Главлита необходима для того, чтобы правильно понять и оценить историю тюремной и лагерной прессы. Главлит регулировал ее функционирование точно такими же документами и указаниями, что и прессу, издающуюся на свободе. Имеются даже текстуальные совпадения. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что жизнь советских людей по обе стороны лагерного забора мало чем отличалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пресса на Украине. Материалы Всеукраинского совещания редакторов. 1925. С.4.

[2] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIV (с 6 ноября 1786 по 1798 г.). Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии. 1830. Т. XXIV. С. 336.

[3] Там же. Т. XXV. С. 622.

[4] Там же. Т. XXVI. С. 133.

[5] Сб. постановлений и распоряжений по делам печати. Спб., 1868. С.2.

[6] *Мсерианц З.* Законы о печати. М., 1899. С. 5.

[7] Сб. постановлений и распоряжений по делам печати. С. 25.

[8] Там же. С. 50.

[9] Там же. С. 127.

[10] ЦГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 1.

[11] Пролетарский суд. Журн. Моск. губ. совета народных судей. 1922. № 2. С. 5.

[12] Журналист. 1922. № 1. С. 60; 1925. № 4. С. 30 и др.

[13] ЦГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 7.

[14] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 5.

[15] Это, например, издания, которые публиковали статистику преступлений на территории РСФСР: Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики XI съезду Советов. М., 1924; Преступность и репрессия в РСФСР. Материалы к реформе УК.

М., 1930; Гернет М. Преступность за границей и в СССР. М., 1931 и др.

[16] Большевистская печать. 1937. № 4. С. 4.

[17] ЦГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 342-343.

[18] Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1-2.

[19] Там же. Ф. 9424. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 51.

[20] Большевистская печать. 1937. № 6. С. 18-19.

[21] ЦГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Ед. хр. 1636. Л. 1-31.

[22] Началась эта кампания с требования Н.Крупской (Ульяновой) о том, "чтобы был произведен пересмотр каталогов согласно инструкции из центра" (Сб. постановлений и распоряжений Главполитпросвета. М., 1921. С. 17). С тех пор запылали книжные костры из "вредной" литературы.

[23] ЦГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 131.

[24] Там же. Л. 159.

[25] *Симонов К.* Собр. соч. М., 1979. Т. 1. С. 382.

[26] ЦГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Ед. хр. 608, 609, 610 и др.

[27] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 55.

[28] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 24-25.

[29] Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 140.

[30] Там же. Ф. 9424. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 28, 29, 33, 54.

[31] Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 28, 29, 33.

Глава 2

ТЮРЕМНАЯ ПРЕССА СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918—1927 гг.)

После октябрьских событий 1917 г. советская власть начала беспощадную борьбу с собственным народом. Одно из первых постановлений Наркомата внутренних дел "О регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском буржуазном строе (инструкция)"[1] положило начало первому потоку заключенных в период 1918 – 1927 гг. Это были представители русской аристократии, духовенства, интеллигенции, нэпманы. Уголовники, бандиты (социально близкие) шли по 35 статье (довольно либеральной); чекисты, осужденные за превышение власти, пополняли ряды ВОХР (военизированной охраны).

Репрессировались раскулаченные, "вредители" всех мастей, иностранные коммунисты, троцкисты, бухаринцы, приграничное население, красноармейцы и т.д. Вся эта масса переполняла помещения царских тюрем, размещаться им было негде. Только по данным печати, на 1 июня 1923 г. 303 места заключения, рассчитанные на 61 394 человека, на самом деле содержали более 80 тысяч[2] – и это данные, конечно, заниженные. Перегрузка была такова, что в этом же году началась разгрузка.

Обстановка способствовала репрессиям. Пренебрежение к человеческой жизни, безнравственное отношение к высшей ценности – человеку, божьему творению, продемонстрировала пресса чекистов. Вот несколько цитат: "Наш журнал должен стать целиком выразителем и проводником идей и методов борьбы с врагами, проводимых Всероссийской Чрезвычайной комиссией, что даст возможность всем комиссиям на местах однообразнее, планомернее, методичнее проводить борьбу, уничтожение идеологов, организаторов и руководителей враждебных, непримиримых классовых врагов пролетариата и его диктатуры". "Принеся смерть тысячам праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России, мы спасем миллионы трудящихся..." Понятно, речь идет не об идейном уничтожении врага, а физическом, самом бесчеловечном. В каждом номере чекисты рассуждают, как лучше произвести отстрел "врагов

пролетариата". Местные чекистские организации принуждают ужесточать террор: "Офицеров и жандармов арестовано 700 человек". – Резюме: "мало, очень пока еще мало"[3].

Точно такие же настроения пропагандировали и местные чекистские издания, выходящие практически во всех уездах страны. Отвлеченные на борьбу с внутренними и внешними врагами, они еще вплотную не занимались внутренней жизнью тюрьмы.

А в ней пока действовали относительно либеральные, приближенные к международным нормам условия содержания заключенных. Свидания с родными, как правило, происходили по желанию и возможности сторон. Впоследствии свидания станут "гонораром" для тех, кто будет писать заметки в тюремную прессу. "Осколки" царских свобод позволяли отпускать осужденных на сельхозработы по месту жительства. В 1921 г. такие отпуска были предоставлены 17 673 заключенным[4]. Причем случаев опоздания или невозвращения очень мало – буквально десятки. В тюремной прессе публиковались рассказы крестьян, которые помогали своим семьям убрать урожай, их впечатления о строительстве "новой жизни". Уголовный Кодекс в редакции 1922 и 1924 гг. акцентирует внимание не на наказании, а на "мерах социальной защиты". На заключенных распространяются такие же правила, как и на вольнонаемных: Кодекс законов о труде, восьмичасовой рабочий день, оплата за труд и т.п. В 1928 г. краткосрочное лишение свободы было заменено на исправительные трудовые работы. Впоследствии закрепощение заключенных приняло более радикальные формы.

Этот же Уголовный Кодекс не препятствовал заключенным заниматься просветительской и преподавательской деятельностью. Наркомпрос активно организовывал в тюрьмах школы для малограмотных и неграмотных – в преподавателях недостатка не было. В тюремных газетах первого периода страницы перегружены публикациями с планами семинаров, занятий, программ по разным дисциплинам, а также объявлениями о встречах, лекциях, беседах, дополнительных занятиях, зачетах и экзаменах. Названия некоторых лекций ассоциировались с университетскими курсами. Например, объявление в Московском женском исправительном доме: "Сегодня в 7 вечера состоится очередная лекция по истории культуры. Тема лекции "Китай и письмена, оставленные скифами". Лекцию читает заключ. Зеленина"[5].

Во многих тюрьмах и исправительных домах не чинили препятствий для выпуска газет и журналов, подготовки спектаклей. По христианской традиции ведущие артисты страны выступали перед заключенными бесплатно или почти бесплатно – в их числе были Ф.Шаляпин, И.Москвин, О.Книппер-Чехова, В.Качалов,

А.Неждановa, К.Станиславский, Н.Обухова. Многие из них жертвовали свой гонорар в пользу пенитенциарных заведений. Так же поступали и многие писатели – назовем В.Вересаева, Б.Пильняка. В тюрьмах ставились спектакли, организовывались струнные оркестры, хоры, драматические и музыкальные коллективы. Наркомпрос не уставал разрабатывать планы нравственного самоусовершенствования и образования заключенных. При каждой тюрьме работал культурно-воспитательный отдел, перед которым стояли, в основном, образовательно-просветительские цели, (в дальнейшем эти отделы будут реорганизованы в политико-воспитательные). Работники Наркомпроса участвовали в подготовке каждого спектакля, но цензуры на тюремной сцене практически не было до 1924 г.

Находящиеся на голодном пайке тюрьмы в годы нэпа стали открывать в своих помещениях многочисленные закусочные и кабаре с танцевальными номерами. Административно-пенитенциарный отдел управления местами заключения отреагировал на "вольницу" очень быстро: он разрешил приглашать на спектакли, подготовленные заключенными, родственников (и даже принимать участие в спектаклях), но запретил "недопустимые зрелища – эротические, порнографические или контрреволюционного характера... Заведующие учебно-воспитательной частью должны особо тщательно составлять программы концертов и спектаклей, предварительно просматривать различного рода стихи, куплеты и т.д., предназначаемые к постановке, дабы не допустить в них каких-либо сальностей, антисемитских и пр. элементов"[6], – такое руководящее письмо было разослано во все места заключения. Как видим, руководство прежде всего озабочено не политическими задачами, а нравственными. С июля 1924 г. тексты всех публичных выступлений, концертов и спектаклей стали проходить проверку цензурой.

Советская власть, которая объявила о превращении тюрем в воспитательные учреждения, недолго следовала своим планам. Культурная жизнь в местах заключения стала замирать после 1922 г. с организацией Главлита, но не сразу, а постепенно , год от году, от циркуляра к циркуляру. Сначала у Главполитпросвета и Наркомпроса отобрали культурно-просветительскую работу в тюрьмах и передали в Наркомюст, а затем – в НКВД, где во главу угла была поставлена политическая лояльность.

В тех тюрьмах, где были свои издательские мощности, заключенные-интеллигенты организовали издание газет и журналов (ст. 91 ИТК этому не противоречила). Как правило, ответственный редактор назначался из числа работников культурно-воспитательного отдела, но, в основном, всю эту прессу выпускали сами заключенные.

Она являлась для них средством духовного отвлечения от жуткой действительности – они были в курсе всего, что тогда творилось на воле, потому что информационной изоляции в тюремно-лагерных условиях еще не наступило. Их журналистская практика – когда они сами писали в газеты и журналы, сами их верстали, печатали и продавали на улицах городов и поселков, где отбывали наказание, – несколько скрашивала им существование. Продажа изданий и размещение в газетах объявлений и рекламных текстов с воли, а также заказы на изготовление в тюремных мастерских предметов широкого потребления (обуви, деревянных изделий, конской упряжи, мебели, слесарного инструмента) приносили и некоторые средства все более нищающим тюремным ведомствам.

Заявки на издание газеты или журнала поступали в культурно-воспитательный отдел ГУМЗа, где получали соответствующую визу. Далее заявка подписывалась в Главлите, который тогда не был еще совершенно закрытой организацией. Отказы, в основном, происходили по причине отсутствия бумаги или средств тиражирования. Но никогда не запрещались выпуски стенгазет.

В 1925 г. был организован Государственный институт по изучению преступников и преступности. Проф. М.Гернет, инициатор создания этого учреждения, считал, что газеты и журналы для заключенных должны быть представлены в институте полностью. Он сам был большим поклонником творчества заключенных в области литературы и исключительно скрупулезно пополнял коллекцию института.

Подписка на тюремную прессу была свободной, а журналы "Соловецкие острова" и вятский "За железной решеткой" рассылались по подписке во все концы страны, в различные тюремные ведомства и даже заграницу[9], что являлось большим стимулом для тюремных авторов.

Большая часть опубликованного представляет собой воспоминания о былой жизни на воле, встречах с интересными людьми, рассказы о различных происшествиях. Буквально все написанное пронизано тоской по воле, по родным, оставленным дома семьям, детям, мечтами о близкой или далекой встрече. Наибольшее влияние среди заключенных имел вятский журнал: он призывал их к покаянию, раздумьям, очищению души.

Драгоценные документы эпохи, газеты, выходили во многих из 207 домзаков России, где к 1924 г. уже сидело 94 385 человек[8]. Один из обозревателей тюремного творчества установил: из 500 произведений – две трети о тюрьме и тюремной жизни, мыслях и размышлениях, а одна треть – о революции, которая дала возможность даже в тюрьме ощутить новую жизнь, научиться грамоте, познакомиться с замечательными людьми.

Тюрьма – рассадник просвещенья,
В ней человек сидит, не зверь.
К труду в нем жадное стремленье,
Для знанья в ней открыта дверь.
Ну, словом, в нынешнее время
Тюрьма совсем не мертвый дом[9].

Эти и сотни других стихов в тюремной периодической печати превозносили советскую тюрьму, ставили ее в пример западным, объявляли вполне привлекательным местом. ЦИТО (Центральный исправительно-трудовой отдел) Наркомюста считал минимумом культурно-просветительской работы в местах заключения "ликвидацию безграмотности и обучение несложному ремеслу... Наряду должно вестись и обучение политграмоте, как и азбуке гражданственности"[10]. Скоро, совсем скоро политграмота поглотит все, а пока только начинающийся советский сленг в первой половине 20-х гг. вторгался лишь на первые страницы газет и журналов.

Тюремная пресса данного периода имела и своих энтузиастов. Юрий Юрьевич Бехтерев с 1922 г. работал инспектором Государственного управления мест заключения (ГУМЗа). После окончания Казанского юридического факультета и Петроградского психо-неврологического института он целиком посвятил себя педагогической деятельности в местах заключения. Человек молодой, высоконравственный, энергичный, он стремился облегчить тюремное бремя тем, кто туда попал. Его жена Людмила Александровна окончила высшие женские курсы в Петрограде, имела квалификацию воспитателя. Родственник Юрия Юрьевича, Анатолий Павлович Бехтерев, закончил два курса университета, имел 13 лет педагогического стажа. Эта "семейственность" принесла очень много добра заключенным, которых в вятской тюрьме было около двух тысяч. Здесь усилиями Бехтерева стал выходить журнал "За железной решеткой", который со временем завоевал большую популярность среди заключенных, высылался по обмену тюремной прессой в другие страны. В нем совершенно искренне, откровенно люди писали все, что они думали и чувствовали. Исповедовались, вспоминали, делились планами на будущее. Названия "камкор", "тюркор", "кресткор" – камерные, тюремные, крестьянские корреспонденты – были даже почетными, вызывали уважение отбывающих срок.

Ю.Бехтерев имел высокий авторитет не только среди заключенных. Через два года его перевели в Москву, в аппарат ГУМЗа, что было для Вятской тюрьмы и ее обитателей большим ударом. Заключенные

выпустили специальный номер, целиком посвященный Бехтереву, рассказывали о том, как он добился большого уважения, какую роль он сыграл в их личной судьбе, облагораживании тюремных нравов и традиций. Особо отмечены доброта, демократизм и гуманное отношение к лишенным свободы. За всю советскую историю не было в тюремной прессе подобного выпуска, где бы заключенные благодарили своего воспитателя.

В ГУМЗе Юрий Юрьевич остался приверженцем тюремной прессы. Он способствовал ее развитию по всей республике и не скрывал того, что считал ее сильнейшим средством гуманизации быта тюрьмы, воспитания, развития самодеятельности заключенных. Его трудами и усилиями в РСФСР в 1927 г. было выпущено 432 номера тюремных газет и журналов, изданных типографским способом, а номеров стенгазет (некоторые из них тоже выполнены типографским способом) – аж 2 685[11].

С рецензиями особенно часто заключенные издатели просили выступать в газетах и журналах именно Ю.Бехтерева. Иногда он сам просматривал прессу и по своей инициативе рассылал письма в тюрьмы. Так, прочитав в январе 1928 г. в газете нижне-чирского исправдома "Голос заключенного"(№ 7) сообщение о том, что в тюрьме открылось кабаре, Ю.Бехтерев пишет им, что зрелища эротического характера недопустимы в тюремных условиях. Он всегда объяснял свою точку зрения нравственными аргументами. Однако, под давлением администрации, в публикациях на эту тему проводилась идея о том, что в капиталистических тюрьмах растет число сексуальных извращений, а в советской – нет, потому что пенитенциарная политика советской власти пустяками не озабочена. Один из первых исследователей творчества заключенных И.Карпов писал в своей книге: "Сексуальные мотивы совершенно изгнаны из наших ДЗ... При капитализме же рисунки заключенных имеют сексуальный характер"[12].

Если в начале 20-х гг. советский сленг вторгается только на первые страницы изданий, где обычно объявляется о какой-нибудь очередной кампании, то в 1927-1928 гг. газеты резко снизили свой интеллектуальный уровень. Они заполнились трескуче-навязчивой социалистической пропагандой. Наиболее образованные заключенные перестали выступать в тюремной прессе.

На этот же период приходится особенно много запрещений издавать в той или иной тюрьме газету или журнал.

В августе 1927 г. ГУМЗ публикует постановление "О порядке издания печатных газет и журналов в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР", где уточняется, что прежде, чем выпускать газету, "надо испросить разрешение, сообщить название, периодичность, количество экземпляров, цель издания, программу,

состав читателей". Документ подписан наркомом внутренних дел А.Белобородовым. С февраля 1928г. начинается процесс централизованного управления прессой для заключенных (циркуляр № 49 "О присылке в ГУМЗ всех печатных газет и журналов, издаваемых в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР". Этот циркуляр подписан заместителем наркома внутренних дел Егоровым и начальником ГУМЗа Ширвиндтом). Такой высокий должностной уровень подписавших говорит о большом значении, которое НКВД придавало прессе заключенных.

Отныне каждый выпущенный экземпляр стал присылаться в центральное ведомство. Подавляющая часть из них до нас не дошла, а то, что сохранилось из тюремной прессы этих лет, находится в Центральном Государственном Архиве Российской Федерации. Там же отложилась переписка начальника культурно-воспитательного и культурно-просветительного отдела ГУМЗа, начальника административно-пенитенциарного отдела Л.Корнблитта и начальника ГУМЗа Е.Ширвиндта с различными учреждениями – ОГПУ, НКВД, Главлитом, ЦК ВКП(б). Здесь же бесценный первый список газет и журналов, издающихся в тюрьмах РСФСР, подготовленный Ю.Бехтеревым. Список этот ограничен рамками РСФСР и составлен по донесениям местных тюремных ведомств.

Сначала политика ГУМЗа относительно тюремной прессы была довольно либеральной. Но уже в 1924 – 1925 гг. Главлит циркулярно ограничил тиражи тюремной прессы, а издание некоторых газет не разрешил (в связи с очередным бумажным кризисом). Тогда все три вышеназванных должностных лица вступили в переписку со многими ведомствами, пытаясь отстоять прессу для заключенных от разгрома, добыть бумагу, деньги... Им это не удалось.

Например, Московский Сокольнический исправдом в начале 1927 г. решил выпускать журнал. В письме в Главлит сообщается: предположительно он будет называться "К труду и воле", 4 – 5 печатных листов ежемесячно, тираж – 1 тыс. экз. ГУМЗ в лице Ю.Бехтерева эту инициативу поддержал. "Журналу предполагается придать характер печатного органа всех 12 мест заключения (в Москве. – *А.Г.*); ставит задачей путем дружного сотрудничества в журнале заключенных и пенитенциарных работников содействовать осуществлению советской исправительно-трудовой политики в московских местах заключения как через освещение больных, нездоровых сторон жизни и быта наших советских исправительно-трудовых учреждений, так и через освещение положительных достижений в итделе"[13]. На это послание ответа не пришло. В августе Ю.Бехтерев напоминает снова – и наконец, письмо прислали из Главлита: "Настоящим сообщаем, что Ваше ходатайство об издании

журнала "К труду и воле" Главлитом удовлетворено быть не может". И без всяких аргументов.

Московский Лефортовский изолятор специального назначения, где сидели, в основном, "враги трудового народа" – контрреволюционеры, тоже собрался выпускать журнал "Наше слово", ежемесячный и "исключительно для заключенных". Испрашивается разрешение раздать изданные номера освобождающимся, "так как близка амнистия и заключенные, которые делали журнал, выйдут на волю и не смогут увидеть свой журнал". Три присланных в ГУМЗ номера так понравились Корнблитту и Бехтереву, что они немедленно написали письмо с разрешением удовлетворить просьбу и оценили содержание и оформление журнала весьма высоко: "Это новое достижение в области культурно-просветительной работы среди заключенных"[14].

Главлит отказал в дальнейшем издании, несмотря на ходатайство тюремного начальства.

Иногда, в словесных битвах с Главлитом, Корнблитт и Бехтерев использовали образованных заключенных, которые настойчиво и аргументированно убеждали цензуру дать разрешающее письмо. Например, в бумагах культурно-воспитательного отдела ГУМЗа обнаружена переписка по поводу того, как Сокольнический ИТД намеревался выпускать журнал "К новой жизни". Главлит отказал в регистрации под тем предлогом, что в результате очередного бумажного кризиса тиражи многих тюремных газет (а тиражи некоторых доходили до 30 тыс. экз.) ограничены всего 100 экз. Заведующий культурно-воспитательным отделом послал заключенного Николая Архипова в аппарат Главлита, чтобы он поговорил с работниками и убедил в том, что журнал необходим. Визит оказался неудачным – в своей докладной Архипов на нескольких страницах излагает все аргументы, которые он представил работникам Главлита, но те оказались глухи. Самое интересное содержалось в конце докладной: заключенный советует тюремному начальству обратиться в НКВД, "чтобы там помогли выработать иную точку зрения на самодеятельность заключенных".

Видимо, даже такой образованный человек не понимал, что и НКВД, и Главлит – единое целое.

Кроме списка периодики, составленного Ю.Бехтеревым, хотелось бы упомянуть о трудах профессора М.Гернета, который в советский период внимательно следил за становлением тюремной прессы и много писал о ней в журналах "Административный вестник", "Советская юстиция", в своих книгах. Регулярно публиковал он рецензии на прессу, издающуюся в тюрьмах Ташкента, Томска, Майкопа, в журнале "Право и жизнь" в период с 1924 по 1927 г. – буквально через номер. М.Гернет, как и Ю.Бехтерев, рассматривал прессу как средство

воспитания, утешения, побуждения к нравственной и духовной работе. Классовый подход к заключенным, о котором он писал в своих статьях, по всей видимости, дань требованиям времени, а не убеждениям. В рецензии на журнал "Мысль заключенного" Дома предварительного заключения и Витебского ИТД М.Гернет пишет: "Очерки заключенных – свободное творчество... Журнал считает, что он не должен быть жалобной книгой, но не должен и воспевать кого-либо. Успех журнала, когда он может говорить о переживаниях заключенного, но и вести культурно-просветительную политику". Здесь же автор поддерживает критику в адрес надзирателей "за чисто сторожевые функции, неумение вести воспитательную работу"[15].

В другой рецензии М.Гернет описал случай из заметки в тюремной газете о том, как в камеру попал настоящий футбольный мяч. Целый день заключенные его рассматривали и не было ни мата, ни скандалов. Заканчивая статью, автор пишет о том, что надо "помогать журналам" в борьбе с развращающим влиянием тюрьмы"[16]. Эта рецензия особенно возмутила А.Вышинского "из-за отсутствия духа борьбы за социализм, за буржуазно-юридические позиции".[17]

Большинство газет и журналов, которые рецензировал проф. М.Гернет, не сохранились, но по его статьям можно восстановить часть того, что издавалось.

Кроме того, что тюремные газеты поглотила политическая трескотня, надо отметить, что в конце 20-х гг. классовый подход к авторам становится единственным и главным условием публикации. Очень внимательно в местных тюремных ведомствах решали: может ли этот человек напечататься, за что он сидит, какое преступление совершил и, главное, как относится к советской власти. В этом отношении очень характерна переписка с ГУМЗом заключенного, бывшего штабс-капитана отряда В.Пепеляева Александра Никитича Зуйкова-Алтайского. Храбро воевавший, имеющий многочисленные награды, вместе со своим полком он, под натиском большевиков, оказался в Китае, где работал журналистом во многих изданиях и, в общем, преуспевал. Но замучила тоска по родине, и он вернулся. Приговором военного трибунала 5-ой армии был осужден на 10 лет, из которых более года просидел в Александровском централе. Попавший в жуткие условия (централ, построенный в 1873 г. в Иркутской губернии, еще в царское время был местом ссылки с ужасающими бытовыми условиями), он тем не менее продолжает переписку с родными, где недвусмысленно дает понять: не уважает новую власть. В письме к родным пишет: "Из тысячи человек переменного состава в централе ежедневно умирает не менее 100, особенно осенью и зимой. Недостаточное питание, чахотка, цинга делают свое дело... Соввласть отблагодарила нас за добровольную

сдачу и "раскаяние". В милость и амнистии мы не верим. Если бы вы знали, сколько раз нас обманули! Одна надежда на то, что все переменится и нашей амнистией будет не частный случай, не милость победителей, а всероссийское просветление от коммунистического дурмана".

Александр Никитич хотел сотрудничать в прессе или хотя бы в культурно-воспитательном отделе и просил работы или перевода в другой изолятор. Но донос начальника изолятора в ГУМЗ о том, что "он не заслуживает перевода, а подлежит строгой изоляции", что на работу его брать нельзя, потому что будет "нездоровый уклон", – это мнение перечеркнуло надежды заключенного на жизнь и работу. Он приготовился к смерти, тем более что перестал ждать перемен. Надзиратель ему прямо сказал: "Государство в вашей жизни не заинтересовано". Журналист корит себя за то, что сотрудничал в советской – "их прессе". Приведем несколько цитат из его стихов, которые он пересылает своим родным:

На далекой отчизне,
Где больные таланты,
Где идеи Европы
Превращаются в шарж,
Увлекаясь наживой,
Социал-спекулянты
Заиграли пьянящий
Утопический марш...

В этом же письме приводится стихотворение "Пролетарию", написанное Зуйковым-Алтайским, видимо, под впечатлением рассказов о красном терроре и других подобных революционных средствах:

Пролетарий, сколько воли!
Пролетарий, сколько счастья,
Сколько власти, пролетарий,
Отчего же ты кричишь?
Это было при царизьме,
При тобой проклятой власти,
Ты кричал, что деспотизьму
Подчиняться не хотишь.
Захватили власть эсеры,
Получил и ты свободу,
Но по-прежнему ругался
И кричал до хрипоты.

Ты кричал: "Вся власть Советам!"
Ты кричал: "Вся власть народу!",
Ты кричал о диктатуре
Пролетарской бедноты.
Докричался до коммуны.
Появилась "власть народа".
И в ограбленной отчизне
Видишь ты голодный край.
И с тобой от райской жизни
Вот уже четыре года
Вся великая Россия
Проклинает этот рай.
И свобода, и коммуны,
"Чрезвычайки" и могилы,
Это все твои кумиры,
Твой прославленный фетиш...
Пролетарий, сколько крови!
Пролетарий, сколько силы!
Сколько власти, пролетарий...
Отчего же ты кричишь?[18]

Безусловно, сущность политических процессов автор понимал. Оценок своих не скрывал. Способный человек, журналист Зуйков-Алтайский обладал и немалым гражданским мужеством. Он претерпел многое, но своего отвращения к советской власти преодолеть не смог.

Журналист ходатайствовал о переводе в другую тюрьму. На этом письме стоит резолюция Е.Ширвиндта: "Ходатайство Зуйкова-Алтайского удовлетворено быть не может". Без всякой мотивировки. А ведь это был еще 1925 г., не 37-ой.

Еще в конце 1926 г. Зуйков-Алтайский был жив. В архивах фонда "Помощь политическим заключенным", который был учрежден в 1922 г. Е.П.Пешковой, бывшей женой М.Горького, специально для оказания помощи тем, кого репрессировала советская власть, хранилась открытка от него. Написанная в его манере стихами, она повествует о жизненных страданиях. Однако он не просил для себя ничего, он умолял прислать ему новые книги.

А мог бы жить не хуже прочих –
Возможно, что и я бы мог
Служить республике рабочих
И гнуть себя в бараний рог.
Но я уехал от свободы
(Ее я путал с грабежом)...

Екатерина Павловна послала этому способному, но по воле судьбы несостоявшемуся журналисту 18 книг на русском языке и 10 – на французском[19] по тому списку, который он представил.

Фонд Е.П.Пешковой был разгромлен НКВД в середине 1938 г. Писем от Зуйкова-Алтайского больше не приходило.

К 30-м гг. заключенный перестал быть человеком, он отныне носитель промфинплана. В стране Советов сформировалась империя рабов: принудительный труд заключенных и отдельных категорий вольнонаемных теперь включался в планы пятилеток. По предположениям иностранных специалистов, до 80 процентов народно-хозяйственной продукции изготовлялось руками заключенных[20]. Организация колхозов, подготовка к индустриализации, глубинные сдвиги в сознании людей, переселение огромных масс людей, оторванных от своих корней... В единую армию труда всех объединил принудительный, практически бесплатный труд.

Народнохозяйственные задачи решались с помощью заключенных. Уже функционировали несколько постановлений о принудительном труде, но еще нет труда повального, бессмысленного, убийственного, уничтожающего.

Николай Михайлович Янсон, нарком юстиции РСФСР, заместитель начальника управления Севморпути, член Президиума ЦКК партии, член ЦРК, ВЦИКа и ЦИКа СССР, пишет письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) и И.Сталину. Приведем выдержки из этого письма:

"В распоряжении ОГПУ и НКВД союзных республик имеются значительные массы заключенных, отбывающих свое наказание, труд которых в ряде случаев не используется надлежащим образом... Нельзя ли, применив "добровольчески-принудительный" принцип отбора людей, значительно дешевле разрешить вопрос о снабжении Северного Сахалина необходимой рабочей силой"[21].

Это секретное письмо отправлено 8 декабря 1929 г. Идея очень понравилась – тем более, что на Южном Сахалине у японцев хозяйство было развито несравнимо лучше, – и все закрутилось очень быстро. Уже 14 декабря в кабинете Янсона состоялось заседание комиссии Политбюро по этому вопросу. Протокол (строго секретно!) испещрен росписями тех, кто участвовал в заседании. Н.Янсон, затевая освоение пространств Сахалина, был уверен в успехе своего предприятия, потому что еще летом, в июне, по поручению И.Сталина, А.Поскребышев разослал (к предстоящему заседанию Политбюро) "Материалы об использовании труда уголовно-заключенных". В проекте постановления ЦК ВКП(б) говорилось:

"1. Всех осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки три года и выше передать

и передавать впредь для отбытия лишения свободы в лагеря, организуемые ОГПУ.

Предоставить судам право в исключительных случаях при вынесении приговора при явной непригодности для физического труда или смягчающих обстоятельствах особо оговаривать в приговоре замену лагеря другим видом лишения свободы...

2. ОГПУ для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые концентрационные лагеря (на территории Ухты и др. отдаленных районов) в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы..."[22] Под протоколом подписи: Янсон, Ягода, Угланов, Толмачев, Катанян, Трасковичь, Бокий, Ширвиндт. Отныне со страшной скоростью открываются лагеря на востоке – и пресса рождалась там совсем не та, что сложилась на западе страны до 1929 г.

В связи с расширением применения принудительного труда понадобилось информационно-пропагандистское обеспечение этого процесса. Все средства давления на общественное мнение были включены в работу, на них в голодной стране никогда не экономили. Решено было и более активно использовать прессу для заключенных. В сборнике "От тюрем к воспитательным учреждениям", выпущенном Институтом уголовной и исправительно-трудовой политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР в 1934 г. под редакцией А.Вышинского, был объявлен новый, социалистический взгляд на тюрьму. Методом исправления отныне являются не культурно-воспитательная и индивидуальная работа с заключенными, а труд и политическая грамота. "Привлечение труда заключенных у нас не является источником конкуренции и эксплуатации, как в странах капитала. На производственных предприятиях, в совхозах, в специальных школах фабрично-заводского ученичества для профессионалов-правонарушителей создается такая производственная база и культурно-бытовая обстановка, которая в наиболее возможной степени приближается к обстановке на обычных советских фабриках и заводах... Энтузиазм рабочих масс, творческая инициатива ... перекинулась в места лишения свободы"[23]. И далее – уверения в том, что социалистическое соревнование и планы пятилетки стали для заключенных насущными задачами, выстраданными целями. Пресса для заключенных теперь – оружие идеологического, политического перевоспитания, переделывания человеческого материала.

Особую ярость авторов сборника вызвали опубликованные в вятском тюремном журнале статьи князя К.Ухтомского, "заклятого врага советской власти", который "воспрял духом, имея возможность

печататься". Действительно, опальный князь, просидевший к тому времени уже более 10 лет после разгрома так называемого Донского восстания, обрадовался, когда представилась возможность публиковаться в журнале. А.Вышинский и его соавторы "разъяснили", что задача периодики не в том, чтобы буржуазные элементы проливали в ней слезы, а в том, что она должна стать "организующим моментом передовых настроений..."[24].

Мы нашли письма кн. Константина Ухтомского, который еще в 1923 г. сидел в Бутырке, в фонд "Помощь политическим заключенным" Е.П.Пешковой. Он просил, чтобы она прислала хоть какую-то одежду, а то стыдно ходить раздетым на прогулки. Е.Пешкова неоднократно помогала ему, особенно папиросами: князь был страстный курильщик. Из Бутырки Ухтомского перевели в Вятский изолятор. После критики А.Вышинского следы его теряются.

К 30-м гг. пресса для заключенных окончательно потеряла культурно-воспитательную направленность, сложилась как часть "общепартийного дела", как инструмент политического насилия. Образованная часть авторов отшатнулась от нее, добровольного сотрудничества в этой прессе отныне никогда не будет.

Изменился и тон публикаций: искренние, незамысловатые заметки, исповеди, не всегда профессиональные, но раскованные рецензии на художественную самодеятельность и выступления артистов, стихи – все, что шло от души, ушло навсегда. Допускались только ликующие праздничные публикации, воспевающие достижения социализма вообще и в данном лагере или тюрьме в частности.

В 1931 г. в стране был проведен смотр-конкурс на лучшую газету для заключенных. Основное место занимали заметки, посвященные борьбе за промфинплан – 46%, быту и культурной революции – 40%, международной и внутренней политике СССР – 2%, борьбе с классовыми врагами в тюрьмах – 5%, политике коллективизации – 2,3% и 0,5% – мобилизации денежных средств заключенных, изъятию у них денег на займы. Появились в тюремной прессе новые темы: план, чистота классовой линии, бдительность и т.п.

Тюремная пресса потеряла свою роль как средство человеческого общения. Теперь она оценивала заключенных по категориям: "Все население мест заключения... делится на две основные группы: трудящихся и классовых врагов". Люди даже в тюрьме не равны: рабочий или крестьянин – оступившийся, ошибившийся; вор и бандит – социально близкий, а так называемый контрреволюционер – "злейший враг".

До 1937 г. тюремная тема в официальной печати появлялась довольно регулярно. Некоторые газеты на воле вели полемику с тюремными газетами, критиковали за мелкотемье, слабую

литературную обработку. В период строительства каналов – Беломорско-Балтийского и Москва-Волга – пресса страны также сообщала о самоотверженном труде заключенных и их счастливой жизни. Последняя публикация появилась в журнале "Большевистская печать". Автор ее, Виктор Шкловский, писал о том, что тысячи и тысячи людей перековываются, изменяются, становятся в полном смысле советскими на строительстве канала Москва-Волга[25]. Тон этой публикации, ее слащавость и романтическая восторженность результатами принудительного труда, панорамой грандиозного строительства – были обычными для того периода. Автора также восхищала лагерная печать, и он привел небольшой список тех газет и журналов, которые издаются в Дмитлаге – главном городе строительства. Список этот, к сожалению, не полон, что удалось установить.

Позднее материалы о лагерях, тюрьмах, жизни и труде заключенных в официальной прессе не попадались. Тема стала совершенно секретной.

* * *

Библиография тюремных газет в первый период советской власти складывалась из источников, о которых сказано выше: публикации М.Гернета, Ю.Бехтерева, Е.Ширвиндта и др.; переписка культурно-воспитательного отдела Государственного управления мест заключения с различными учреждениями. Значительная часть названий была установлена после изучения журналов, выходивших в этот период. Например, журнал "Журналист"[26] рассказывает о газете Одесского губдора "Жизнь заключенного". В рецензии утверждается, что это лучшая газета из всех тюремных. Автор А.Казачинский подробно рассказывает о жанрах, стиле издания, особенностях оформления, приводит примеры поэтического творчества заключенных. В этой статье приведен довольно большой список тюремных газет, часть из них не сохранилась. Разъяснялось, что газета печатается на оборудовании, отнятом у "шайки фальшивомонетчиков". Заведующий литографией, он же бывший главарь... "жаловался на плохое качество литографской краски".

Отдельные газеты этого периода сохранились в ЦГА РФ.

Известно, что возглавляемый Ю.Бехтеревым отдел прессы в Государственном институте по изучению преступности и преступников накопил сотни изданий со всех концов нашей страны и в конце двадцатых годов устроил выставку этой прессы. Но после разгрома института в 30-е гг. коллекция эта, уникальная во многих отношениях, исчезла. Следов ее найти не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Известия ВЦИК. 1919. № 105. С. 28.

[2] Ежедневник советской юстиции. 1923. № 51-52. С.1214-1215

[3] Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. М., 1918. № 1. С. 3, 6, 22.

[4] Тюремное дело в 1921 г. Отчет Наркомюста по ЦИТотделу IX-му Всероссийскому съезду Советов. М., 1921. С. 7.

[5] ЦГА РФ. Ф. 4042. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 5.

[6] Там же. Ед. хр. 63. Л. 52.

[7] Там же. Ед. хр. 81. Л. 3.

[8] Проблемы преступности. 1926. Вып. 1. М-Л., С. 61.

[9] Тюрьма. 1921. № 5. С. 66.

[10] ЦГА РФ. Ф. 4042. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 34.

[11] Там же. Ед.хр. 158. Л. 86.

[12] *Карпов И.* Творчество заключенных. М., 1929. С. 75.

[13] ЦГА РФ. Ф. 4042. Оп. 4. Ед. хр. 159. Л. 7.

[14] Там же.

[15] Право и жизнь. 1924. № 5 и 6. Кн. 6. С. 102.

[16] Право и жизнь. 1925. Кн. 5. С. 113-116.

[17] От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. ст./ Под ред. А.Вышинского. М., 1934. С. 254.

[18] ЦГА РФ. Ф. 4042. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 68-71.

[19] Там же. Ф. 8409. Оп. 1. Ед. хр. 18. Б/л.

[20] Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 2418. Л. 5,7,11 и др.

[21] Там же. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 8.

[22] Там же. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 31.

[23] От тюрем к воспитательным учреждениям. С. 257, 261, 264.

[24] Там же. С. 260.

[25] *Шкловский В.* "Перековка" на канале Волга-Москва // Большевистская печать. 1937. № 1. С. 30-33.

[26] Журналист. 1925. № 12. С. 64-67.

Глава 3

ПЕЧАТЬ ВЕЛИКИХ СТРОЕК КОММУНИЗМА

К началу 30-х гг. советскому правительству стало в который раз совершенно ясно, что без организации централизованного управления рабским принудительным трудом невозможно решить те экономические задачи, которые власть неустанно декларировала. С этой целью было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР (ГУЛаг) – сложный административно-хозяйственный комплекс. Перед ним были поставлены четкие задачи.

Первая задача – изоляция "общества и социалистического строительства от опасных и враждебных элементов... и этим определяется необходимость его нахождения в системе НКВД"[1].

Одновременно ГУЛаг являлся производственно-хозяйственным главком Наркомвнудела, который должен был обеспечить трудовое использование дармовой рабочей силы на основе ежегодно устанавливаемых правительством промышленных и строительных планов.

Вторая задача ГУЛага – "воспитание в значительной их (заключенных. *А.Г.*) части трудовых навыков и приобщения всего их состава к социалистическому строительству"[2]. Причем более трети заключенных приходилось на осужденных за контрреволюционную деятельность (28,7%), – и вот к ним-то и предполагалось применять методы воспитания, которые "сопряжены с особыми трудностями".

Численность рабов, по разным источникам, превышала все мыслимые пределы. Зарубежные ученые Р.Конквест и С.Коэн считают, что к концу 1939 г. сидело в тюрьмах и лагерях СССР около 9 млн человек. Советский исследователь В.Чаликова опубликовала другую цифру – 12 млн человек. Исследователь ГУЛага, историк В.Земсков считает, что "в январе 1940 г. в лагерях... содержалось 1 334 408 заключенных, в колониях – 315 584 и в тюрьмах – 190 266 человек – всего 1 850 258 заключенных"[3]. Примерно такую же цифру дают и сотрудники ГУЛага в своей закрытой переписке[4].

Вся огромная армия заключенных (даже если предположить, что приведенная цифра правдива) должна была обязательно работать по назначению администрации. Промышленность ГУЛага охватывала

17 отраслей, выпускающих, например, в 1940 г. товарной продукции на 2659,5 млн руб. (в отпускных ценах)[5]. Это деревообрабатывающее, горно-металлургическое, металлообрабатывающее, машиностроительное, текстильное, топливодобывающее, сельскохозяйственное и пр. производство. Здесь работали заключенные.

История ГУЛага складывалась постепенно, от года к году. Впервые этот термин упоминается 15 февраля 1931 г. Приказа о его создании пока не обнаружено.

Первые концентрационные лагеря (так они тогда назывались) советская власть создала на Соловках. А первые массовые стройки ГУЛага – Днепрострой и каналы Беломоро-Балтийский (1931-1939 гг.), Москва-Волга (1932-1936 гг.). Именно эти стройки принесли сотрудникам ОГПУ-НКВД бесценный опыт использования бесплатного принудительного труда. У создателей свои "герои", их кровавые имена гремели в те годы по всему Союзу.

Председатель ОГПУ В.Менжинский, его заместитель Г.Ягода – вдохновители и организаторы ГУЛага как системы. Первый начальник ГУЛага Матвей Берман – чекист, у которого руки по локоть в крови. "Заключенный стоит государству больше 500 рублей в год. С какой стати рабочие и крестьяне должны кормить и поить всю эту ораву тунеядцев, жуликов, вредителей и контрреволюционеров? Мы пошлем их в лагеря и скажем:

"Вот вам орудия производства. Хотите есть – работайте. Это принцип существования в нашей стране".[6]

Матвей Берман подавлял выступления против большевиков во многих точках страны – усмирял истреблением. Он один из организаторов и исполнителей выселения кулаков – где в чистом поле он топал ногой и говорил: "Здесь", там и выгружали репрессированных, чтобы строили поселения и выживали сами. Он также один из организаторов лагерей – человеческие жизни не имели для него никакой ценности.

Начальником Беломорстроя чекисты назначили Лазаря Когана, бывшего анархиста, бывшего начальника особого отдела армии, заместителя начальника войск ОГПУ. Ни копейки валюты – получил он напутствие от правительства и, действительно, не истратил ни одного доллара. Коган придумал слово "каналоармеец" – оно станет основным пропагандистским запалом в развернувшейся на каналах пропаганде по возвеличиванию социалистического труда. Слово это очень понравилось А.Микояну. Правительству вообще очень нравились эти каналы. Чекисты и хозяйственники часто их посещали. Даже И.Сталин, который не любил никуда ездить.

Заместитель Когана – Яков Рапопорт, бывший предгубчека, за голову которого атаман Шкуро давал 50 тыс. рублей золотом.

Имеющий большие способности к точным наукам, один из лучших студентов Императорского Юрьевского университета, он предпочел науке работу в ЧК и имел несомненные заслуги перед советской властью.

К этой компании "славных" чекистов надо причислить и Нафталия Френкеля, бывшего турецкого капиталиста, начальника работ, создателя "котловки" для заключенного. Смысл ее в том, что заключенный получал пайку, если выполнена норма, если же нет, то она резко уменьшалась. "Котловка" сыграла свою роковую роль, она косила бессчетное количество заключенных, которые не могли, в силу разных причин, справиться с планом. В конце 30-х гг. было вообще отменено условно-досрочное освобождение, ликвидирован зачет одного рабочего дня за два из срока отбытия наказания. Основным стимулом труда становилось улучшенное снабжение и питание производственников, небольшие денежные вознаграждения, облегченный лагерный режим .

Беломорско-Балтийский канал был возведен в рекордно короткие сроки – за 20 месяцев. В постановлении ЦИК Союза ССР от 4 августа 1933 г. сказано: "В связи с успешным окончанием строительства Беломорско-Балтийского канала имени тов. Сталина органами ОГПУ Союза ССР уже полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек, осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве.

...За самоотверженную работу... снять судимость и восстановить в гражданских правах 500 человек по представленному ОГПУ Союза ССР списку"[7]. Это только то количество заключенных, которые получили "благодарность" властей, но и оно превышало количество заключенных на всей территории царской России. Бывший зэк И.Солоневич, прошедший все круги беломорского ада, утверждал, что строили канал и остались на дне его не менее 286 тыс. человек. В одном только Свирском лагере работало 78 тыс. заключенных. А этот лагерь, пишет Солоневич, считался относительно небольшим[8].

Белбалтлаг был так велик, что совершенно поглотил Карельскую республику, узурпировал все функции правительства. Эта линия на поглощение государственных функций началась еще с Соловков, когда в этом уникальном, представляющем историческую ценность месте чекисты управляли полностью, и не только лагерями.

На Беломоре было девять отделений: Водораздельное, Кемское, Медногорское, Мурманское, Повенецкое, Сорокское, Сегежское, Сосновецкое, Туломское. В каждом из них от 5 до 27 лагпунктов с

населением от 500 до 25 тыс. заключенных. Большинство лагпунктов имело свои "командировки" – мелкие предприятия, разбросанные по территории республики. Все они были обустроены кое-как. Люди в бараках мерзли, ходили в рванье, погибали от непосильной работы и голода. Бани, вошебойки, санпропускники оставались чаще всего лишь на бумаге. Паек выдавался только при выполнении нормы (или умении ее оформить – "туфта"). Лопата и тачка – основные средства механизации, при помощи которых и был построен канал.

Единственное, что доставалось заключенным в избытке, – политическое воспитание. Обуявшая большевиков идея перевоспитания, перековки, переделки человека проверялась на все новых и новых людских резервах, которые беспрерывно подвозились на строительство канала. По замыслу организаторов социализма, труд и политическое воспитание – те главные механизмы, которые сумеют изменить природу человека, оставить в нем только преданность идее, а все остальное, "бесполезное" следует убрать.

В этих условиях действенным орудием обмана людей стала печать. Характерно, что администрация лагеря довольно быстро организовала газету – менее чем через год после начала строительства канала.

С первых дней издания создавался культ лагерника. Власти хотели, чтобы люди не только увлеченно трудились, но и любили свое рабство, славили его при каждом удобном случае. Эта идея сохранилась во всех советских газетах до начала перестройки. Настоящий лагерник – сильный человек, который думает только о канале, о нормах выработки и об общественной работе.

Вторая идея, которая внушалась народу, – они живут в самой свободной стране мира. Даже заключенные при социализме живут более свободно, чем вольные в странах капитала.

В книге о строительстве Беломорско-Балтийского канала, которую сочиняла группа советских писателей (Л.Авербах, Б.Агапов, С.Алымов, Вс.Иванов, М.Горький, В.Катаев, А.Никулин, А.Толстой, Бруно Ясенский и др.) и которая является позорным фактом в их писательских биографиях, есть целая глава о злодеяниях и пытках в буржуазных тюрьмах. Там, на Западе, "намерены превратить в такую тюрьму нашу свободную страну – передовой отряд мировой революции". Советская тюрьма гораздо лучше, чем пресловутая буржуазная свобода, – утверждают авторы.

На переднем плане идеологической борьбы стала лагерная газета "Перековка". Это было первое издание подобного типа. Тираж ее достигал иногда 30 и более тыс. экз. Кроме того, ОГПУ создал газеты практически во всех отделениях лагеря, они проникали в каждый барак. Начальство бдительно следило, чтобы газету читали все, а если почему-либо тиража не хватало, то в бараках устраивались громкие читки –

этим занимались специально выделенные люди. Таким образом, центральную газету строительства Беломорско-Балтийского канала "Перековку" можно назвать родоначальницей лагерной прессы в СССР.

Если в предыдущем периоде в тюремных изданиях превалировало живое, искреннее слово заключенного, то лагерная пресса от первого до последнего слова была предназначена для идеологического оболванивания людей. Годилось все: и мифы социализма, и прямая ложь. Три ведущие темы постоянны во всей лагерной прессе.

Первая тема – социалистическое соревнование и ударничество. Труд заключенного – главный предмет отражения его жизни в газетах. "Перековка" и сеть отделенческих газет постоянно внушали читателям, что заключенные думают только о соревновании, о промфинплане, о выполнении и перевыполнении норм. Газеты переполнены справками, цифрами, сводками, приказами, списками, перечислением "достижений", процентов, "трудовыми победами" и рапортами. Печать взнуздывает и вздергивает людей на дыбу непосильного труда. "Социалистическое соревнование" обрастает организационными формами, требующими усилий людей и больших средств: ударнические слеты (слетались еженедельно то землекопы, то столяры, то каменщики), вручения общелагерных, отделенческих, переходящих и непереходящих красных знамен и флажков, записи в разного рода трудовые книги... Поражает армейская лексика принудительного труда: штурмы, трудовые десанты, каналоармейские подвиги, фронт работ – она неисчерпаема!

Характерно, что "Перековка" была переведена из Белбалтлага по наследству лагерникам, строящим канал Москва-Волга, и сохранила свой внешний вид, стиль, тематическую направленность. Почти в каждом номере – выступление какого-либо начальника лагеря с очередными задачами и планами, которые надо "во что бы то ни стало выполнить". Вот, например, № 39 от 28 июня 1933 г. В статье Л.Когана, начальника строительства Белморстроя, а затем Волгостроя, говорится: "Тот, кто выставляет обязательным условием сотни экскаваторов, паровозов и т.п. – *тот строить канал не хочет* (выделено автором. – *А.Г.*)... Ориентируйтесь на лопату, тачку, грабарку и ручное бурение... Хорошо и нужно знать математику, но мертва она для строителя, если он не знает поправочных коэффициентов на большевистскую волю, на социалистические методы организации труда, на культурно-бытовое обслуживание рабочего и на умение организовать настоящий производственный порядок".

Еще в первых номерах "Перековки" (№ 2 от 20 декабря 1932 г., № 1 не сохранился) газета четко определила роль журналиста в лагере. Конечно, ему отводилась почетная и ответственная обязанность – быть

организатором, пропагандистом, агитатором – все по В.И.Ленину. Лагкор (так назывался лагерный корреспондент, журналист) – "разведчик на боевых позициях строительства. Первая обязанность лагкора – стать передовым в шеренге ударников. Поднять массу лагерников на борьбу за скорейшее выполнение плана... Следить за выполнением обязательств, организовывать бригады проверки, устраивать переклички, бороться с лжеударниками, лодырями и симулянтами... Лагкор не только разоблачитель, но и организатор лагерников на выполнение программ... Всю лагерную печать мобилизовать на борьбу за перевыполнение плана". Разумеется, эти полицейско-административные функции не присущи журналистике, но в условиях лагерной реальности (как и на воле) политическая лояльность, преданность социализму заменяли профессиональные качества.

Надо сказать, что на стройках в системе ГУЛага начальство требовало не только чтения лагерной прессы в обязательном порядке, но и обратной связи, того, что позже стало называться действенностью социалистической печати. Заместитель начальника Дмитлага ОГПУ С.Фирин в № 87 "Перековки" за 1 декабря 1933 г. сетовал, что "начальники отделов управления и начальники отделений, как правило, оставляют без всякого внимания заметки, помещаемые в газете "Перековка", а также ее бюллетенях на местах и стенгазетах. Огромное большинство заметок остается без ответа, что создает впечатление, нередко отвечающее действительности, полного невнимания администрации к голосу лагерной общественности и нежелания устранить ненормальности, вскрываемые лагкорами. Приказываю: лично следить за публикациями, принимать меры и сообщать мне... Организовать лагкоровские "посты действия" из ударников, которым поручить проверку действенности". Так на практике отрабатывалась ленинская концепция действенности социалистической прессы.

Первый редактор "Перековки" – известный поэт Сергей Алымов. Он отбывал полученный еще при царе срок в Канске, Енисейской губ. с 1911 по 1917 г., откуда бежал. Работал в союзе русских эмигрантов в Австралии. С 1919 г. жил в Харбине, в Китае (злые языки утверждали, что там он содержал публичные дома) и вернулся на родину. Можно с уверенностью сказать, что с такой биографией он должен был очутиться в заключении. Редактором Алымов работал со всей душой и талантом, и главная его заслуга перед советской властью в том, что он опоэтизировал труд заключенного.

Как в руках часового винтовка,
Неизменно тверда и чиста,

Так же твердо и ты, "Перековка",
Никогда не сходила с поста.
По отлынщикам, по разгильдяям
Ты всегда открывала стрельбу...

Способный организатор, Алымов сумел собрать "пишущий" авторский коллектив: заведовал литчастью Ю.Казарновский, информацией – Г.Грузд, секретариатом –Н.Качаровский. В его архиве, хранящемся в РГАЛИ, огромное количество писем заключенных с песнями, рассказами, стихами, пьесами, поэмами. Привлекает внимание и то, что поэт собирал лагерную лексику, литературное творчество заключенных (песни, пословицы и поговорки). Условия, в которых работал Алымов, вынуждали его употреблять свои литературные способности на то, чтобы еще более эффективно выжимать соки из людей. Он организовывал многочисленные приложения к "Перековке", собирал деньги у заключенных на охрану, на постройку эскадрильи имени своего лагеря – когда каждый из них должен был отдать 160 процентов месячного заработка, называл Беломорканал "любимым", считал лагерь "школой переработки тысяч нарушителей".

Сталин любил Алымова. В 1948 г., после смерти поэта, он назначил его матери и детям персональные пенсии. Таких заслуг вождь не забывал.

Помимо вышеуказанных изданий, газета "Перековка" издавала свою библиотечку. Это были отдельные выпуски в виде книжечек, в которых публиковались рассказы, стихи, очерки заключенных писателей и поэтов. Всего таких выпусков было издано шестнадцать, но только два из них сохранились в московских архивах и хранилищах: "Песни о канале". Сб. стихов. Изд. КВО Дмитлага НКВД СССР,1936. 3200 экз; а также "Новая Волга". Сб. стихов лагерников – строителей канала Москва-Волга.Изд. КВО Дмитлага НКВД СССР,1936. 3200 экз.

На этих изданиях стоял гриф "Не подлежит распространению за пределами лагеря". Вот, например, строки лагерного поэта Акима Сердюкова:

Я вижу хаос первозданья
И слышу четкий звон лопат,
Что в трудовом соревнованье
Канал величия творят.
Я сам ударник и строитель,
Стою на новом берегу,
Страны чудес законный житель,
Я не отдам ее врагу.

Стихи выражают общепринятые в пропаганде того периода мифы и стереотипы. Библиотечка "Перековки" славила канал на многих языках народов СССР, на которых говорили репрессированные. Все тексты проникнуты любовью к светлому будущему. Причем желание привить людям тупой фанатизм, веру в радостный труд в социалистическом лагере, перековать кадры в строителей коммунизма, механических исполнителей чужой воли – все это помогло издателям отобрать соответствующие тексты, которые внушают отвращение своей искусственностью и уродливостью мысли. Вот, например, такие стихи – их автор Гарник Шагинян:

Куб за кубом землю вынимая,
Строим мы республику свою.
Тачка! Тачка! Ты ведь понимаешь?
Тачка! Пой, как я тебе пою.

Подобные произведения, которых много, например, в архиве Алымова, отличаются однообразием независимо от того, стихи это или проза. Труд лагерного журналиста был нелегок: "Перековка" периодически приглашала людей на работу в газету и "не заметки писать, а работать". С.Алымов неоднократно призывал: "Нужны газетные работники и журналисты. Надо сообщить в редакцию ФИО, статью и срок, образование, служебный стаж в газетах и журналах (где, на какой работе и сколько лет)". Этот призыв опубликован в № 40 от 11 июня 1932 г. и потом повторен неоднократно. Но люди избегали работать в лагерной прессе.

Как понималась свобода творчества внутри лагерной журналистики? С.Алымов писал так:

Бездушного творчества нету,
Мы творчески строим канал!

Вообще, его стихи написаны с надсадой, на крике. Но зато "свободно", от души. Он объяснял преимущества жизни заключенного (журналиста, в том числе) так: "Ограничен в передвижениях, ограничен режимом, не свободен в числе свиданий. Но во всем остальном – свободен"[9].

Нет, недаром Сергея Алымова, бессменного редактора "Перековки", называли "великим певцом великой стройки"[10].

В Дмитлаге (г. Дмитров, Московской обл.), где располагался административный участок и сама редакция "Перековки", для заключенных издавались газеты на многих языках: татарском, тюркском[11], грузинском, украинском... – за 1933 г. вышло 12 млн 140

тыс. экз. За 4 месяца 1934 г. общий тираж составил более 1 млн экз. . "Печать должна стать острым орудием в борьбе за канал, за перековку человека," – писала газета в № 33 от 6 мая 1934 г.

Дмитлаг имел районы: Волжский, Северный, Центральный, Хлебниковский, Восточный, Истринский, Южный. В каждом из них издавалась не только своя районная газета, но и производственный бюллетень, газеты "нацменотрядов" на разных языках страны, газета "Долой неграмотность!", различные выпуски, листовки, приложения... Выходил и литературно-художественный журнал "На штурм трассы", в котором сотрудничали свои лагерные поэты и писатели. Все выпуски были, в основном, посвящены возвеличиванию "лагерника – человека труда". Из номера в номер рассказывалось о писателях и поэтах, художественной интеллигенции страны, которые посещали и посещают строительство каналов и вдохновляют людей на новые трудовые подвиги. Подробно и много раз описывал журнал визит на Беломорстрой И.Сталина и М.Горького в 1933 г.

Огромные средства тратило ОГПУ на создание "атмосферы" свободы и полноты жизни в лагере. На центральном участке часами играл духовой оркестр. Центральная агитбригада (режиссер Жирули) показала на слете лагерников оперетту "От Волги до Москвы": "прекрасный текст оперетты и музыка, специально написанные т. Черняком, произвели на слушателей огромное впечатление," – пишет "Перековка" в № 69. Композитор, поэт, артисты, разумеется, заключенные. В декабре 1934 г., как сообщала "Перековка", лагерники просмотрели фильм "Москва-Волгострой", посвященный строительству канала. Организовывались выставки картин с портретами ударников и чекистов, журнал "На штурм трассы" в каждом номере знакомил читателей с этими картинами.

КВО неоднократно объявлял конкурсы на лучшее произведение о лагере. В архиве С.Альмова их много, построенных по схеме: пришли рецидивистами, ушли на свободу ударниками.

Журналист, инспектор КВЧ и редактор газеты Медвежегорского отдельного лагпункта ББИТЛ "На штурм производства" Давид Янсен написал "литературно-сценический монтаж", который назывался "На Белморстрое", и ораторию "Приказ № 28 т.Когана". Приведем отрывок из этого произведения:

Вниманию масс!
Слушайте приказ!
Начальника строительства
По боевому вопросу.
Приказ № 28!

Привлекает внимание находящийся среди документов архива Алымова альбом заключенного Н.М.Воронина. В маленькой книжечке, любовно сделанной автором, содержится много песен, которые Воронин записал в тех тюрьмах, где сидел.

Хотел ли Алымов их опубликовать? В газете, в книге? Неизвестно.

Заключенные презирали свою прессу и не писали в нее заметки. Обеспокоенная редакция организовала "кабинку печати". В отгороженном углу барака сидел дежурный лагкор и, когда приходил неграмотный или малограмотный корреспондент, в его присутствии писал за него заметку. Давал автору на подпись. По предложению редакции, написавшему несколько заметок прибавляли паек. Однако, как можно понять из газеты, оба этих мероприятия в популяризации газеты особой роли не сыграли. Общая мобилизация в лагкоры не получалась.

"Перековка" постоянно печатала "обзоры низовой печати": стенных, районных и отделенческих газет, призывала низовых лагкоров: "Разоблачайте лодырей и лентяев, называйте их поименно". И разъясняла: "Лодыри – те, кто выполняет нормы на 100 процентов" (№ 24, 1933 г.). Появился даже неологизм: "Разоблачайте симлодов!" – (симулянтов и лодырей). В день печати 5 мая 1933 г. "Перековка" на первой странице дает маленький портрет В.И.Ленина, огромный – И.Сталина и шапку: "Каждый лагкор – ударник, каждый ударник – лагкор!" Далее снова убеждает читателей в том, что газета "должна следить за развитием строительства, мобилизовывать, сигнализировать о недостатках", что она и делала в форме рейдов по участкам строительства. В № 11-12 за 20 февраля 1933 г., например, заметка рассказывает о том, как "Трудколлектив "Памяти 9-ой годовщины смерти Ильича" 5 лагпункта, после производственного совещания, созванного рейдом "Перековки", вызвал на соревнование ТК и ТА отделения на лучшего коня, лучшего конюха, лучшего возчика".

Начальник отдела печати строительства Дмитлага Д.Ковригин придумывал все новые и новые ухищрения пропаганды за "здоровый лагерный быт" и "повышение производительности лагерного труда". "Начальнику 2-го водораздельного отделения СЛаг ОГПУ и Штабу по соцсоревнованию и ударничеству от всех заключенных командировки Южный Городок (присутствовало 3123 чел.) рапорт: "В то время, как в капиталистических государствах проходит глубочайший кризис, когда пролетариат в других странах терпит невыносимые тяжести, голод и нищету, сверхчеловеческие эксплуатации... объявляем себя ударниками и включаемся в объявленный общелагерный конкурс..."

Это было в ноябре 1931 г. А в марте началась кампания за женское

равноправие. Смысл ее в том, чтобы побудить женщин трудиться наравне с мужчинами. В № 18 за 1934 г. "Перековка" опубликовала "Письмо женщин руководителям строительства тт. Когану и Фирину". Приводим из него цитату: "Мы, заключенные женщины, поздравляем вас с великим международным днем 8 марта и желаем провести его хорошо. Мы хотим сказать о том, как много дала советская власть женщине. Вот мы находимся в лагере, как временно изолированные от общества за наши преступления, – и то чувствуем, что на нас обращают внимание, перековывают нас..." Это захлебывающееся чувство восхищения своим рабством – постоянная тема. В № 59 от 10 августа 1934 г. опубликовано, например, письмо женщины, ударно работавшей и получившей отпуск. Она сообщает, что отказывается от отпуска и не может "на 2 недели расстаться с любимым каналом". Такого рода писем напечатано в газете очень много: люди освобождаются, но не хотят ехать домой, оставить "любимое дело". Публиковались и письма с воли. Вот в № 62 от 8 сентября 1933 г. письмо бывшего заключенного Еремеева: "Ребята! Не сдавайте темпов! Верьте мне, я завидую, что вы на Москанале, а я строю гражданские сооружения!"

А такие записки, как "Объявляю себя ударником и обязуюсь в течение всего периода постройки водоканала не брать выходного дня. Андреев Василий Александрович". – "Перековка" печатала десятками.

Однако, если внимательно читать "Перековку", то можно заметить между строк многое. Так, в одном из номеров газета дает снимок лучшего барака 8-го отделения: бесконечный ряд двухэтажных нар, сверху и снизу битком набитый людьми. Головы, головы... На последней странице газеты практически в каждом номере заметки о том, что баня и вошебойка не работают или стоят без воды, или ремонтируются. Вши – бич "каналоармейцев", им даже начальник Дмитлага посвятил специальный приказ № 442 "Об улучшении хозбытусловий": "В бараке должно быть тепло – утром 14, вечером 18 градусов, бани и прачечные должны работать, ликвидировать вши, каждому общежитию – часы-ходики". Вот полный перечень примет бытовых удобств в лагере. На снимках часто публикуются бесконечные очереди – за хлебом, за ужином, за раздачей "премблюда"... Появляются и фотографии работающих на стройке детей.

Из номера в номер печатаются, как правило, под псевдонимами, жалобы на поваров, завхозов и раздатчиков пищи: не доливают, крупу не моют, крадут. Газета организовывает слеты поваров, рейды по проверке их рабочих мест.

Вторая тема, постоянно присутствующая в газетах лагерного периода, – энтузиазм заключенных. Газеты описывают фанатизм, горение людей в условиях лагеря. Портреты ударников, их письма и

заметки написаны практически одинаково, под копирку. Не отличаются эти материалы и по оформлению. Выдуманная любовь к каналу, восторги от преобразования природы, любовь к "славным чекистам" – начальникам, именами которых называют трудовые коллективы, – все эти темы обязательны в любой лагерной газете. Репрессивная журналистика использовала одни и те же методы и приемы, которыми оболванивала тысячи и десятки тысяч заключенных. Романтизация рабства, уверения в том, что люди живут только планами социалистического строительства и для этого могут добровольно отказаться от семьи, нормальной жизни. Высокий, утяжеленный эпитетами и сравнениями стиль изложения характерен не только для "Перековки", но для лагерной прессы вообще. Журналисты должны были заниматься несвойственными им функциями надсмотрщиков за работой заключенных, убеждать людей в том, что они живут замечательно, лучше, чем при капитализме. Лагерные журналисты не были заинтересованы в том, чтобы писать правду, но они и не могли этого сделать. Информационный вакуум заполнялся пропагандистско-идеологическими поделками, которые оказались очень живучими и навсегда прижились в советской прессе.

9 августа 1934 г. член политбюро ЦК ВКП(б) Председатель ЦИК СССР М.И.Калинин посетил стройку, поговорил с рабочими-лагерниками и, как сообщила "Перековка", остался доволен тем, что "активно перековывается такой большой отряд преступников". Десятки номеров газеты повторяют, что Калинин был восхищен энтузиазмом заключенных.

Третья постоянная тема – усиление влияния партийных и профсоюзных организаций, вокруг которых тесно сплачиваются лагерники. Здесь можно упомянуть об антирелигиозной пропаганде, которой "Перековка" уделяла много места. 18 июля 1933 г., например, в газете появилась заметка "Я был басмач". Автор пишет, что только на этой замечательной стройке понял, что такое советская власть, забыл Коран, свою религию и своих мулл. Такого рода заметок было очень много, и все они примерно одного содержания.

Мотив классового врага – самый постоянный, когда речь идет о труде заключенных. Бдительность считается ценным классовым чувством, газеты призывают всегда и при любых обстоятельствах быть настороже. Проспал сторож – классовое преступление, подрались между собой – потеряли классовую бдительность, а вот группа ударников, назвав имена врагов, своих солагерников, потребовала их отселения в отдаленные северные лагеря. Вообще возможность отправки в северные лагеря звучит со страниц газеты как предупреждение, неотвратимое наказание: не будешь бдительным, будешь ротозеем, прозеваешь классового врага – отправишься в

северные лагеря.

Миф о том, что заключенные все теснее сплачиваются вокруг партийной и профсоюзной организаций, которые относятся к людям бережно, защищают не только от вредителей и шпионов, от ошибок и разочарований, но и меняют их к лучшему, перековывают, возятся с ними, как с неразумными детьми, – очень живуч. Много заметок о том, как подошел чекист к заключенному, поговорил с ним – и тот исправился, стал трудиться с энтузиазмом. Такой вульгарно-облегченный подход к людям предполагает, что изменить природу людей очень просто. Для этого достаточно использовать некоторые пропагандистские приемы. В заметках заключенные даже якобы благодарили чекистов за эту индивидуальную работу "с нами, преступниками".

Пройдя лагерь, перековку коллективным трудом, заключенный "получал закалку" и становился "годен к социалистическому строительству". Чувство гордости за "школу Белморстроя", за жетоны, которыми награждались ударники – лучшая характеристика человеку, вернувшемуся на волю. И только партия могла создать такое гигантское по масштабу и эффективное средство для перековки человека. В газетах – много заметок о любви к партии, полном растворении людей в планах переустройства общества.

Справедливости ради надо сказать, что и на воле газеты не блистали пропагандистскими находками, а использовали тот же набор стереотипов и приемов. В этом смысле содержание газет и в лагере, и на воле мало отличалось друг от друга. Скованные жестокими обручами цензуры, они могли развиваться только используя однажды найденные методы и приемы.

После окончания строительства Беломорско-Балтийского канала часть заключенных была отправлена на БАМ, часть – на строительство канала Москва-Волга. Протяженность канала Москва-Волга в семь раз больше, чем Беломорско-Балтийского – соответственно можно подсчитать, хотя бы примерно, то количество заключенных, которые работали там. Газетная индустрия на этих гигантских стройках постоянно совершенствовалась. Однако промфинплан и культ личности остаются навсегда главными темами.

* * *

В приложении к главе дана библиография изданий, выходивших на строительстве каналов типографским способом. Стенгазеты, количество которых не превышало 600, нами не учитывались (они изготовлялись рукописным способом и не сохранились). К сожалению,

многие из газет, литературно-художественных и производственных журналов утрачены: нам, например, не удалось просмотреть полную подшивку журнала "На штурм трассы". Часть газет находится в ЦГА РФ, в РГАЛИ, в ГБ РФ и в Исторической библиотеке. Многие годы пролежали они в спецхранах и только совсем недавно стали доступны исследователям.

Нет полных подшивок и в местных архивах. Многие номера безвозвратно утрачены. Только за 1930-1931 гг. на Беломорско-Балтийском канале было издано 568 номеров отделенческих газет-бюллетеней общим тиражом 195 650 экз.[12] Можно себе представить, какие тиражи складывались на КВМ, пресса которого в несколько раз превышала возможности Белбалтлага.

Начиная с "Перековки", внешний вид лагерных изданий приобрел единообразие для всех лагерных газет страны: появился гриф "Не подлежит распространению за пределы лагерей". Этот гриф в той или иной модификации обязательно ставился на все издания подобного рода. На каждой советской газете была надпись "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" – она свидетельствовала о том, что данное издание как бы частица всеобщего движения по пути строительства социализма. Однако этот гриф ни разу не появился ни на одной лагерной газете. Чаще всего использовалась цитата И.Сталина "Труд в СССР – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства".

Газеты, подобные "Перековке", выходили на всех стройках коммунизма. Термин "великие стройки коммунизма" окончательно утвердился после 25 января 1952 г., когда "Правда" опубликовала передовую статью "Великие сталинские стройки коммунизма".

В газетах 30-х гг. статьи и заметки подписываются фамилиями авторов, на последней странице называется редактор или редакционная коллегия (иногда пофамильно). Из текстов можно понять, какой регион обслуживает газета. Скоро запреты Главлита будут таковы, что все эти конкретные названия и сведения исчезнут бесследно.

Одним из источников установления лагерной прессы является исторический сборник "Память"[13]. Он был выпущен в Москве самиздатом, а затем переиздан на Западе. Представителем московской редакции была известная правозащитница Н.Горбаневская.

Исследователь Н.Стогов предпринял, по существу, первую попытку хоть как-то систематизировать те тюремные издания, которые выходили в СССР до войны. Список неполон, в нем есть искажения – не по вине автора, а по причине тотальной секретности, в условиях которой он собирал сведения. Но тем не менее этот список вызвал у нас в стране и на Западе большой интерес. В статье наиболее полно указаны издания, которые выходили в Соловецком лагере. В нашей

книге соловецкие издания практически не указаны, так как эта часть тюремной прессы, в отличие от других регионов, неплохо изучена санкт-петербургскими учеными, которые осуществили ряд интересных публикаций об истории этого, по существу, первого советского концлагеря.

Как было принято в те годы, в переписке не указывались инициалы. Наименования строек коммунизма употреблены так, как публиковались в лагерной прессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1.

[2] Там же.

[3] Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10.

[4] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 3.

[5] Там же. Л. 19.

[6] Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. М., 1934. С. 75.

[7] Там же. С. 16.

[8] *Солоневич И.* Россия в концлагере. Вашингтон, 1985. С. 5.

[9] РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 3. Ед. хр. 43. Л. 112.

[10] В книге Джозефа Шолмера "Воркута", пока еще не изданной у нас, рассказывается, что после смерти Сталина горняки Воркуты перестали ходить на работу. Генерал Деревянко, который расстрелял многих "шахтзаключенных", но не мог увеличить количество добываемого угля, кричал на них: "Что вам надо? Живете на всем готовом! О вас заботятся, одевают, кормят! Какой еще свободы вам надо?" Он, как и Алымов, конечно, не мог понять, о какой свободе идет речь. РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 3. Ед. хр. 41. Л. 1.

[11] Имеются в виду татары, башкиры, якуты, гагаузы, которые тоже работали на канале Москва-Волга.

[12] ЦГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 31.

[13] Память. Ист. сб. М., 1976. Нью-Йорк, 1978. С. 527-584.

Глава 4

ЛАГЕРНАЯ ПРЕССА (1935—1955 гг.)

В конце 30-х гг. печать великих строек коммунизма накапливает тот опыт репрессивной журналистики, который активно внедряется в практику пропагандистскими отделами ОГПУ и НКВД.

В чем заключается этот опыт?

Во-первых, лагерная печать полноправно вошла в структуру средств принуждения. Ложным пафосом, фальшивыми лозунгами, а то и различного рода организационными мероприятиями, методами ежедневного повторения, вдалбливания она культивировала самоценность принудительного труда. Активно пропагандировались идеи равенства, счастья в коллективном труде, неоплатного долга перед государством, которые сводились к вульгарно-упрощенным представлениям и формулировкам, доведенным до клише. Стереотипы поведения и социалистические мифы предлагались на фоне активного разрушения нравственной и религиозной культуры и духовных ценностей. Культура народа за лагерным забором исчерпывалась громкими читками газет (для чего назначались специальные люди), а также умением расписываться. Всячески поощрялся отказ от своей национальной культуры, религии, традиций и приобщение человека к "ценностям социализма". Начался процесс тотального обезличивания людей, внушения мысли о малозначимости каждого отдельного человека в системе национально-духовной культуры.

Во-вторых, печать внедряла в сознание людей гипертрофированное пренебрежение к ценности самой человеческой жизни, незначительности материальных благ, приоритета государственного перед личным, тем более перед личной независимостью. Идеализировались такие качества, как бескорыстие, бессеребренничество, самые нищенские потребности, в том числе духовные. Все это объявлялось не имеющим никакого значения перед высокими идеологическими целями.

В эти же годы на Западе с новой силой разворачиваются дискуссии на тему увеличения масштабов использования в СССР принудительного труда. Такая литература специально переводилась и издавалась всего в десятках экземпляров для узкого круга советских

начальников. В некоторых западных источниках говорилось, что примерно 80 % товаров в стране выпускается в лагерях и тюрьмах руками заключенных.

ООН в 1945-1948 гг. неоднократно ставила вопрос о рабском труде в СССР. Была создана комиссия из трех человек, которая должна была выяснить судьбу полутора миллионов военнопленных немцев, не репатриированных после 1945 г. Мировое сообщество предполагало, что они работают в лагерях. Советское правительство сообщило, что не признает и не будет признавать никаких комиссий, подобных созданной.

Государство предпринимало большие усилия для того, чтобы скрыть от собственного народа и от мировой общественности не только гигантские масштабы использования принудительного труда, но и наличие самих лагерей. В самом начале 30-х гг. в отдельных лагерях или, что чаще, детских коммунах НКВД иногда принимали представителей Международного Красного Креста или других официальных лиц, но к концу десятилетия визиты и общение с заключенными (как с детьми, так и со взрослыми) были запрещены. Режим ужесточения цензуры приобретал тотальный характер. Не миновал он и репрессивную журналистику.

Если "Перековка" была переполнена показным фанатизмом и энтузиазмом, воспевала лагерный быт и призывала гордиться самим званием "лагерник"[1], то газеты для заключенных 30-х гг. резко переменились. Они старательно обходят армейско-лагерную лексику, заменяют само слово "лагерник", "заключенный" на более деликатное "охраняемый" (сохранившееся буквально до недавних дней), навязчиво пишут об удобствах быта, хороших условиях для получения образования и профессии, высоких заработках заключенных, полезных и интересных культурно-воспитательных мероприятиях.

В январе 1936 г. в ГУЛаге был создан отдел № 2, который возглавила некая Шимко[2], для осуществления руководства лагерными изданиями по всей стране. Любопытен первый документ, изданный Шимко и заместителем начальника ГУЛага Г.Плинером о назначении лагерной прессы. По мысли гулаговского начальства, она должна "широко освещать ход стахановского движения среди заключенных. Для использования этих материалов в практической работе предлагаем:

1) Начальники отделов и производственных секторов систематически знакомятся с печатью. Фамилии работников отделов и секторов ГУЛага, допущенных к чтению лагерных газет и журналов, сообщить в 4-й отдел.

2) ...Т. Шимко выделить спецкомплект лагерных газет для ознакомления с ними всех отделений и производственных секторов".

Отметим две важные детали: если "Перековка" буквально навязывалась для чтения всем заключенным, то лагерную прессу 30-х гг. уже не все могли прочесть, а начальники должны были иметь свои подшивки. К 1937 г. повсюду создана система жесточайшего цензурного гнета даже в отношении этой, далекой от какого-либо намека на правду прессы, разукрашенной сказками о социализме. Начальник должен читать свою газету, чтобы следить, руководить, надо полагать, отвечать за то, что она пишет. Циркуляры Главлита, приказы политотдела ГУЛага и политотделов лагерей и других мест заключения регулировали деятельность прессы в строго допустимых рамках и очень подробно. Запреты сыпались, как из рога изобилия.

Конфисковывая тиражи, закрывая и открывая издания, Главлит следил, в основном, за официальной печатью, но не забывал и лагерную. Так, циркуляром от 1939 г. полной тайной должны были стать любые сведения о местах заключения. То есть газета издавалась как бы и не для заключенных, отбывающих свой срок в строго установленном месте. В 1941 г. Главлит указал и на особенности содержания изданий для заключенных. О чем должна писать такая газета? "Социалистическое соревнование, партийная жизнь, учеба кадров, мобилизация внутренних ресурсов, строгая экономия – вот что должно быть в печати". Мало того, переписка Главлита с политотделом НКВД изобилует обзорами тех или иных лагерных изданий, указаниями Главлита на "недостатки".

В соответствии с указаниями секретариата ЦК ВКП(б) от 3 июня 1942 г. лагерные газеты были унифицированы[3]: определена форма А-3, две или четыре полосы; утвержден штат, состоящий из редактора, ответственного секретаря (он же выпускающий), литсотрудника-корректора, машинистки-делопроизводителя, курьера-уборщицы. Наконец, засекречивается и многое другое, что никогда, ни в одной стране не является секретом, а именно: многотиражные газеты выпускаются при соблюдении следующих условий:

"1.Не разрешается указывать ни прямо, ни косвенно, какому учреждению или строительству принадлежит издание. Нельзя указывать местонахождение, тираж, типографию, адрес.

2. В тексте не должно быть никаких данных, по которым можно установить дислокацию, характер, объем и результаты работы, нельзя называть фамилии руководителей, а также приводить полные наименования территориальных организаций области, края и АСФ включительно.

3. Запрещаются перепечатки из местных газет и наоборот".

Понятно, что эти меры были приняты именно для того, чтобы скрыть масштабы репрессий, количество лагерей и заключенных. Указания эти строго соблюдались. Вся просмотренная нами периодика

до 1955 г. имела только одного издателя – политотдел, но чей политотдел, понять невозможно – глубокая тайна. В тексте – только цифры, проценты, нормы выработки, также в процентах. Конечно, полезной информации такое издание не несет. Засекречен сам факт, что это лагерная газета, а также количество заключенных и где они работают.

Сотни газет издавались в это время: на секретных объектах, оборонных предприятиях и др. К их инвентаризации еще и не приступали. Но все они, пролежавшие десятилетия в спецхранах, однотипны: никакой информации, примитивность содержания и языка, наличие секретных грифов, никаких выходных сведений – только номер заказа и личный номер уполномоченного Главлита.

18 июня 1942 г. Главлит вообще запрещает выход всех многотиражных лагерных газет Московской области. Причина: война, отсутствие бумаги, трудности сохранения секретности изданий. Взамен разрешено издавать "Боевые листки" периодичностью два раза в неделю, тиражом в 500 экземпляров, предназначенные для громких читок. Читать газеты с воли и слушать радио заключенным строго запрещалось. Почту с прессой привозили в опечатанном виде. Затем в политотделе "препарировали" центральные газеты, разрезали их на кусочки и отдавали на громкую читку только разрешенные тексты. В Карлаге, например, принудительными читками за полгода было охвачено 920 тыс. человек. Примечателен описанный в донесении заместителя начальника управления Карлага Картавых эпизод, как заключенный, привезя газеты в неопечатанном виде, разумеется, не по своей вине, тем не менее был посажен в карцер[4].

Режим секретности строго соблюдали политотделы ГУЛага. Партия осуществляла руководство прессой, видя главную задачу в том, чтобы не публиковать никакой информации для заключенных и в то же время с помощью прессы "мобилизовывать" их на героический труд. Для этого политотделы приспосабливали постановления ЦК ВКП(б) к лагерным условиям.

Так, с партийной позиции была проанализирована газета "Большая Волга", издающаяся для вольнонаемных, но имеющая запретительный гриф. Отмечено, что газета выходит с периодичностью 8 раз в месяц. За 1940 г. выпущено 100 номеров, получено 1668 писем, из них 1422 опубликовано, 202 отправлено в отделы и следственные органы. Авторский актив – 30 человек, в том числе работники политотдела Волгостроя.

Отмечаются достоинства газеты: она стала инициатором общественного смотра оборудования и технических страниц, который бессменно выпускал помощник главного инженера. Также газета организовала совещание стахановцев. Политотдел хвалил редакцию

за внимание к лагерным стенгазетам (их на Волгострое насчитывалось до 150 названий), за проведенный пятидневный семинар с редакторами лучших "стенновок". Не обошлось и без критики. Как сказано в постановлении, газета мало публикует материалы на партийные темы: в 1939 г. – 64, в 1940 – 142, несколько полос, разворотов и передовых статей под рубрикой "Партийная жизнь", плюс двадцать тематических полос о передовом опыте социалистического соревнования[5]. Это называется мало!

Подобные обзоры – поверхностные, основанные на подсчитывании рубрик и количества публикаций на обязательные темы – станут основным методом работы политотделов со своими газетами. Такого рода документы регулярно рассылались по всем лагерным редакциям. По этому образцу писались обзоры и о газетах на воле. Политотделы ГУЛага перенимали, насколько смогли, метод накачки и выговоров за те или иные прегрешения, например, недостаточное, по их мнению, количество материалов на партийные темы.

Однако в данном случае, политотдел ГУЛага не учел того обстоятельства, что "Большая Волга" – крупная газета. В ней работало много вольнонаемных, профессиональных технических и творческих специалистов. Поэтому она по содержанию и оформлению не могла сравниться с лагерной, в которой всегда ощущался дефицит кадров. Но политотделом всегда проводились такие механические сравнения.

Незадолго до начала войны, в марте 1941 г., во все редакции лагерных газет было направлено руководящее письмо "О перестройке многотиражных газет политотделов лагерей и строительств НКВД"[6], адресованное "Всем начальникам политотделов лагерей и строек". Документ родился сразу же после партийного постановления от 23 января 1941 г., которое было опубликовано в центральной прессе. Посвящено оно было улучшению работы фабрично-заводских газет, но, как обычно, было "скорректировано" на лагерную прессу. В первой части гулаговского документа перечисляются недостатки лагерных изданий. "У нас немало газет, читая которые, невозможно определить, где они издаются и кого обслуживают, хорошо или плохо выполняет план лагерь-стройка. Такие газеты, как "Борьба за лес", "Забой", "Норильстроевец", "За бурый уголь", строят газеты без участия масс, печатают материалы ТАСС, союзную информацию, а вопросы борьбы за план не ставят". Предлагалось перестроить работу многотиражных газет, "дать им ярко выраженный производственный характер", создать редколлегию "из проверенных лиц, лучших работников, которых утверждать на заседаниях политотделов". Велено "штаты сократить, оставить двух платных работников, а редактора утверждать в обкомах ВКП(б)". Постановление подписано начальником политотдела ГУЛага капитаном госбезопасности

М.Горбачевым.

Понятно, что после такого руководящего указания характер лагерных газет изменился: появилось еще больше сводок, процентов и цифр, которые совершенно не интересовали заключенных. И еще более они принуждаются к сотрудничеству.

Понятно и то, что должны были усилить производственный характер газеты, чтобы вдохновлять заключенных на "трудовые подвиги". Ведь к началу войны в третью пятилетку на рабочую силу исправительно-трудовых лагерей возлагалось проведение важнейших строительных работ стоимостью 12 млрд руб. И это, по признанию наркома внутренних дел Л.П.Берии, при том, что даже та заниженная норма питания, которая была выработана специалистами ГУЛага, соблюдается только на 60-70 процентов[7].

К этому времени уже активно поставляет рабочую силу в лагеря Указ Президиума Верховного Совета СССР "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений", а также совместное постановление ЦИК и СНК СССР " Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественно-социалистической собственности" (знаменитый закон о колосках). Окончательно утвержден Президиумом Верховного Совета СССР отказ от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов – осужденные отныне стали отбывать свои сроки полностью, от звонка до звонка. Все эти законы обеспечивали поставку бесчисленного количества рабочих рук на предприятия НКВД. При этом проблема журналистских кадров не была решена – переписка НКВД, его политотделов показывает, что для лагерных газет всегда было трудно найти грамотных специалистов, которые сумели бы организовать "производственный характер" газет.

Используя ужасающим образом труд рабов-заключенных, ГУЛаг "щедро" давал людям политическое "воспитание". Можно было урезать пайки, организовывать спецлагеря для инвалидов-"слабосилок", умирающих от голода, потому что средств на их содержание почти не имелось. Но денег на политическую пропаганду ГУЛаг никогда не жалел. В сельскохозяйственных лагерях и колхозах УИТК ГУЛага за первую половину 1941 г. издано 1648 стенгазет и производственных бюллетеней. Здесь насчитывалось 9846 корреспондентов из заключенных. По ведомству железнодорожного строительства ГУЛага издавалось 10250 стенгазет и бюллетеней, было проведено 837 семинаров с корреспондентами газет-стеновок. В колхозах ГУЛага приняли участие 15 тысяч заключенных. Заместитель начальника ГУЛага майор Завгородний и заместитель начальника

культурно-воспитательного отдела (КВО) Васильев с гордостью докладывают: за первое полугодие 1941 г. выпущено 87 тыс. номеров стенгазет, не считая изданных типографским способом[8].

Все эти издания, часть которых сохранилась, носят, в основном, характер сообщения о том, какой был план и сколько сделали, кто отличился (фамилии). Политотдел ГУЛага стремился создать впечатление, что все "массы заключенных" активно сотрудничают в прессе. Это было пропагандистским слепком с воли: там тоже создавалось впечатление всенародного участия в делах государственной важности через журналистское творчество.

Исключительно низкий профессиональный уровень тех "журналистов", которые, в основном, печатались в стенных и других газетах, был общим для всех лагерных газет. Только в Соловках часть репрессированных профессоров участвовала некоторое время в изданиях научных журналов – на этом "всенародное участие" заключенных в выпуске своей прессы закончилось.

Лагерная пресса руководствовалась документами, изданными политотделом ГУЛага. Расскажем о некоторых из них.

С начала войны заместитель начальника политотдела ст. лейтенант госбезопасности П.Буланов издал за своей подписью постановление "О работе многотиражных газет лагерей и строек НКВД в условиях военного времени". Вот несколько цитат из него : " Многотиражные газеты должны помочь руководству и политотделам лагерей и строек мобилизовать массы на большевистское выполнение важных оборонных хозяйственных заданий". Как напоминает этот большевистский сленг речи организаторов лагерей-строек коммунизма на Беломорско-Балтийском канале и канале Москва-Волга! " Важное место в газетах отводится партийно-политической работе, роли первичных партийных организаций, пропагандистской и агитационной работе". Тексты мучительно знакомы всем советским людям. Разворачивая идеологическую работу, партия не могла преодолеть пропагандистские штампы. "Вместе с тем газета должна быть боевым органом антифашистской пропаганды и агитации... Хороших результатов добились газеты "Сталинская стройка", "Большая Волга", "За ухтинскую нефть", "Лесозаготовитель". За что же хвалит политотдел отмеченные издания? "Боевой характер, злободневная, оперативная, всесторонняя информация, глубина пропаганды и агитации, широкий актив. В каждом номере факты высокой сознательности, дисциплинированности, политического воспитания".

Далее в постановлении перечисляются отстающие издания: "Забой", "Вперед", "Борьба за лес". "В них много перепечаток, случайного материала, мало рейдов, переписи привлеченного актива".

Предлагается перестроить работу газет в условиях военного времени, а именно: добиваться увязки с планом лагеря или стройки, регулярно обсуждать передовые "Правды", пропагандировать решения ЦК ВКП(б)[9]. После критики газеты усилили тему партийного руководства.

По донесению начальника политотдела Актюбинского комбината НКВД Голованова, в 1941 г. здесь издавалось: 46 общелагерных газет, 168 производственных бюллетеней, 41 выпуск "Крокодила", 4 бюллетеня культурно-воспитательного отдела, 12 "полевок". Политотдел Джидастроя назначил двух внештатных инспекторов по печати. Им работы хватало: 245 стенгазет, масса изданий на немецком языке (здесь работало около 30 тысяч немцев-трудармейцев), многочисленные "Окна сатиры". Докладывает Вятлаг: за полгода 36 наименований стенгазет и бюллетеней на производственные темы. Бирлаг: для 10 тысяч заключенных издано 296 номеров разного типа газет. Карлаг: стенгазет и бюллетеней на разных языках народов СССР 272 наименования, а стенкоров – 1329 человек! Красноярсклаг: 213 стенгазет, 264 производственных бюллетеня. "Кроме того, здесь работало местное радио и выходило 35 световых газет, регулярно выходило 13 бюллетеней "Антирелигиозник", а к 1941 г. этих бюллетеней насчитывалось 525 номеров". И так по всем лагерям и стройкам. Как видим, гулаговское начальство придавало большое значение лагерной прессе[10].

В августе 1943 г. П.Буланов издал новое руководящее письмо "Об усилении партийного руководства многотиражной печатью лагерей и строек НКВД"[11]. И оно тоже явилось практически копией постановлений, которые появлялись в военное время для вольной печати. Буланов пишет: "Печать всегда являлась острым и сильным оружием в руках нашей партии. В условиях военного времени к ней предъявляются еще большие требования. ЦК ВКП(б) принял ряд решений о повышении роли печати в политическом, культурном, военном воспитании трудящихся, о том, чтобы превратить газеты в центр политической работы в массах. За годы войны многотиражная печать лагерей и строек выросла количественно и качественно..." Не обошлось в постановлении без указаний на недостатки, причина которых изложена так: "...Слабое руководство партийной печатью. Начальники политотделов должны заниматься газетой повседневно как неотъемлемой частью партаппарата".

Следует перечень мер для усиления партийного руководства лагерной прессой: укрепить "проверенными" кадрами, давать указания улучшить информирование, повысить литературный уровень, не допускать перестраховки, избегать сенсационности... Появилось в этом постановлении и нечто новое, чего не было раньше: "можно критиковать отдельных руководящих работников".

Заканчивается документ разделом, в котором политотдел обязывает многотиражную печать "повседневно руководить стенгазетами".

Партийное руководство лагерной печатью не ограничивалось только созданием подобных документов. Много усилий требовали от политотделов и совещания редакторов многотиражных лагерных газет. На это тратились огромные деньги. Редактора свозились, как правило, в один из крупнейших городов России, где издавалось большое количество газет, слушали лекции, при этом получали оплачиваемые командировки. Иногда организовывалось нечто вроде учебы или повышения квалификации.

Анализ документов Политотдела показывает, что за годы войны таких совещаний было, по крайней мере, три. В работе первого, датированного 1943 г., участвовали 30 редакторов многотиражек[12], кроме редакторов газет, издающихся в УИТЛК Хабаровского края, Каспийлага и Актюбкомбината. По итогам работы за три года войны были заслушаны доклады многих редакторов, опыт работы которых, по мнению гулаговского начальства, мог быть полезен остальным. Из Тагилстроя Муравьев и из Севжелдорстроя Старцев, редактора многотиражных газет, рассказывали о борьбе своих изданий за выполнение производственного плана. Конечно, утверждали они, роль эта была велика. И далее рассказ об организации публикаций на партийные и производственные темы, количестве и месте рейдов по проверке тех мощностей и резервов, которые влияют на выполнение плана. От Сиблага выступила Малиновская, из Норильстроя – Потоцкий. Они рассказали об освещении вопросов партийной и комсомольской жизни, которая в их лагерях проводится очень оживленно и содержательно. Из Севураллага Койнов и из Широковлага Комаров рассказали о работе с корреспондентским активом и руководстве стенной печатью. По утверждению делегатов, участвовавших в совещании, механизмы привлечения широких масс заключенных к сотрудничеству в газете основываются на их таланте и убеждениях. Материально это, как правило, никак не вознаграждается.

На этом же совещании обсуждался проект нового положения о многотиражных газетах политотделов НКВД (к сожалению, текст этого документа пока не найден или не был принят по каким-либо причинам).

Редакторам прочли лекции: заместитель начальника Главлита Гольцер о соблюдении цензуры и бдительности журналистов, профессор Никольский – о языке и стиле газет. Были намечены очередные задачи в соответствии с последними указаниями ЦК ВКП(б) о работе печати.

Второе совещание (1944г.) также было всесоюзным[13], проходило оно

примерно в том же составе и опять в Москве. Политотдел указал на "безграмотность и низкий уровень литературного и политического оформления, плохое качество печати". Он обязал местные политотделы обмениваться газетами "с целью усиления гласности социалистического соревнования, обмена опытом партийно-политической работы и укрепления связей". Поставлена задача "улучшения деятельности, улучшения работы с письмами трудящихся".

В 1947 г. политотдел ГУЛага проводил совещание редакторов многотиражек лагерей и строек МВД уже не в Москве, а в Свердловске[14]. По своему содержанию и по качеству принятых документов оно мало отличалось от подобных предыдущих мероприятий. По существу все эти совещания – полная копия тех, что проводились в газетах на воле теми или иными партийными организациями.

Не только встречи и обмен опытом использует политотдел с целью мобилизации масс на производственные победы. По его инициативе часто проводились общие для всех лагерных газет кампании. Впервые общие кампании были проведены в газетах великих строек коммунизма. Тогда в них вдруг стали появляться заметки о том, что освобождающиеся лагерники не хотят расстаться с "любимым каналом" и остаются работать по своей инициативе в лагере. Количество таких публикаций и одновременность их появления указывают на то, что эта кампания была инспирирована свыше. Или, например, в стенгазете "Экран" второго района Соликамстроя появилась заметка о том, что заключенные десятник Кисельков и бригадир Сухановкин решили отрабатывать по два часа сверх режима[15]. И это в невыносимых условиях лагерного труда и быта! Все остальные издания, стенные и многотиражные, выходящие в разных лагерях, понукаемые политотделами, быстро распространили по ГУЛагу этот почин. В течение нескольких лет лагерные газеты воспроизводили подобные почины буквально одними и теми же словами.

Еще один пример. К концу войны, в 1945 г., газета Норильлага НКВД напечатала заметку о том, как комсомолка-чертежница боролась за ремонт карусельного станка. "Она проявила большевистскую настойчивость, дошла до самого высокого лагерного начальства, но добилась поставленной цели". Этот шедевр журналистского творчества был рекомендован политотделом для перепечатки всем лагерям, стройкам и колониям НКВД. 33 лагерных издания его перепечатали.

Заметки, побуждающие к социалистическому соревнованию, развивающие чувство социалистической собственности, очень нравились партийным комитетам на воле и в лагерях. Отдельные

недостатки охотно клеймились на фоне всеобщих успехов. И в этом пропагандистская политика была общей.

Кто же делал лагерную прессу? Кто в борьбе за светлое будущее ценою миллионов человеческих жизней навязывал темы, используя скудную армейскую лексику?

По документам НКВД, в аппарате лагерей, строек и колоний работало 24 636 членов ВЛКСМ, из них 80% не имело среднего образования, а 1208 – даже начального[16]. Зато идеи партии и правительства они несли в массы убежденно. Отсюда рекрутировались основные кадры нештатных авторов.

Лагерная печать, как мы уже говорили, мало чем отличалась от газет, издающихся в стране. Такое впечатление, что все они делались с одной матрицы, менялось только название. Но главная мысль всегда оставалась неизменной: убедить массы в необходимости бесчеловечной жизни и принудительного труда ради великой цели – построения коммунистического общества.

За пять лет войны было выпущено несколько постановлений, приказов и других документов политотдела ГУЛага, содержащих партийные установки для лагерной печати. Этот бумажный поток особенно возрос с приходом в отдел печати ГУЛага О.Барсакова, бывшего редактора лагерной многотиражки, который знал, кого и как инструктировать, за что хвалить или ругать. Его стараниями в марте 1943 г. появилось, например, постановление "Об освещении многотиражными газетами лагерей и строек НКВД подготовки к весеннему севу"[17]. Критикуя газеты за отставание в отражении такой важной темы, Барсаков проводит строгий статучет: газета "Сталинская стройка" с первого по восемнадцатый номер поместила на эту тему всего две крошечные заметки, газета "За ухтинскую нефть" – одну статью, а вот " Заполярная кочегарка" вообще не уделила теме ни одной строки. И как резюме – ультимативная жесткая директива:"Освещение... весенне-полевых работ должно занять главное место в работе редакций на ближайшее время". Разумеется, есть указание, что " редакции должны стать застрельщиками социалистического соревнования... уметь мобилизовывать коллектив на..."– лексика и содержание указаний за годы эксплуатации заключенных не претерпели никаких изменений.

Последний из просмотренных автором документов, посвященных вопросам перестройки работы ИТЛ, датирован 1954 г. Главным фактором трудового воспитания, по мнению ЦК КПСС, по-прежнему являлась "организация среди заключенных социалистического соревнования". Выдерживалась единая линия не только по отношению к целям и задачам лагерной прессы, но и вообще партийной печати: никакой недозволенной информации, никаких вольностей, соблюдение

высочайшей бдительности и классовой линии. Газета, усилиями Главлита и ГУЛага превращенная в набор стереотипов партийно-патриотической тематики, продолжала быть предметом тревог и забот. Вот некоторые директивные указания политотдела ГУЛага о работе многотиражных газет: "Принять меры, чтобы не разглашались государственные и служебно-оперативные секреты МВД; в типографиях быть бдительными в подборе кадров. Использование заключенных в качестве наборщиков, печатников запрещено; вход в типографию посторонним лицам прекратить. Для секретных работ подобрать проверенных, отдельных людей"[18].

Презрение заключенных к своей прессе выражалось не только в том, что они не хотели даже за дополнительную пайку в ней сотрудничать. Они не читали ее по своей воле и не покупали газеты, хотя политотдел требовал, чтобы снабжение заключенных газетами происходило за счет заработанных ими средств. Дефицит кадров, а также атмосфера всеобщей подозрительности и бдительности заставили политотдел привлекать в качестве редакторов вольнонаемных. Конечно, это были многократно и тщательно "проверенные" люди. Такие редактора, как Дзеговские (отец и сын), Койнов, Сумарокова, Лузянин, Малиновская, были хорошо известны в политотделе и считались в ГУЛаге "золотым фондом". Они умело исполняли все инструкции и приказы, научились выпускать газеты без единого намека на какие-либо новости, кроме дозволенных, и потому при острой необходимости перебрасывались из лагеря в лагерь для организации очередного издания для заключенных. Они умели работать в тесном контакте с властью, приписывая ей все удачи, сваливая на других неудачи. Они старались вносить в работу хоть какой-то "оживляж", чтобы сделать газету читабельнее. Одна из таких попыток – кампания, разработанная Главлитом, по организации и проведению в лагерях читательских конференций по книгам Н.Островского "Как закалялась сталь" и В.Кочетова "Журбины". Практически все лагерные газеты дали пространные отчеты об этих "эмоциональных" и "волнующих" обсуждениях, в которых приняли участие все заключенные. Речи выступавших на конференциях похожи как две капли воды.

Безусловно, быть редактором в условиях лагеря очень сложно. Тем более, что рамки цензуры все расширялись. 16 сентября 1940 г. СНК СССР объединил Главрепертком и Кинорепертком[19]. Отныне Главлит отвечал не только за секретную информацию в газете, но и за каждую строку. Цензура в лагерной газете приобрела тотальный характер – она теперь распоряжалась всем: кому что читать и какое мнение должно иметь каждому советскому человеку о прочитанном и на воле, и в лагере.

Редактора лагерных газет помнили, что иностранные шпионы

"черпали" множество тайн именно из многотиражных газет. Поэтому до последнего времени областные, краевые, районные и многотиражные газеты были запрещены к вывозу за границу.

* * *

По нашим подсчетам, число многотиражных газет, издающихся для заключенных, не превышало одновременно пятидесяти изданий в год. Но оно не было стабильным. Одни газеты закрывались, другие возникали на их месте или меняли свое название в связи с дислокацией или переездами лагерей, территорию которых они обслуживали. Конечно, газет было намного меньше, чем лагерей. Общество "Мемориал" в 1993 г. распространило среди прошедших ГУЛаг анкету[20], содержащую вопросы об издании прессы на территории тех лагерей, где они отбывали свой срок. Вот что пишут бывшие заключенные:

"Я находился в ГУЛаге с 1936 по 1953 г. и за это время никаких газет и журналов на территории лагерей не видел и не слышал, чтобы они издавались. Даже таких газет, как "Правда" и "Комсомольская правда", мы не видели. Да и как их было видеть, когда на весь лагерь приходило по одному экземпляру в КВЧ, а там, как правило, заведовал кто-нибудь из уголовников и получить центральную газету было невозможно... О начале войны мы услышали по радио, которое случайно не было выключено... Нас гоняли на разгрузку товарных вагонов, и мы видели, что в сторону Москвы и вообще на запад нескончаемым потоком шли воинские эшелоны с солдатами и воинской техникой, а самолетами летели не только в дневное, но и в вечернее время... А начальство лагеря утверждало, что никакой войны нет... В период отбывания срока на Колыме (УСВИТЛ) газету центральную можно было выписать за свой счет. Лагерные же дела освещались в единственной местной газете, которая издавалась в г.Магадане, "Советская Колыма" или "Колымская правда". Но только о бригадах, которые хорошо работали, да так подавался материал, чтобы никто не мог и подумать, что речь идет о заключенных". Это пишет М.Н.Невзоров.

Председатель Абезьского местного общества "Мемориал" В.Ложкин сообщает, что с 40-х гг. до ликвидации 501-го строительства НКВД Управления лагерей Северного строительства издавалась многотиражная газета "Строитель", журналистами в которой работали только вольнонаемные. В типографии работало 10-11 человек, "проверенные" люди. В газете печатались материалы о строительстве железной дороги Котлас–Воркута и Чум–Лабытнанги.

Бывший заключенный М.П.Рубеко пишет в своем ответе на вопросы

анкеты о судьбе своего товарища, журналиста И.С. Макарьева. Он работал на строительстве плотины на озере Долгое учетчиком и по своей инициативе организовал в лагере выпуск стенгазеты. Сам писал, добывал материал, рисовал. Бригадиры носили ему заметки о достижениях своих коллективов.

П.А.Тарасова, которая отбывала срок на севере, не припомнит никаких газет и журналов за время с 1946 по 1948 г.

Значительная часть ответивших на анкету бывших заключенных называет те издания, которые обозначены нами в библиографическом приложении. Многие из них указывают, что выпуск газет зависел от того, были ли для этого технические возможности. Действительно, это так. Всех гулаговских типографий и их условий мы не знаем и сегодня. Но многое известно: приличные типографии были в распоряжении Беломорско-Балтийского строительства – сначала типография на Соловецких островах, затем филиал на Медвежьей горе при управлении СЛаг. Гораздо более крупная типография находилась в распоряжении Дмитлага – это она обеспечивала огромный выпуск газет, журналов и литературы для заключенных, работавших на строительстве канала Москва-Волга. Знаменитый российский книгоиздатель И.Д.Сытин восстановил в 20-х гг. типографии в Таганской тюрьме и в Ивановском ИД – и они работали в распоряжении НКВД на полную мощность десятилетиями. Московская типография имени Воровского тоже принадлежала НКВД. Волжский ИТЛ владел типографией закрытого типа, где печатались многотиражные лагерные газеты и секретные материалы НКВД. В г. Куйбышеве в полную нагрузку работала типография Особстроя НКВД. Большими издательскими возможностями располагал Дальстрой.

* * *

Библиография лагерных газет складывалась из знакомства с перепиской политотдела ГУЛага с местными политотделами, Главлитом, Советом Народных Комиссаров, сектором печати ВКП(б) и другими учреждениями.

К сожалению, оригиналов в Центральном Государственном Архиве Российской Федерации сохранилось не так много. В местных архивах газетным подшивкам придавалось не такое большое значение, чтобы хранить их в тесноте и при отсутствии штатов. В "Мемориале" есть сведения о том, что в 70-х гг. местные архивы жгли подшивки "за ненужностью хранения". Один из жителей Севера, например, приехал домой после отпуска и случайно увидел пожар. Во дворе, где раньше располагался местный политотдел НКВД, уничтожали лагерные

издания (некоторые страницы этих изданий он сфотографировал). Как оказалось, сожженные подшивки утеряны безвозвратно, потому что в центральных архивах и хранилищах газет "Полярный шахтер", "Северный горняк", "За нефть" не оказалось. Такие пожары, наверняка, могли быть организованы во многих местах.

Некоторые газеты были определены, "найдены" случайно. На строительстве 505, например, издавалась многотиражная газета – об этом мы узнали из переписки политотдела ГУЛага, но лагерная ли это газета, трудно было понять. Изучая подшивку, мы обратили внимание, что в четырех номерах подряд она даст материалы, посвященные смерти Чойболсана. Это навело на мысль, что газета издавалась в Монголии, где строительство вели несколько лет подряд наши заключенные. Позже эта догадка подтвердилась документально.

Примерно такая же работа была проделана и в отношении других подшивок, которые хранятся в ЦГА. Ведь определить газету необычайно трудно: в ней никаких выходных данных, в текстах нет названия лагеря или строительства. Как говорилось выше, засекречено все, кроме литовского номера и заказа. Приходилось искать хоть какую-то информацию, чтобы вычислить издателя. По названию реки или горы, случайно пропущенному в текстах (хотя Главлит запретил упоминание географических наименований), устанавливался адрес газеты, но не исключены и ошибки. Некоторые газеты, указанные нами, не имеют пока "приписки".

Наиболее полные списки издававшихся газет содержатся в фондах Главлита. Тотальная цензура обязывала их к бдительности, к реакции на малейшие проступки и замечания, поэтому сохранились приказы и разрешения, а также запрещения на издание отдельных газет и журналов.

Множество газет, в основном издававшихся на Дальстрое, хранятся в газетном зале ГБ РФ. Не все из них имеют гриф секретности, однако они были закрыты для исследователей. Поскольку Государственная библиотека не имеет библиографии лагерных газет, автору пришлось в течении многих месяцев вручную перебирать карточки и просматривать имеющиеся экземпляры, определяя, лагерные они или нет.

Многие названия лагерных газет нашлись в Исторической библиотеке, в фондах некоторых писателей в РГАЛИ.

Как указано в библиографии (впервые сформированной нами из названных источников), не все газеты имеют гриф секретности – это в каждом отдельном случае указано. Надо понимать, что, например, Дальстрой был, по существу, государственной структурой на огромной территории и практически все газеты, которые издавались там, так или иначе лагерные.

И, наконец, еще одна проблема, без которой трудно понять структуру лагерной прессы. Периодика для заключенных имела свою, только ей предназначенную аудиторию. В каждом лагере имелись свои потоки информации, которые не смешивались друг с другом. Газеты издавались или только для заключенных, или только для вольнонаемных (и те, и другие выходили под грифом "Газета не подлежит распространению вне лагеря"). Гораздо позже, как указано в библиографии, появились газеты для заключенных и вольнонаемных одновременно. Это "новый" тип газет, рассчитанный "на развертывание социалистического соревнования" между этими двумя группами лагерного населения. Их содержание и оформление ничем не отличалось от других: тот же "производственный характер", цифры и сводки, проблемы партийного руководства, прославление вождей.

Издавались газеты специально для военизированной охраны, которая стерегла заключенных, а также – для несовершеннолетних в детских колониях. Об этих двух типах газет – в следующих главах.

... Необходимо отметить, что в документах политотдела ГУЛага упоминается и пресса для военнопленных. Не подлежит сомнению, что после войны в разных лагерях издавалось множество стенных газет на разных языках – и не только народов СССР: на немецком, японском, китайском. Так, огромная группа японских военнопленных отбывала срок на Амгуньском строительстве БАМ ГУЛЖДС. После войны, в июле 1946 г. УМВД Хабаровского края и управление Амурского строительства отправили в лагеря инструктивное письмо "Об организации социалистического соревнования среди военнопленных"[21]. Заместитель начальника Амгуньского строительства, входившего в БАМ, развил активную деятельность: политотдел создал штаб, куда входили и японские офицеры. С помощью переводчика им объяснили стоящую задачу: развернуть трудовое соревнование между собой. В донесении заместителя начальника в аппарат ГУЛага говорилось, что японские военнопленные долго не могли понять, чего от них хотят, но он все-таки сумел им "разъяснить". Они поняли, что нужна наглядная агитация: на стене вывешивались трудовые показатели на японском и русском языках. Фамилии передовиков вносились в графу под рисунком самолета, машины, лошади. Фамилии отстающих – под знаком черепахи, рака... Вывешивались также портреты победителей, которым было обещано дополнительное питание. "Во втором отряде ... военнопленный шофер Есида подошел к начальнику КВО Соколову и спросил: почему его портрет не висит, хотя он работает не хуже? Разъяснили, что хотя у него 152%, но перерасход горючего. Стал экономить и теперь его портрет висит. Командир взвода 10 лагпункта Аояки на заготовке леса выдал 114%, с ним соревнуется Каядзи – 113%.

Землекопы Ямамато, Кияниси, штукатуры Ямагаси, Шадагаси, печник Маиди – все они выработали свыше 140%". Если раньше отказов от работы было до 70%, то после организации "конкуренции" положение исправилось. Здесь же докладывает начальник культурно-воспитательного отдела Самойлов: различных стенгазет издается 27. Среди военнопленных работу ведет "антифашистское отделение при 040. Выпуск стенной печати проверяется и утверждается вольнонаемными наблюдателями-культработниками и контролируется партийными организациями".

Политотдел ГУЛага имел сеть уполномоченных по газетам для военнопленных. Неизвестно, сколько всего газет выпускалось для них. В списке политотдела ГУЛага, который мы приводим в библиографии, названия газет даны на трех языках. Ни одного номера этих изданий в Московских архивах не обнаружено. Возможно, чудом сохранились газетные номера в местных архивах.

Транскрипция названий газет на иностранных языках такая, как она употреблена в переписке ГУЛага. Инициалы действующих лиц приведены, если упоминаются в оригиналах.

И еще об одном хотелось бы сказать – о названиях газет. Как видно из библиографии, все они однотипны. Обычно это "Путь к коммунизму", "Сталинская стройка", "Сталинская новостройка", "Сталинское знамя", а также "Микояновец", "Менжинец за технику" – таких примеров масса. В Днепропетровске издавалась газета под названием "Питомцы Кагановича". Во время войны все эти одиозные названия исчезли. Появились более нейтральные, типа "Вперед", "За большевистские темпы", "За металл", "Дорожник".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] До войны издавались десятки газет под названием "Лагерник", например, издания ОСОАВИАХИМа и др.

[2] В документах инициалы не указаны. Мы предполагаем, что это большевичка Софья Николаевна Шимко, которая не миновала репрессий в самом конце 30-х гг. (впоследствии она через фонд Е.П.Пешковой разыскивала из лагеря свою семью).

[3] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 3. Ед. хр. 33. Л. 90.

[4] Там же. Оп. 1. Ед. хр 1435. Л. 77.

[5] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 52-54.

[6] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 73.

[7] Цит. по: Гулаг в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 18.

[8] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 1434. Л. 24, 34 и др.

[9] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 228-229.

[10] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1435. Л. 54, 60, 71, 101, 155, 157, 170, 172, 176, 185.

[11] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 33. Л. 157.

[12] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 61. Л. 6; Ф. 9414. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 54.

[13] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 39-41.

[14] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 61. Л. 195.

[15] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1435. Л. 185.

[16] Вспоминается, что нарком внутренних дел И.Ежов, заполняя анкету, в строке об образовании писал "незаконченное низшее".

[17] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 3. Ед хр. 33. Л. 39.

[18] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 61. Л. 33, 70 и др.

[19] РГАЛИ. Ф. 656, 2095 и др.

[20] Анкету распространяли по территории бывшего СССР сотрудник Мемориала С.Кривенко и А.Горчева.

[21] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 1479. Л. 158-159.

Глава 5

ИЗДАНИЯ ДЕТСКИХ ЛАГЕРЕЙ ОГПУ, НКВД, ГУЛАГА

Сироты, беспризорные, бездомные дети существовали всегда и повсюду. Боролись с этим явлением в каждой стране по-своему. В России еще в 1819 г. был образован "Дамский комитет попечительный о тюрьмах". Состоял он из особ "высокопоставленных, известных благомыслием, честностью и человеколюбием"[1]. Первая председательница его – княгиня С.С. Мещерская. Затем комитет в течение 34 лет возглавляла Т.Б. Потемкина, а в 1868 г. высочайше была назначена Ее императорское величество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская.

Светские дамы поставили себе целью не только помочь мужчинам и женщинам, попавшим по той или иной причине в тюрьму, "несчастненьким", как их тогда называли, но дать приют и ремесло арестантским детям. В столице было открыто Убежище для женщин, где они могли получить помощь, пока не станут на ноги. Проводилась большая работа и в местах заключения. Для женщин-арестанток и их детей была специально открыта прекрасная церковь в Санкт-Петербурге. В программе работы с этими детьми было предусмотрено не только нравственное воспитание, но и материальная помощь, учеба, общежитие, одежда и т.п. Из кружечного сбора, взносов и пожертвованных сумм арестантские дети имели приличные деньги. В Убежищах для женщин, которые к концу века открылись практически в каждой губернии, женщины зарабатывали стиркой, шитьем. Привилегированные дамы часто посещали своих подопечных, читали им книги, вели беседы. Фотографии и материалы цитируемой книги свидетельствуют о достойной жизни несовершеннолетних арестантов.

В 1894 г. были открыты ясли для родившихся в местах заключения детей, которые росли рядом с матерями. Но потом попечительница приюта Ю.Ф.Абаза поняла, что матери лишаются заработка и "приучаются лености". В приюте появилась дежурная няня, назначалась дежурная мать, а остальные стали работать.

Годом позже открыли исправительно-воспитательный приют для

несовершеннолетних преступниц. До этого в России было 21 исправительное заведение для мальчиков и только 3 приюта для девочек - Болшевский, в Пуще и Саратовский. В них содержались 93 воспитанницы, а лишено свободы в 1894 г. по всей России было 698 девочек. Приюту дали имя императора Александра III. Девочек учили грамоте, манерам; 5 раз в неделю – школьные занятия, 2 раза в неделю – арифметика. За 25 лет деятельности Е.А.Нарышкиной, которая возглавила приют, обучено 2500 женщин и детей. Современники отмечали необычайную любовь попечительницы к своим подопечным: она не жалела для них ни времени, ни здоровья в деле "нравственного назидания". Уже в преклонном возрасте, заболев, она сильно печалилась о будущем созданного ею приюта.

Возможно, русские светские дамы сознательно следовали идеалу: примеру англичанки Фрей, которая всю жизнь помогала заключенным и тем снискала большое уважение соотечественников.

Были и другие энтузиастки, которые помогали заключенным и их детям. Хочется назвать княгиню М.М. Дондукову-Корсакову, которая всю жизнь деятельно заботилась о "несчастненьких". Часто беседовала с ними, внушая , что только "служение Богу и покаяние спасут их"[2].

В 1880 г. в Одессе некий коммерсант Я.О.Альберт начал помогать заключенным. Он сумел построить для детей мастерские. Несовершеннолетние преступники прямо в приютах учились ремеслу[3].

Каждый год общества, попечительные о тюрьмах, а также патронирующие несовершеннолетних, были обязаны представлять отчеты о трате денег, о программах обучения. Отчеты эти публиковались в газетах, благодаря чему можно убедиться, что благотворительные и милосердные традиции в российском обществе были весьма устойчивы и эффективны, а деньги не разворовываются. В стране работали специальные детские суды. Огромное количество пожертвований собиралось для оказания помощи несчастным людям, и примером в этом была царская семья, которая ежегодно жертвовала 5 тыс. руб. золотом на тюремные нужды. Столько же или чуть меньше давали граф М.С.Воронцов, княгиня В.С.Долгорукая и т.д.

Для царствующих особ не считалось зазорным посещать места заключения. В отчете комитета за 1929 г. рассказывается о том, как 12 октября Государь посетил Градскую тюрьму, осмотрел ее, сделал замечания.

Заключенных женщин и детей приобщали к труду, но "введение работы в тюрьмах не должно иметь целью прибыток, или доходы сего учреждения, но токмо истребление праздности и приучения к труду, пренебрежение коего бывает причиною большой части преступлений"[4]. Дети, например, плели лапти, приучались к ремеслу.

Однако, начиная с первой мировой войны, число детей,

выброшенных на обочину жизни, увеличивается со страшной силой. По некоторым источникам, эта война породила 6 млн бездомных и беспризорных детей. Октябрьский переворот добавил к этой цифре еще примерно 7 млн[5]. Причем количество обездоленных детей росло год от года: аресты и расстрелы, проводившийся в массовых масштабах белый и красный террор увеличивали детское сиротство, разрушали семью, где должна формироваться личность ребенка.

Что только ни делала советская власть, чтобы обуздать армию сирот! Упразднила суды и тюремное заключение для детей до 17 лет, намереваясь применять к ним только меры воспитательного характера[6], призывая относиться к малолетним преступникам с сугубо медицинской точки зрения – как к "социально-дефективным", которые нуждаются в лечении. До середины 20-х гг. в газетах совершенно серьезно обсуждался вопрос: как отобрать детей у отсталых родителей и воспитывать их по-новому. Время от времени государство давало детям небольшое продуктовое обеспечение, и тогда беспризорность резко падала. Но помощь эта быстро иссякала – и армия сирот опять резко увеличивалась. Для организации политики детства создавались различные учреждения: Детская ВЧК, Главсоцвос, общество "Друг детей", комиссия ВЦИК по улучшению жизни детей... – всего не перечислить. В 1918 г. отменили даже институт усыновления, опасаясь эксплуатации детей в семьях приемных родителей. Запрет этот продержался около десяти лет и сыграл свою негативную роль. Многочисленные опыты и эксперименты в этой области никак не способствовали созданию общегосударственного плана работы с детьми.

Н.К.Крупская вынуждена была признать: "В 1917 г. был брошен лозунг социального воспитания всех детей республики от 3 до 17 лет. Наркомпрос считал, что государство должно снабжать их пищей и одеждой, воспитывать в детдомах, коммунах и т.д.

Жизнь показала, что в данный момент это совершенно непосильно государству"[7].

Действительно, декларативный характер многих благих намерений в отношении искоренения, например, преступности, изменения природы человека, воспитания в нем ненависти к собственности и т.п. не мог привести к решению ни одной проблемы, поскольку для осуществления грандиозных планов нужны были деньги. Но для детей их не нашли ни в 1917 г., ни в последующие годы. Положение усугублял голод, свирепствовавший на огромных территориях страны то в одном, то в другом регионе. Тысячи, десятки тысяч беспризорных и бездомных оккупировали южные города, гнездились на вокзалах, рынках, улицах, в подвалах домов. Резко ухудшалась криминогенная обстановка. Детдома захлебывались от нахлынувших сирот: рассчитанные на

десятки детей, они должны были принимать по нескольку тысяч. Вдобавок, в этих учреждениях не было совершенно никакой пищи: ввиду недостатка средств государство лишило их продовольственного содержания. С 1919 г. питание в детдомах, как правило, ограничивалось 1/8 фунта хлеба в день на ребенка. В детских учреждениях по всей стране распространялись тиф, пеллагра, алиментарная дистрофия, туберкулез. Заведующие учреждениями докладывали в вышестоящие организации об ужасающей смертности детей. Например, Саратовский краевой комитет ВКП(б) решил "просить Президиум ВЦИК запретить завоз детей... Здесь 169 беспризорных разместились в бывшем заразном сарае, рассчитанном на 85 человек. Больные и здоровые лежат рядом, пищи никакой – таково положение во всех детдомах Саратовского края"[8]. Детские учреждения всей страны в бедственном, отчаянном положении: воспитанников нечем кормить, негде содержать, на них не отпущено ни копейки.

Правительство никогда не могло создать концепцию работы с беспризорностью. И прежде всего потому, что не было средств. Попробовали было создать по западному образцу реформатории. Первый из них был открыт в Матросской тишине в 1918 г. Здесь детей пытались учить грамоте, ремеслу, лечить, нормально кормить... Но вскоре детское заведение было закрыто как принадлежащее к типу "буржуазно-исправительной системы", а на самом деле потому, что обеспечение проживания и учебы малолетним правонарушителям требовало немалых финансов – а где их было взять?

Тогда решили создавать учреждения, в которых дети могли бы прокормить себя своим трудом. Открывались земледельческие, сельскохозяйственные учреждения для малолетних преступников, как тогда их называли. Но все эти новые опыты доказали еще раз: без денег сделать ничего существенного нельзя.

В 1923 г. журнал "Красная новь" публикует статью врача В.Невзорова "Дети после войны и голода. Заметки врача о голоде в Крыму"[9]. По официальным данным, пишет он, в Крыму в 1921 г. от голода умерло более 100 тыс. человек. Трупами детей усеяны дороги к Симферополю. Только в марте в больничный морг их привезли в количестве 4 тысяч. Дети-цыгане вымерли все. "Как контраст цветущей природе, выступали жуткие картины умирающих". Земские дети (подкидыши и сироты) ползли в симферопольские приюты. Однако их там не принимали (в детском коллекторе, рассчитанном на 40 человек, размещали 400 и более). Царило, пишет автор, какое-то всеобщее ожесточение, отупение: равнодушие к страданиям было такое, что дети ели хлеб, сидя прямо на трупах, а взрослые "мимо умирающих и умерших детей снуют, как будто не слышат, не видят".

Эта статья интересна не только фактическими свидетельствами очевидцев. Доктор ставит – впервые в советской периодике – проблему потери поколения. Последствия голода таковы, считают он и его коллеги, что моральное и физическое вырождение нации – реальная угроза. Дети, пережившие такой голод, "неспособны к труду и продолжению рода". Эту боль о будущем, тревогу о загубленном поколении и угрожающих последствиях подхватил Всероссийский съезд детских врачей. Однако голосам этим никто не внял: механизм бесчеловечного отношения к детям уже набрал обороты и остановиться не было никакой возможности.

Процесс ликвидации кулачества как класса практически удвоил армию беспризорных. Отправляющиеся в ссылку люди брали с собой детей, которые тысячами гибли в условиях холода, голода, безнадежности. Многие, наслушавшись историй о массовой гибели ссылаемых, оставляли детей в родных местах, надеясь на милосердие родных, близких, односельчан. Фактов такого рода множество. Приведем выдержку из одного письма.

Инструктор ВЦИК Кураш, побывав в командировке в Ставрополье, пишет отчет в свое ведомство: "По словам секретаря ячейки и председателя стансовета ... есть случаи, когда раскулаченные или арестованные за контрреволюционные преступления оставляют свои семьи в лице маленьких детей... Очень часто дети, а иногда преклонных лет старики остаются в буквальном смысле слова на произвол судьбы (при наличии полной конфискации всего имущества и строений). Эти дети ночуют, где придется, питаются отбросами. Жители станицы и даже родственники таких семей, опасаясь обвинения в опасных связях с контриками или раскулаченными, а иногда репрессий, боятся брать к себе такого рода семьи, с одной стороны, а с другой – просто-напросто лишние рты.

В станице произошел следующий случай. Брошенные трое детей, предоставленные собственной участи, в лице старшего мальчика, не встретив ни с чьей стороны поддержки, толкнул на самоубийство самого взрослого из детей (повесился), а маленькие бродят по станице как зверята. Между прочим, имеют место самоубийства среди стариков. Такого рода факты производят крайне неблагоприятное впечатление среди населения, страдания детей перекрывают преступления их родителей и делают их (родителей) "мучениками", что ни в коей мере не входит в нашу задачу... Местные же руководители не имеют указаний сверху и боятся упреков в жалости"[10].

Чем объяснить, что традиции милосердия и доброты в российском обществе за несколько лет оказались полностью утраченными? Может быть, тем, что именно жалость и сочувствие старалась искоренить советская власть в первую очередь, противопоставив им безусловную

преданность революционному долгу.

После неудач с реформаториями были организованы несколько летних колоний, а затем школ-колоний для малолетних преступников. Колонии эти были названы массовым государственным строительством – очередным достижением советской власти. Для устройства колоний использовались бывшие помещичьи усадьбы[11]. Однако и здесь дело не заладилось, детей надо было кормить, одевать и учить, на что опять-таки не находилось средств.

Несколько лет протянули те школы-колонии, где дети работали и кормили сами себя и своих воспитателей. Весной 1918 г. в России их было всего около десятка на 14 500 детей, а уже в 1920 г. дети проживали в 26 школах-колониях. В 1919 г. в таких школах нормой питания были все те же 1/8 фунта хлеба в день[12]. Но некоторые стали образцовыми, их показывали иностранцам как пример решения властью проблемы беспризорности. Журнал "Летняя школа" сообщает, например, о визите леди Астор в колонию в сентябре 1920 г. и что она осталась очень довольна тем, как власть работает с этими детьми.

За эксперименты с детьми взялось и ОГПУ. Для практики, "на основе новых педагогических принципов", были взяты из тюрьмы 54 молодых преступника и вора, имеющих довольно солидный воровской стаж – от 4 до 12 лет судимости каждый, причем некоторые судились и за убийство. ОГПУ "поставил их в такие условия, что теперь (через 7 месяцев) эти 54 юноши (все они комсомольского возраста) возвращены в лоно рабочего класса"[13]. В 1924 г. ОГПУ издал декрет об изоляции "воровского элемента" из столицы. Многие из них попали в учреждения ОГПУ, в которых был очень популярен комсомол. Мгновенного перевоспитания ОГПУ добивалось тремя способами: производственным обучением, учебой и художественной самодеятельностью. Вот с этих шагов по воспитанию будущего поколения начинает складываться печальный опыт ОГПУ, о котором ниже мы расскажем подробнее. На самом деле, "воспитание" в тюрьме было насильственным, "в принудительном порядке подвергаемый культурно-просветительной и трудовой обработке[14] воровской и прочий преступный элемент" воспитывался в пожарном темпе.

Открывались трудовые дома (коммуны) для детей в возрасте 14-16 лет и отдельно для несовершеннолетних рабоче-крестьянского происхождения (16-18 лет). Руководило коммунами ОГПУ. Широкую известность в те годы приобрел главный организатор коммун, Матвей Погребинский, о котором написано множество книг и воспоминаний. В их ряду можно упомянуть, например, книгу известного юриста Б.Утевского. Он рассказал о том, какими героическими усилиями создавал Погребинский знаменитую Болшевскую коммуну, каким авторитетом, глубоким уважением он пользовался у детей и

сотрудников[15].

Вообще, об этой коммуне написано очень много. В 1929 – 1930 гг. многие журналы, в частности "Наши достижения", "Огонек", печатают статьи об опыте школ-коммун, организованных ОГПУ. Упомянем статью М.Горького о болшевской коммуне, где он писал "о свободном труде и перевоспитании", "о ненависти буржуазии" к свободе и социализму[16].

Опыт этот воспевался и пропагандировался по всей стране. В имение бывшего шоколадного короля Крафта Погребинский набрал ребят из Бутырской тюрьмы и организовал в Болшево кооператив с годовым оборотом в миллион рублей. В коммуне успешно работала фабрика, мастерские и школа. Ее жизнью восторгались не только М.Горький и Анри Барбюс, но и многие члены правительства. Положительный опыт таких коммун состоит в том, что они дали приют детям, научили их ремеслу, выдернули из криминальной обстановки.

Однако заслуги М.Погребинского перед государством в деле борьбы с беспризорностью и бездомностью не помешали ОГПУ его репрессировать и уничтожить, а знаменитую коммуну (как почти все, организованные ОГПУ) – разгромить.

ОГПУ создавало учреждения разного типа: ФЗУ, РУ и др. Это было выгодно: дети возмещали затраченные на них средства бесплатным трудом. Они получали, в основном, рабоче-крестьянские профессии, оставаясь, по существу, малограмотными.

С 1935 г. в ведение НКВД были переданы все колонии и приемники-распределители. Это обеспечило крутой перелом в деле борьбы с беспризорностью: НКВД к тому времени накопил опыт изоляции больших масс населения.

Трудовые колонии усилиями НКВД были, в основном, превращены в полукустарные коммерческие предприятия с 6 – 8 часовым рабочим днем.

К 1937 г. уже функционировало 63 колонии для детей, из них 7 – закрытого типа[17], то есть тюрьмы. За первые два года трудовые детские колонии выпустили продукции на 310 млн рублей, что оказалось приятным сюрпризом для НКВД. С тех пор детский труд рассматривался как источник дешевой продукции и источник прибыли. До 1939 г. детские колонии оставались в подчинении хозяйственного управления НКВД СССР, а после перешли в ведение ГУЛага.

Отдел детских колоний, как подразделение самостоятельного аппарата НКВД, создан в 1943 г. В 1954 г. он передан в МВД СССР. Все эти организации, печально известные своей деятельностью, рассматривали беспризорных, безнадзорных детей как источник рабочей силы. Начало было положено еще на великих стройках коммунизма, когда, например, начальник ГУЛага Плинер 27 мая 1938

г. приказал "завезти по одной тысяче детей в Самарлаг и Волголаг" для работы[18].

Возможности пополнять колонии были безграничны. Многочисленные законы и распоряжения власти, в частности от 7 августа 1940 г. (закон о колосках), указ от 28 декабря 1940 г. (самовольный уход из школы, училища), директива НКВД и прокурора № 185 от 29 апреля 1943 г. и др. давали возможность буквально хватать детей, где угодно, и направлять в колонию для воспитания "по сталинскому пути". Направления, конечно, производились не только по криминальным причинам. Согласно инструкции НКВД от 21 июня 1943 г. (п.2), "беспризорные дети, не имеющие родителей и которые по характеру своего поведения не могут воспитываться нормальным порядком (в детских домах, у родителей), подлежат направлению в детские трудовые воспитательные колонии"[19]. Нарушающие внутренний порядок в детдомах направлялись туда же. Для ушедших с места учебы на 1 февраля 1941 г. было создано 15 спецтрудколоний.

15 июня 1943 г. И.Сталин подписал постановление СНК СССР № 659 об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и детской безнадзорностью. Куда девать такую массу детей? Загонять во все новые и новые колонии. За 1944 г. и 10 месяцев 1945 г. в колонии поступило 110 393 воспитанника. Через приемники-распределители прошло за этот же период более полумиллиона детей. Поток не ослабевал: к 1944 г. трудовых и воспитательно-трудовых колоний насчитывалось уже 129[20]. Выручка от производимой ими продукции составляла миллиарды. Переписка НКВД с колониями переполнена запросами о рабочей силе: во взрослые лагеря исправно переводились 16-летние. В условиях военного времени спрос на детский труд возрастал. Так, в 1942 г. 14-летние, в количестве семи тысяч, были переведены во взрослые лагеря[21] "по производственной необходимости".

Произвол, беззаконие, бесчеловечность составляли основу поведения власти по отношению к детям, которые всегда расценивались как "издержки социальной революции". За детьми, посаженными "за связь с немецкой разведкой", детьми-шпионами, диверсантами было установлено особое наблюдение[22]. Их жизнь, и так невыносимая, не имела никакой ценности.

С годами жестокость по отношению к детям не смягчилась. Им присуждали сроки, несопоставимые с "преступлениями". Наказание в 10, 15, 20 лет тюрьмы стало, как и для взрослых, обычной практикой, а с 1935 г. 12-летние начали привлекаться по всей строгости закона, вплоть до расстрела.

Первые попытки осудить жестокость по отношению к детям были предприняты после смерти И.Сталина. В 1953 г. начальник ГУЛага

И.Долгих подготовил докладную записку секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву, где проводил мысль о неразумности, необъяснимости длительных сроков наказания детям. Он привел массу примеров: Гриша Г. украл перочинный нож – получил 6 лет, а ему около 12 лет; инвалид Юра К. с товарищем украл несколько досок – 10 лет; Гена С. взял рубль – 7 лет. С длительными сроками сидят дети в возрасте до 10 лет, и их около 2,5 тысяч. На 10–15 лет осуждены за незначительные проступки 403 ребенка, а одиннадцать из них должны сидеть свыше 20 лет. Примеры, приведенные начальником, составили толстую папку. Наказания детей, пишет И.Долгих, все ужесточаются. До войны за эти "преступления" давали два-три года отсидки, а сейчас – до 25. Количество детей, направленных в колонии, растет. Только через приемники-распределители за время войны прошло более двух миллионов детей. Большая часть из них никакие не преступники, а жертвы[23].

И только после 1953 г. наметились тенденции гуманизации судебного законодательства.

Охрана, содержание, обслуживание такого количества малолетних заключенных требовали больших людских резервов. Тысячи администраторов, десятки тысяч охранников, бронь для них, освобождение от призыва на фронт... Стремление Советской власти пропустить как можно большее количество детей через ГУЛаг и его учреждения стало закономерным отношением к будущему. Беспримерное по жестокости и пренебрежению к человеческой жизни "перевоспитание" обернулось фактическим истреблением огромной части четырех поколений детей, деградацией моральных и духовных ценностей. Эти последствия превзошли прогнозы ученых и специалистов, как, например, доктора В.Невзорова.

Детское население располагалось в ГУЛаге не только в колониях и специальных тюрьмах. Внутри лагерного забора действовала широкая сеть "домов младенца", которых насчитывалось в 1940 г. 90 с общим количеством детей 4595[24], и детсадов. ЦГА РФ имеет отдельный фонд фотографий[25], приготовленных в военные и послевоенные годы политотделами разных лагерей, где в полной наглядности отражено "счастливое" детство в ГУЛаге. Среди них множество снимков, на которых матери-заключенные смотрят на свое дитя с невыразимой нежностью, ибо видят его только во время кормления, а все остальное время работают. Матери находятся около детей только до двух лет – после ребенка могли отправить куда угодно и под любой фамилией. Дети, несмотря на все усилия фотографов, слабые, рахитичные, на фоне решеток, заборов, мусора и полного отсутствия хоть какой-то растительности. Характерно, что они не имеют фамилий – указаны только имена. В каждом альбоме – благодарность И.Сталину.

Например, весь альбом Дома младенца ИТК-4 Житомирской области в стихах:

Им Родина сталинским солнышком светит,
Любовью к вождю всенародной полна,
И счастливы наши чудесные дети,
Как счастлива вся молодая страна.
И где б они ни были,
Где б ни играли,
Им нежное слово страна говорит,
И с теплой улыбкою дедушка Сталин
На наших детишек с портрета глядит.

В этих стихах худые, ослабленные дети названы "баловнями"[26]. Во многих альбомах встречаются стихи, посвященные Сталину:

Наш любимый Сталин лучше всех на свете,
Крепко любят Сталина маленькие дети.

Д.Волкогонов приводит факт, когда И.Сталин ко дню своего 70-летия одобрил "разгрузку" "домов младенца". В рапорте начальника ГУЛага сказано: "В исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД в настоящее время содержится вместе с осужденными матерями 14 170 детей в возрасте до 4-х лет, а также 7220 беременных женщин. Это количество детей более чем в 3 раза превышает лимиты имеющихся в лагерях и колониях "домов младенца". А посему предлагаю освободить этих женщин, заменив им тюремное заключение исправительными работами по месту жительства..."[27].

Разными способами за время советской власти рвались, ослаблялись семейные узы. Такова была политика, ставящая интересы государства превыше любых личных интересов и потребностей. Даже отношение к любви было переосмыслено и подчинено высшему идеалу. Переписка политотделов свидетельствует о том, как изгонялось, уничтожалось это чувство между людьми, считалось унизительным, недостойным целей построения коммунизма. Имеются письма, где отдельные чекисты просят дать разрешение жениться то на бывшей заключенной, то на немке по национальности, приводя в доказательство преданность этих женщин идеалам социализма. Создание семьи ставилось под контроль государства.

Речь идет не только о ценностных приоритетах. Существует много документов, где прямо ставится цель – любым способом оторвать детей от родителей, ослабить их связи. Причина, конечно, одна: избежать "контрреволюционного влияния". Еще в 1931 г. чекист Матвей Берман

(а в нашей стране роль воспитателей народа, в основном, играли чекисты), который специализировался на высылке кулаков, составил директивное письмо. Оно до недавнего времени оставалось руководящим и секретным, несмотря на то, что имело отношение, казалось бы, только к кулакам: "Молодежь легче оторвать от родителей. Ее надо изолировать от родителей-кулаков через политвоспитание, трудовое соревнование и ударничество, общеобразовательную и профессионально-техническую подготовку, вовлечение в общественную самодеятельность, развернутую издательскую деятельность". Вот рецепт, предложенный одним из создателей ГУЛага (тоже расстрелянным своими собратьями-чекистами): ходи в советский клуб, трудись хорошо, соревнуйся, играй в кружке художественной самодеятельности, выпускай стенгазету – и ты будешь вне классово чуждого влияния в лице своей семьи. Эта инструкция, которая называлась "Директивные материалы по культурно-воспитательной работе среди переселенцев"[28], с годами обрастала новыми и подробными указаниями, но сохранила свое содержание и постоянно использовалась репрессивными органами.

Что же делали дети в ГУЛаге? Чем занимались? Какие виды работ исполняли?

Вот только несколько фактов для размышления. 500 "воспитанников" (так они назывались по чекистской терминологии) Кабардино-Балкарской колонии работали на пепло-пемзовом руднике, вручную отбивали камень на буровзрывных работах. В 1943 г., например, была поставлена задача: добыть 50 тыс. тонн камня в год. Добыли. Дети были размещены в холодных камышовых бараках, изготовленных также, в основном, своими руками. Большая часть из них ни разу, ни на одну минуту не села за парты. А в это время сотрудники и охранники жили рядом, в поселке, естественно, в теплых домах. Начальник колонии капитан Дышловой выжимал из ребят последние соки при чисто символическом питании: всю войну дети получали 500 граммов хлеба в день, а мяса, жира и сахара по 500 граммов в месяц. Но это только по документам! Хищения продуктов в ГУЛаге были обыденным явлением. Чем могли дети выразить свой протест? Побегами. Их ловили, возвращали, накидывали срок и начиналось все сначала[29].

Дети Буинской колонии (Чувашия) работали на сланцевых рудниках, а Бузулукской (Чкаловская обл.) – на отдаленных участках, в ночных сменах. Не учились, конечно. Повсеместно в лесных колониях дети были задействованы на лесоповале. Даже дошкольники, которым было не по силам спилить дерево, обрубали сучья и ветки и гибли от холода и болезней бессчетно. Трудколонисты Курганской области заготавливали деловую древесину для других колоний, используя

лесосечный фонд в размере 20 тыс. метров. На металлообработке в горячих цехах тоже работали дети. В Нижне-Удинской колонии (Иркутская обл.) в тайгу привезли 442 подростка и бросили в бараках в античеловеческих и антисанитарных условиях: без стекол, белья – постельного и личного, без умывальников, бани, уборных. Внутри бараков не было ни столов, ни стульев. Об отоплении речь вообще не шла. Бараки тонули в испражнениях. Дети гибли, как мухи, от чесотки, туберкулеза, дистрофии, пеллагры – впрочем, это обычные болезни, широко распространенные в советских лагерях и колониях. Мытье без мыла, скученность, изнурительная работа...

Бирская трудовая колония, одна из многих, типичная: воспитанников 349, у 88 пеллагра и дистрофия, у 37 – туберкулез. Но работают – по своему, конечно, желанию. Прививки не практикуются, исключительно редки осмотры со стороны медицинских работников. 90 процентов детей неграмотные и малограмотные – и это при том, что направление в трудовые колонии совсем не рассматривалось властями как мера уголовного наказания (статья 20 УК). Сроки определялись не законами, а инструкциями, произвольно. Могли держать в детских учреждениях столько, сколько нужно[30].

Еще об одном преступлении советской власти нельзя умолчать: во время войны в детских учреждениях ГУЛага дети делали боеприпасы. Рабочих рук, конечно, не хватало – и детские были очень кстати. В Кировской области, например, 400 детей изготавливали противотанковые осколочные гранаты. В отчетах детских колоний нередко говорится о гибели детей при взрывах "учебных гранат". А это были гранаты Ф-1, РГ-42, запалы, спецукупорка и другая взрывчатая продукция.

Атлянская трудовая колония отгрузила за 1943 г. 50 вагонов оборонной продукции[31]. На выставке изделий, выпускаемых предприятиями УИТК ГУЛага в 1944 г., без оговорок сказано: вот эти 120-миллиметровые мины в ГУЛаге делают женщины и дети, а мальчики – гранаты и запалы[32]. На эти работы выходили в две-три смены и гибли сотнями.

Время от времени различные комиссии, обеспокоенные ростом болезней и детских смертей, предпринимали попытки контролировать те кадры администрации, которые были причастны к распределению продуктов питания. Одна из таких комиссий в 1946 г., надо думать, весьма либерально настроенная к своему ведомству, подсчитала, что "недорасход" питания для детей-заключенных составил за год сумму, превышающую 3 млн руб. Сотрудники расхищали, продавали[33] продукты, а дети месяцами не видели сладкого, не могли наесться досыта. Подсобные хозяйства, теплицы и оранжереи, которых в ГУЛаге было великое множество, снабжали не детей. А они в лучшем

случае пили сосново-еловый отвар – "витаминный напиток".

Конечно, дети восставали против нечеловеческих условий жизни. Так, в Мордовии, в Саранской трудовой колонии в сентябре 1943 г. произошли беспорядки, весьма озаботившие ГУЛаг. 500 маленьких заключенных существовали в условиях холода, голода и непосильного труда. Здание школы занимал ВОХР, значит, дети не учились. Расхищение продуктов приняло небывалые размеры: только один экспедитор Болдов украл их на 49 тыс. рублей. Надзиратель Кудашев скупал хлеб у детей либо выигрывал его у них же в карты. Дети поняли, что перемрут, если ничего не предпринять. Они разогнали охрану, вышли из колонии, избили начальника и наиболее ненавистных надзирателей и "воспитателей", разгромили магазин и столовую для администрации колонии, ограбили несколько квартир. Искали и брали продукты питания и теплую одежду. В события вмешался приехавший в колонию секретарь Мордовского обкома партии, который был поражен жуткими условиями жизни детей-заключенных. Он написал Л.Берии письмо с изложением событий, где в очень осторожной форме пытался оправдать преступников. Однако расправа не заставила себя ждать: организаторы были наказаны новыми ужасающими сроками. Правда, несколько наиболее одиозных фигур из администрации были уволены[34].

Изучив переписку, которую вели администраторы детских колоний, приходится констатировать: робкие попытки заступиться, понять детей, которые продемонстрировал секретарь обкома, были чрезвычайно редким явлением. Жалеть и сочувствовать детям ГУЛага было не принято.

Прошли волнения и в Раифской трудовой колонии (Татария), где содержалось более тысячи малолетних "преступников". Открывшееся в 1939 г. детское учреждение стало жесточайшей тюрьмой. Примерно половина детей посещала школу, что не освобождало их от трудовой повинности по 6 – 8 часов в день. За три месяца от голода умерло около 200 "воспитанников". Взбунтовавшиеся дети вынуждены были совершать набеги на квартиры администрации[35], отбирая продукты питания и теплые вещи.

Чрезвычайно суровыми были методы укрощения маленьких заключенных: комиссия ГУЛага обнаружила, например, в Таганской колонии вместо штрафной комнаты карцер за зоной – вырытую в земле яму размером 3х2 м без окон и дверей. В ней наказанные дети сидели неделями, невзирая на возраст, состояние здоровья и погоду[36].

Такие факты обычны для ГУЛага. Власть не заботилась о своих воспитанниках, рассматривала их как отбросы общества, "доверяла" им самую грязную, самую опасную работу. За это платила нищенским содержанием, бесчеловечным обращением, нравственно растлевала их.

Карта детских лагерей ГУЛага еще не составлена, не все документы изучены исследователями. Из сферы секретности выходят все новые и новые документы: в 1929 г. Главлит специальным циркуляром запретил освещать в печати проблемы беспризорных, а также их количество. Полный текст циркуляра пока не найден.

Сколько детей уничтожил ГУЛаг? Трудно сказать. Но можно сделать попытку подсчитать хотя бы примерно. Одновременно в колониях (трудовых и воспитательно-трудовых) находилось около миллиона детей. Примерно столько же – в приемниках-распределителях. Сюда же надо приплюсовать детей, которые, по свидетельству А.Солженицина, Л.Разгона и других бывших заключенных, в большом количестве жили и работали во взрослых лагерях. В это число входят и все детские учреждения НКВД, начиная от "домов младенцев" и кончая учебными заведениями разного рода. По нашему мнению, речь может идти не менее чем о 4-5 млн загубленных детских жизней за время советской власти.

Печально и то, что прошедшие ГУЛаг навсегда остались его пленниками. Они принесли в мир ценности блатного, уродливого общества, ненависть к труду, пренебрежение к духовности, морали, неуважение к семье. Это некая субкультура, которая внесла серьезные изменения в базовые структуры общественного сознания, размыла нравственные устои, настоящую культуру, исторические и духовные традиции общения. Влияние этой дикой культуры мы ощущаем и поныне: она проявляется, прежде всего, в жестокости, равнодушии к чужим страданиям, стремлении к насилию – все это захлестнуло наше общество сейчас, когда распались оковы тоталитаризма.

Единственное место, где обездоленные дети чувствовали себя относительно свободно – это детские коммуны макаренковского типа. Огромна их роль в деле спасения детских жизней. Бывшие беспризорники могли здесь получить специальность, даже с разрешения начальства жениться и выйти замуж. Они могли навестить родственников, рассчитывать в будущем на свободную жизнь на воле, на дальнейшее получение образования. Паек их тоже не был богат и школу посещали не все; кроме того, повседневная военизированная жизнь формировала из детей "винтиков", ставивших коллектив превыше всего личного, то есть второстепенного. Такая полуармейская дисциплина, воспитание "под окружением врагов", которых всегда было великое множество, милитаризировала сознание. Но главное, не было того убийственного труда, который уничтожал личность, повседневных страданий и унижений, которых дети хлебнули сполна в ГУЛаге. "Большевики немедленно, начисто и навсегда искоренили бесчеловечные методы обращения с осужденными и на обломках буржуазно-помещичьей тюремно-каторжной системы построили

подлинно трудовые и подлинно исправительные учреждения с режимом, основанным на принципах высокого гуманизма и строгой законности"[37]. Большевики никогда не следовали подобным провозглашенным гуманным принципам, и вышеприведенный, само собой, остался очередной декларацией.

Однако декларации были очень нужны властям. Громадная армия бесплатных рабов обрабатывалась в духе приверженности социалистическим принципам, любви к своему рабству, понимания его необходимости. Документы политотдела ГУЛага, отделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не дают никаких оснований утверждать, что в детских лагерях велась хоть какая-то воспитательная, культурная или просветительская работа, если не считать ликвидации неграмотности в самом примитивном смысле. Но политико-идеологическая пропаганда осуществлялась всегда, неустанно, и на нее не жалели денег. Людям, лишенным других источников информации, внушали, что они живут в самой свободной и счастливой стране, пугали сфабрикованными сведениями о жуткой жизни за рубежом, о тюрьмах Запада, одурманивали детское сознание с помощью пропагандистских материалов лагерных газет и журналов. Это были средства идеологического насилия, духовного опустошения подрастающего поколения. Им внушали, что они живут полной жизнью, такой же, как и на воле. Например, даже в условиях отсидки "лучшие из лучших" принимались в пионеры и комсомольцы. "На 1 марта 1940 г. в колониях ГУЛага насчитывалось 4126 пионеров и 1075 членов ВЛКСМ"[38].

Большая часть прессы для детей, содержащихся в лагерях, не сохранилась. Но все-таки можно составить о ней представление по отдельным дошедшим до нас номерам газет, журналов, по воспоминаниям и документам.

Прежде всего, это была пресса, тщательно скрытая от людей вне лагерного забора циркулярами Главлита, стараниями гулаговцев. Внешне она, как правило, тоже имела вид многотиражки (исключая издания коммун, которые выходили в совершенно произвольном виде), на двух или четырех страницах. Газета в детском лагере, как и во взрослом, тоже не имела права ставить большевистский гриф о соединении пролетариата. Здесь были другие лозунги: "Через труд – к исправлению" или, например, "Знания и труд исправят нас". На первой странице обязателен гриф: "Только для колонистов" или, чаще, "Запрещается выносить за пределы колонии".

Тираж этих газет колебался от 300 экземпляров до 5-7 тысяч, что зависело от количества отбывающих срок воспитанников. Обычно уральские и дальневосточные колонии содержали многотысячные коллективы беспризорных или, как их называли, правонарушителей.

Там и издавались наиболее крупные газеты. К 40-м гг. из газет постепенно исчезли возможные источники информации: тщательно убирались упоминания о местности, где издавалась газета, уничтожались всякие географические названия на газетных полосах, запрещалось писать о численности колонистов, о характере работ, которые они производят. Не упоминался даже орган, издающий газету, и типография, где печатался тираж. Поэтому она была такая же безликая и пустая, какими стали к этому времени и "взрослые" лагерные газеты. Порой невозможно установить, где, собственно, она выходит и чьи интересы выражает.

После 1941 г., когда началась война, мы не нашли ни единого упоминания в фондах ГУЛага о детской прессе, исполненной типографским способом. Видимо, бумажные кризисы и отсутствие средств сократили детскую лагерную прессу, ограничив ее стенными газетами и радиовыпусками.

Газет, издающихся в коммунах и колониях макаренковского типа, найдено около десятка. Конечно, они стоят особняком от остальной прессы.

Это такие газеты, как "Болшевец"; "Дзержинец" (газета издавалась с 1931 по 1941 г. в коммуне, где непосредственно работал сам А.Макаренко); "За коммунистическое воспитание" для детей Пензенской колонии (единственный сохранившийся номер сообщил, что колония располагается в помещении старой каторжной тюрьмы, где дети разместились очень "удобно"; на первой странице стихи второклассника "Спасибо великому Сталину!"); "За коммуну" – издание коммунаров, которых организовал М.Погребинский (именно об этой коммуне жена Г.Ягоды И.Авербах написала слащаво-восторженную книгу. За год дети производили продукции на 25-30 млн рублей, в том числе знаменитые фотоаппараты "ФЭД"); "На верном пути" –журнал трудовой коммуны ОГПУ по Уралу (коммуна открылась в 1930 г. Первые поселенцы – 177 мальчиков и 53 девочки. Затем "население" коммуны возросло).

Во многих коммунах и колониях этого времени был установлен порядок, когда заработанные детьми деньги шли в общий котел, а детям выдавались боны, заменяющие деньги. Впоследствии ГУЛаг использовал этот опыт, вводя для внутреннего обращения разного рода заменители денег.

Коммуны и колонии брали детей с воли, если тем некуда было деться. Решения чаще всего принимались коллективно.

Перечисленные издания проникнуты романтикой социалистического строительства. Перевоспитание, перерождение, переделка себя и окружающего мира, желание построить социализм и осчастливить тем самым мир – эти темы в газете были ведущими. Во

всех изданиях публикуются рассказы бывших воров и грабителей о том, как благодаря труду, они быстро исправились в колониях. Это было время Соловков, когда заключенные лопатами рыли каналы, повинуясь воле партии, – воды рек должны были течь туда, куда велели большевики. Многие писатели и поэты ездили по этим стройкам и проливали слезы восхищения и умиления от всего, что видели. М.Горький писал : " Я с 1928 г. присматриваюсь к тому, как переплавляет людей ГПУ ... Люди из ГПУ умеют перестраивать людей... Умеют. Я просто потрясен всем тем, что здесь слышал, всем, что о вас знаю. Это огромнейшее впечатление. Я чувствую себя счастливым человеком. Большое счастье дожить до таких дней, когда фантастика становится реальной, физически ощутимой правдой"[39].

Трудно теперь понять, насколько искренним был пафос пролетарского писателя. Он выступал в нескольких коммунах, в том числе в Кизеловской, говорил примерно одно и то же, восхищаясь перековкой людей, которую делает ГПУ.

Романтическим пафосом тех лет были перенасыщены все газеты. Люди как бы понимают необходимость и целесообразность рабства, восхищаются своей жертвенностью во имя будущего. Закладывались основы преданности вождям, веры в допустимость многих античеловеческих деяний, ибо нравственно все, что полезно революции.

К концу 20-х гг. в молодежных газетах коммун и колоний уже вовсю процветал большевистский сленг: классовая борьба, пролетариат – выразитель интересов и чаяний всего народа, крестьянство – отсталый класс... и пр.

Для маленьких заключенных наиболее кощунственно звучит мысль, которая постоянно повторяется и на воле: все лучшее – детям. "Где еще в мире дети поставлены или могут быть поставлены в такие благоприятные для своего расцвета условия, как у нас, в стране социализма? Нигде, конечно!"[40] – такова общая тональность детской лагерной журналистики, которая перенимается из газет, издающихся на воле.

Часто публикуются снимки детей-колонистов. Как им живется здесь, в самой свободной стране мира? Хорошо, отвечают в газете, им даже в заключении страна отдает самое лучшее. Излюбленный пропагандистский прием – фотографировать детей у рояля. Газета Вогилевской трудовой колонии "За новую жизнь", например, в специальном выпуске, посвященном 21-й годовщине революции, на второй странице поместила фотографию воспитанника Циплянкова у рояля с подписью: "Он исполняет свое музыкальное произведение". Вызывает жалость напряженно-испуганный, неестественный вид ребенка. Можно только догадываться о том, где учился он музыке

(видимо, из семьи изменников родины или кулаков, где ему старались дать образование. Ведь в ГУЛаге преобладали воспитатели с низшим образованием).

Десятистраничная газета Верхотурской трудовой колонии печатает в 1937 г. в № 13 (33) огромные портреты Сталина, Ежова, местных чекистов. Воспитанники увековечены на других страницах только на сцене или с музыкальными инструментами в руках – можно подумать, что они только и делали, что занимались художественной самодеятельностью. Бывшие воспитанники С.Старовойтов, А.Казак, К.Пашкевич пишут в № 4 газеты Витебской колонии "На новом пути" о том, что они исправились, благодаря чекистам. "У многих из нас нет родных, но у нас есть мать – наша родина, и отец – наш лучший друг, родной Сталин". На последней странице газеты – снимок детей: ансамбль песни и пляски воспитанников трудовой колонии, все они одеты в военную форму.

Все газеты охотно публикуют материалы на военные темы. Воспитанники позируют в военной форме. Орган ленинградской школы ФЗО НКВД "За перевоспитание" в 1936 г. сообщает, что весь их коллектив поделен на роты, их возглавляют не воспитатели, а политруки. Армейская лексика, въевшаяся в речь со времен великих строек коммунизма, еще с Соловков, приказной тон, беспрекословное подчинение приказу, командный стиль общения – все это помогает формировать социалистический тип личности, ориентированный только на исполнение. Военизирована жизнь и в Шатурской ИТК, где дети-заключенные работают на строительстве ГЭС. Надзиратель стал командиром взвода. Газета "Перековка" подробно рассказывает о жизни в колонии, публикует портреты наиболее отличившихся "армейцев", которые "в походе в честь XVII съезда партии".

Романтика, приподнятый стиль, слащавость уходят из газет к концу 30-х гг. Проводится более жесткая идеологическая линия. Прославляются "трудолюбивые" подростки, которые сумели выполнить несколько производственных норм. Воспеваются примерные, послушные, скромные, незаметные. В Осташковской трудовой колонии население поделено на колонистов и кандидатов в колонисты. Член колонии тот, кто выполняет норму, занимается общественной работой, примерен в быту. Из них набирается самоохрана: хотя многочисленные указания ГУЛага запрещают использовать заключенных в качестве охранников, но их, отбывающих срок, было столько, что никакой охраны не хватало. Использовали самих заключенных, соблазняя дополнительным пайком. Кроме того, Осташковская газета "За новую жизнь" вела кампанию за то, чтобы колонисты, проявляя сознательность, отдавали заработанные непосильным трудом деньги на государственный заем.

Недокормленные, оболваненные, не знающие нормальной человеческой жизни, они еще должны были последние копейки отдавать своему угнетателю. В двух сохранившихся экземплярах газеты колонистов убеждают в том, что страна, в которой они живут, богатая и свободная, и она создается трудом народа, в том числе и их трудом. Везде восторженное возвеличивание Сталина. Впрочем, не забыты и чекисты: Люберецкая трудовая коммуна носила имя Г.Ягоды, его портреты и восхваления за благодеяния не сходят со страниц газеты "Коммунар".

Тема неустанной заботы правительства, партии, лично И.Сталина о детях постоянна. В № 3 за 1940 г. воспитанница Н.Петрова в газете женской Орехово-Зуевской трудовой колонии НКВД СССР "За перевоспитание" пишет: "У нас в стране уничтожены корни детской преступности. Нет такой страны, где бы заботились о детях так, как у нас". Власть уничтожает поколение, но еще и хочет, чтобы ее за это благодарили.

Постоянно проводится мысль о том, что колония – кузница большевистских кадров. Наиболее сознательные из них, грамотные и послушные, конечно, станут на место старшего поколения. Газета витебской трудовой колонии "Перековка" в № 1 за 1935 г. пишет: "Трудовая колония находится на пути роста в настоящую кузницу большевистских кадров" и поясняет, какие замечательные ребята здесь работают, соревнуются с другими колонистами в своем коллективе и находящимися в Шатурской колонии. Красные флаги, книги победителей, проценты, сводки, выработка – все эти атрибуты социалистического соревнования активно используются в "кузнице" кадров. Попутно газета не забывает воспевать в стихах и прозе белорусского наркома Леплевского, который, как отец, "заботится о воспитанниках".

Как и во взрослых газетах, издатели, видимо, не понимали, сколько страшной иронии содержалось в названиях газет: "Путь к коммунизму", "Новый путь", "Ленинский путь", "Сталинский путь", "Через труд – к свободе". Однако перед самой войной все эти "сарказмы" исчезли. Видимо, в результате кампании, проводимой на западе средствами массовой информации по поводу размаха принудительного труда в СССР, в ГУЛаге стали "стесняться" подобных названий газет, несмотря на режим секретности. В документах политотдела мы нашли следующий интересный факт: воспитанники Курган-Тюбинской колонии выпускали стенную газету "Колонист", она имела "большой успех", о чем было доложено местными начальниками в политотдел ГУЛага. На полях докладной руководящей рукой было начертано: "Заменить название". В 1943 г. и в ГУЛаге стали кое-что понимать.

В 1933 г. разразился крупнейший бумажный кризис, закрылись 15 центральных газет, а остальным был ограничен тираж. Перестали выходить газеты на финском, эстонском и других языках, несколько десятков центральных журналов и большая часть местных изданий. Председатель СНК В.Молотов строжайшим образом запретил выпуск изданий без разрешения Главлита. Однако бумага для лагерной печати находилась всегда, и газеты для "несовершеннолетних преступников" издавались до самой войны. Это свидетельствует о том, что политико-идеологической обработке подрастающего поколения в ГУЛаге придавалось большое значение.

Газеты, предназначенные для вольнонаемных, издавались и для детей. Мы нашли только одну такую газету. Она издавалась в крупнейшем лагере Ленинградской области "Свирьстрое". Он был организован в 1931 г. и существовал по июль 1937 г. Около 40 тысяч заключенных занимались заготовкой дров для отопления Ленинграда, около 10 тысяч – изготовлением товаров широкого потребления. Количество заключенных с годами росло. Архивы Свирьлага сгорели во время войны в здании областного управления НКВД. Однако известно, что временами количество отбывающих срок поднималось до ста тысяч. Можно себе представить, какое огромное количество вохровцев и вольнонаемных были заняты охраной и организацией работ в лагере. Вольнонаемные в лагере жили в отдельных поселках, посещали свои культурные учреждения, школы. Для членов ВЛКСМ издавалась газета "Свирьстройский молодняк". Редколлегия "Молодняка" решила издавать газету для пионеров и школьников – детей вольнонаемных работников лагеря. Такая многотиражная газета "Ленинские внучата" (а газет с названием "Ленинские внучата" и "Сталинские внучата" издавались в стране десятки) появилась в 1936 г. тиражом в 500 экземпляров.

Главная идея новой газеты состояла в том, что дети должны занимать в лагере, по месту работы родителей, особое положение. Они не только заменят в свое время своих родителей, но и сейчас следят за тем, чтобы их матери и отцы хорошо работали. В № 2 была, например, помещена заметка о том, что после школы некоторые активисты, лучшие пионеры, ходят в контору лагеря, чтобы выявлять тех родителей, которые плохо работают, и предавать их осуждению. Например, одна из девочек после школы ходила выявлять по списку "привлеченный актив", правда, только беспартийных.

Дети воспитывались в полном согласии с тем, что происходит в лагере. Они чувствовали себя борцами за идеалы правды и справедливости, были готовы терпеть все тяготы существования, потому что кто-то же должен перевоспитывать преступников.

В № 3 газета опубликовала заметку о том, как дети собирают деньги

на пионерский самолет: "Позор несознательным!" Речь шла о тех детях, которые сдавали мало денег.

Усилия всего репрессивного аппарата были направлены на то, чтобы заставить трудиться бесплатно и увлеченно все население страны. В этом смысле политика партии и государства была одинаковой для всех социальных групп населения. Но принудить голодное, оболганное, обобранное, несчастное детство трудиться от зари до зари в обстановке лжи, фарисейства и вседозволенности со стороны аппарата было равносильно нравственному и физическому уничтожению поколения. Растаптывались нравственные идеалы и христианская мораль, которые поддерживали и сплачивали людей веками во времена испытаний. Все это заменялось примитивной политической грамотой. Причастность к подобной журналистике – исторический позор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краткий очерк благотворительно-тюремной деятельности Елизаветы Алексеевны Нарышкиной. Спб., 1909. С. 6, 16, 28 и др.

[2] *Дондукова-Корсакова М.М.* За несчастненьких. Спб., 1909. С. 5.

[3] Десятилетие Одесского общества покровительства отбывшим наказание. Одесса, 1897. С. 6-7.

[4] Об учреждении в Сибири Общества попечительнаго о тюрьмах. Спб., 1819. С. 38.

[5] Необычные воспитанники. М., 1976. С. 4; Право и жизнь. 1927. Кн. 8. С. 35-36 и др.

[6] Несовершеннолетние правонарушители. М., 1932. С. 9.

[7] Детдом. Журнал Главсоцвоса НКП. 1929. № 2. С. 33.

[8] ЦГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 1652. Л. 32-33.

[9] Красная новь. 1923. № 5 (15). С. 204.

[10] ЦГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 1348. Л. 2-3.

[11] Школа-колония. Ленинградский Губсоцвос. Ленинград, 1924. С. 3, 5.

[12] Школа-колония // Красные зори. Ленинград, 1933. С. 8.

[13] *Матвеев Д.* Об одном опыте. Коммуна малолетних правонарушителей ГУ // Молодой большевик. 1925. № 15 (18). С. 37.

[14] Лишение свободы в Советской России // Огонек. 1924. № 40 (79).

[15] *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 265.

[16] Наши достижения. 1930. № 10-11. С. 97-98.

[17] ЦГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 2032. Л. 32, 35.

[18] Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 81.

[19] Там же. Ф. 9412. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 13.

[20] Там же. Ед. хр. 12. Л. 141.

[21] Там же. Ед. хр. 4. Л. 3.

[22] Там же. Л. 78.

[23] Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 4, 5.

[24] Там же. Ед. хр. 28. Л. 13.

[25] Там же. Ф. 9414. Оп. 6.

[26] Там же. Ед. хр. 34.

[27] Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. И.В.Сталин. Политический портрет. Кн. 2, ч. 2. М., 1989. С. 79.

[28] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 1945. Л. 62.

[29] Там же. Ф. 9412. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 11.

[30] Там же. Ед. хр. 21. Л. 13.

[31] Там же. Ед. хр. 7. Л. 76.

[32] Там же. Ф. 9414. Оп. 6. Ед. хр. 34. Без указ. Л.

[33] Там же. Ф. 9412. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 76.

[34] Там же. Ед. хр. 22. Л. 69.

[35] Там же. Л. 177.

[36] Там же.

[37] Цит. по: *Кузьмина А.С.* Становление ИТУ в Сибири (1917-1924 гг.). Томск, 1980. С. 5.

[38] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 13.

[39] Цит. по: *Кербер Е.* Как Советская власть борется с преступностью. М., 1933. С. 142.

[40] Через год: Сб., посвященный 1 годовщине Архангельской трудовой колонии молодежного управления НКВД по Северному краю. Только для Архангельской трудовой коммуны. Архангельск, 1935. С. 1.

Глава 6

ПРЕССА ДЛЯ ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ОХРАНЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Изучая лагерную периодику, мы обратили внимание на то, что аряду с газетами для заключенных в лагерях, как правило, издавались азеты и для работников охраны. В приказах Главлита, документах и риказах политотдела ГУЛага оба типа газет всегда соседствуют. Для х издания использовались типографско-издательские мощности, ринадлежащие НКВД, ГУЛагу.

Мы уже упоминали о том, что внутри лагерного забора потоки ечатной пропаганды, по указанию ГУЛага, между собой не мешивались. И хотя содержание газет для ВОХРа мало чем отличалось т других, издающихся в лагере, они были секретными, заключенные е имели к ним доступа.

Выглядели газеты, между тем, точно так же, как и любые ноготиражки, имели две или четыре страницы. Обязателен апретительный гриф, напоминающий, что нельзя выносить газету из агеря. Точно та же давящая цензура, точно те же запреты и умолчания. азеты считались абсолютно закрытыми, и тому были причины.

Первая состоит в том, что Гулагу не хотелось признаваться, что хранников такое огромное количество в советских лагерях, и для них здаются десятки газет. Тем более, что Советский Союз всегда отрицал аличие принудительного труда в своих лагерях (на Нюрнбергском роцессе советская сторона обвинила фашистов в использовании труда оенноплен ных). Это выглядело необыкновенно цинично: на еобозримых просторах нашей Родины трудилась многомиллионная рмия рабов, охраняемая тысячами и тысячами вохровцев, место оторых было на фронте.

Другая причина – в особенностях пропаганды на страницах охровской прессы. Конечно, там тоже воспевались трудовые победы аключенных, информировалось о том, кто какой отряд укарауливает", и значит, влияет на выполнение планов. Печаталась бычная трескотня о самой свободной в мире стране социализма, об жасающей жизни заключенных за рубежом. Часто публиковались аметки о классовом подходе к "охраняемым", о классификации аключенных – надо думать, для того, чтобы по-прежнему считали

уголовников социально близкими, имеющими льготное положение по сравнению с теми, кто отбывал срок по политическим мотивам Известно, например, что и после победы в Великой Отечественной войне И.Сталин все еще был озабочен тем, как упрятать побольше троцкистов за решетку[1]. Материалы на эти темы считались как бы основой политической грамоты вохровца.

Однако в прессе для охранников преобладают материалы пропагандирующие строгое, точное соблюдение устава по несению службы. Заметки, большие статьи, фотографии с текстовками рассказывали о политической подготовке стрелков (так они назывались). Превозносилось знание устава караульной службы изучение контингента, исполнение приказов. Считалось, что караульная служба обеспечивает выпуск необходимой продукции, и грамотно ее нести – значит исполнять патриотический долг Внушалось, что заключенные – люди, с которыми нельзя быть на равных, они могут стать свободными людьми только после отсидки, а пока это преступники. Почему такое огромное количество преступников в стране – разъяснялось словами И.Сталина, что с победой социализма отсталые, контрреволюционные классы переходят в оголтелое наступление, классовая борьба только обостряется. Все недостойные звания нового человека должны пройти длительное перевоспитание в лагерях. Даже когда фашистские войска были под Москвой на расстоянии выстрела дальнобойного орудия, пишет Д.Волкогонов, десятки соединений и частей войск НКВД охраняли огромное количество заключенных, большая часть из которых должна была быть на фронте... Войска НКВД стерегли "врагов народа"[2].

Сколько их было в вохре? Трудно сосчитать не только количество сидящих, но и охраняющих. Войска НКВД, конечно, участвовали в боях с немцами, но основная их роль – работа с контингентом заключенных.

В прессе для ВОХРа часто публиковались портреты лучших стрелков и рассказы об их подвигах. Так, в газете опергруппы ИТК-УИТЛК УНКВД Башкирии появилась заметка о женщине по фамилии Шевченко, которая сделала буквально невозможное. Зимой она преследовала на лыжах "опасного беглеца" более 120 километров. Догнала, задержала и привела пешком обратно в лагерь. Таких задержанных у нее насчитывалось шесть. Не надо восторгаться, пишет газета, ее подвигом. Таких у нас в ВОХРе много. Газета печатает портрет этой женщины-стрелка: немолодое, усталое, обычное лицо.

Пропаганда делала свое дело. Материал о женщине-стрелке которая успешно охотилась за бежавшими заключенными перепечатали многие вохровские газеты. Правда, не везде выпячивали тот момент, что за каждого задержанного вохровцы получали

только благодарность начальства, но и денежный, а часто и продуктовый паек – это вознаграждение и было главным стимулом для поимки бежавших.

Можно упомянуть заметку из газеты Севвостлаговского ВОХРа. Стрелок по фамилии Федоренко задержал уже за время службы 24 беглеца. Рассказывая о нем, газета дает его краткую биографию: раньше Федоренко нес охрану в Дальстрое и еще там проявил себя как настоящий советский патриот: он предотвратил диверсию на двух электростанциях Дальстроя. Можно только догадываться, сколькими жизнями заплачено за бдительность охранника... Такого рода заметки, особенно если они давались с фотографиями, охотно перепечатывались всеми вохровскими газетами. Может быть, потому, что не всегда хватало собственного материала.

Одна из постоянных и ведущих тем в газете – политическое воспитание, которому придавалось особое значение. Газетные материалы буквально пронизаны политической трескотней. Это воспитание в рабочем расписании стрелков состояло прежде всего из политинформации – ежедневно, а два раза в неделю – в форме часового занятия. Как правило, это было изучение и конспектирование первоисточников: статей классиков марксизма-ленинизма и здравствующих вождей. Поскольку общеобразовательный уровень вохровцев был довольно скромный, то под силу им было либо вазубривать отдельные пропагандистские материалы, либо изучать биографию вождя. Такой красочный факт: по политотделам было разослано письмо заместителя начальника политотдела ГУЛага МВД СССР, подполковника Рыбакова, датированное мартом 1949 г.: "В связи с запросами некоторых заместителей начальников охраны по политчасти о том, чем заниматься в системе политзанятий после изучения биографии И.В.Сталина, политотдел ГУЛага МВД СССР разъясняет: там, где закончено изучение биографии И.В.Сталина, организовать повторение изученного материала"[3].

Публиковались программы различных форм обучения: лекций, бесед, семинаров, обсуждений и т.д. – все эти мероприятия были обязательными для вохровцев. Они переписывали их в свои тетради и самостоятельно или с помощью специальных лиц готовились к "дискуссиям".

Кадров для охраны заключенных всегда не хватало: ведь количество заключенных не снижалось, а только росло. После войны были созданы особые лагеря и для тех, кто сотрудничал с немцами, и для тех, кто подозревался в этом, а также несколько лагерей для военнопленных. Еще в 1930 г. появился циркуляр № 474, разрешающий использовать лишенных свободы в работах "по укарауливанию"[4]. Заключенные охраняли заключенных. Текст циркуляра был строго секретным. По

воспоминаниям бывших заключенных, самоохрана была широко распространена. В 1948 г. был издан другой циркуляр "Многотиражная печать в борьбе за выполнение коллективами социалистических обязательств и рентабельную работу предприятий". В нем сказано: "В связи с недостатком личного состава на службу в ВОХР ИТЛ и К МВД привлечено большое количество заключенных (разрешено с 1946 г.) из числа наиболее надежных, всесторонне проверенных, главным образом, за бытовые преступления. Нужна бдительная работа с ними – усиленная воспитательная работа, постоянные политзанятия. Это называется "самоохрана". Но материалы о них в газете – не печатать"[5].

Не печаталось в газетах многое. Например, переписка политотдела переполнена донесениями о фактах сожительства вохровцев с заключенными-женщинами. Любовь в лагере должна была быть только с разрешения начальства, и правду об отношении к женщинам в ГУЛаге мы знаем: донесли воспоминания бывших заключенных. Правда эта была жутко неприглядной. В донесениях речь шла о том, что "сожительства" продолжались длительное время. Факты такого рода пресекались, ибо женщины-заключенные осуществляли идеологически вредное влияние на вохровцев, а классовая чистота должна была соблюдаться. Отсидевшая много лет Е.Матвеева рассказывает о своей любви в лагере к лейтенанту НКВД, но чтобы надеяться на будущую совместную жизнь, они много лет свою любовь скрывали[6].

Однако не все вохровцы были совершенно задурены политзанятиями и пропагандой. Особенно ясно это становится, когда читаешь газеты для охранников и переписку политотдела. Это как бы две реки, текущие по одному руслу в разные стороны: так разнится информация, сообщаемая ими. В газетах – ликование, показной энтузиазм, готовность к подвигу, воплощение долга. Стрелки якобы по своему желанию пишут о том, как интересно проходят политзанятия, они не могут дождаться того часа, когда можно снова получить разъяснение по поводу трудов тех или иных классиков. В донесениях – осколки правды, о которой политотделы не заинтересованы были сообщать, но по ним можно представить жизнь охраны в лагере. Вот что сообщается, например, в донесении начальника политотдела Тагиллага, где на апрель 1942 г. числилось 26 тыс. заключенных: скученность в бараках жуткая – на человека приходится 0,5 метра. Три тысячи зеков "совершенно разуты и раздеты". Питания практически нет, а то, что есть – отвратительно по качеству, но бойцы охраны отбирают у заключенных продукты.

Можно только предполагать, что там творилось на самом деле, если такой факт содержится в донесении политотдела[7].

Иногда докладывали и о неординарных вещах – непослушании, ронде " со стороны охранников. Вот, например, начальник литотдела Ивдельлага в своем донесении пишет о том, что стрелок го взвода 4-го дивизиона Иван Иванович Нарожный, находясь на уптвахте, написал на стене: "ВОХР – ярмо деспотизма. Всякий ловек, работающий в ВОХР, превращается в послушный скот". Как шется в донесении, стрелка "изолировали" по ст. 58-10, ч.1[8].

Когда закончилась война, у охранников появились надежды на звращение домой, к своим семьям. Однако заключенных стало ачительно больше и приказа о демобилизации все еще не было. горванная от семей, стоящая между начальством, требовавшим блюдения устава любой ценой, и заключенными, ненавидевшими ; лишенная, как и те, кого они охраняли, свободы; живущая только приказа до приказа, охрана представляла из себя издерганную, тавшую, озлобленную массу. И когда пришло сообщение, что мобилизация коснулась только людей старшего возраста, служивших в армии, а остальных домой не отпустят, потому что до охранять не только своих заключенных, но и военнопленных, хровцы отреагировали: по лагерям и стройкам НКВД прокатилась рия самоубийств, которые совершали стрелки, потерявшие надежду возвращение домой. Это очень обеспокоило администрацию /Лага. Была создана комиссия по расследованию причин подобных йствий. Конечно же, причины усмотрели в несознательности бойцов раны, в "низкой политико-воспитательной работе"[9]. И хотя охране лось сытнее и лучше, свободнее, чем заключенным, но и она, по ществу, была бесправным, угнетенным скотом, на который спространялась необходимость применения законов.

Справедливости ради надо сказать, что цензурных запрещений у ессы для ВОХРа было также много. Она подчинялась всем тем азаниям Главлита и политотдела Гулага, о которых мы говорили ше. Но были и свои. Например, в 1954 г. политотдел ГУЛага за дписью заместителя начальника Макридина дал указание о рестройке (?) прессы для ВОХРа: она теперь не должна писать о рих, вохровских проблемах, а обязана "освещать вопросы и роизводственной, и хозяйственной деятельности лагерей и прекратить о цензурным соображениям) освещать партийно-политическую и спитательную работу с личным составом ВОХРа". Так и получилось. осле смерти И.Сталина многие газеты превратились в обычные герные: план, социалистическое соревнование, стахановские вахты, удовые подвиги. Иногда – портрет какого-нибудь стрелка, который бился больших успехов в деле "охраны охраняемых".

В 1954 г. большая часть вохровских газет получила статус оизводственных, но сохранила преемственность в выходных данных,

даже редактора (если они указывались) остались прежние. Есть данны
и о том, что некоторые производственные, общелагерные газеты
становились газетами для ВОХРа – но это чрезвычайно редкий факт
он указан в прилагаемой библиографии. Собственно говоря
содержание всей этой прессы всегда было безлико-одинаковым.

Литовались газеты своими политотделами – для них не держали
специальных цензоров. Одинаковыми были тиражи, формат
количество полос. Даже принуждения к займам вохровцы не избежали
Голодные, раздетые и разутые заключенные отдавали последнее. Н
такие же кампании велись среди стрелков. Тагилстрой, например, з
наличный расчет приобрел в 1944 г. облигаций 3% государственног
займа на 1,5 млн рублей, а заключенные Челябметаллургстроя – на 2
тысяч. Публикуя эти и другие подобные цифры, вохровская газет
Хабаровского края информирует, что охрана сдала наличными
купила облигаций на 200 тыс. руб. Но и это не предел. Кампания п
изъятию денег у лагерного населения принимает всеобщий характер
люди сдают не только деньги, но и драгоценности, одежду, обувь
любое мало-мальски пригодное имущество. Вохровская печат
публикует портреты тех стрелков, которые подписались на две ил
три зарплаты. Такие кампании вели все лагерные газеты, издающиес
и для вольнонаемных, и для ВОХРа, и для заключенных, и для детей
отбывающих срок. У людей отнимали последнее.

* * *

Предлагаемая библиография содержит 27 наименований. В отличи
от многих лагерных газет, издания для ВОХРа выходили большими
тиражами в течение многих лет; переезжая с места на место с лагерями
и строительствами, газеты сохраняли свой штат и название.

Некоторые наименования газет и имеющиеся экземпляры был
установлены при переборе карточек в ГБ РФ. Конечно, никакого
отдельного фонда для этой прессы в крупнейших газетных хранилища
страны нет. В Книжной палате также не регистрировались вохровски
секретные издания. Часть газет была установлена при знакомстве
фондом С.Алымова в РГАЛИ, а также с фондами других писателей
отбывших срок в лагерях.

Нет уверенности в том, что мы разыскали всю вохровскую прессу
Огромное количество закрытых газет, которое даже трудно себ
представить, до сих пор не исследовано: здесь закрытые издания
относящиеся, предположительно, к милицейским, оборонным, военны
предприятиям. С каждым из этих изданий надо работать, ведь они, п
указанию Главлита, выпускались "вслепую" без адреса, практическ
без выходных данных, принятых в цивилизованном мире.

[1] Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И.В.Сталин. Политический портрет. 1989. Кн. II. Ч. 2. С. 39.

[2] Там же. С. 53-54.

[3] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 4. Ед. хр. 149. Л. 37.

[4] Бюллетень НКВД. 1930. № 31. С. 647-649.

[5] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 185-187.

[6] Матвеева Е. История одной зечки и других з/к, а также некоторых ьняшек. М., 1993.

[7] ЦГА РФ. Ф. 9414. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 64.

[8] Там же. Ед. хр. 16. Л. 59.

[9] Там же. Ед. хр. 47. Л. 116.

Приложение 1

БИБЛИОГРАФИЯ ТЮРЕМНОЙ ПРЕССЫ (1918—1935 гг.)

1. Алтайский голос заключенного: Обществ., лит., полит. двухне,
газ. /Отв. ред. Кутанов. - 1924, № 2; 1925, № 1-3. - А-2, 4 п. - 45(
480 экз.

Далее: Голос заключенного. - 1925, № 3 (янв.).

2. Борец с преступностью: Ежемес. журн. Орган КВЧ Астра.
губИД. - 1923, 9 сент.; № 3. - рукоп., 3 экз.

3. Вестник заключенного: Еженед. журн. Орган КВЧ Астрах. губИ,
1923, № 1-7. - 11 экз. - Гектогр.

4. Заключенный: Двухнед. газ. Орган КВЧ Амур. ДЛС. - 1924 (окт.

5. Набат: Орган Елец. ИД (Арханг. обл.) - 1922.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГАОР.

БАМ

6. Бамовец: Газ. заключенных - строителей БАМа. - 1932, № 4.
(Свободный).

Научно-технический бюллетень управления строительства БАМ
Орган ДВК. - 1933, № 1.

8. Путеармеец: Лит.-худ. журн. Орган БАМлага НКВД СССР /От
Б.Н.Кузнецов; Редкол.: О.В.Шедвид, А.К.Бакин, А.А.Бельски
Качевский. - А-3, 46 п. - 1500-3000 экз.

9. Строитель БАМа: Газ. КВО упр. БАМлага ОГПУ /Отв. ре,
Кацыкин. - 1933, № 1. - А-3, 4 п. - 1000 экз.

Газета печаталась как плакат, без пробела. На первой страни
значился гриф "Не подлежит распространению вне лагеря".

Башкирская АССР

10. Воспитатель: Газ. заключенных и служащих. Однодневн. из
БЦИД № 2. - 1925, № 2 /Отв. ред. Ф.Семенов; 1926, № 1
Отв. ред. Халидов. - А-3, 8 п. - 500 экз. - Рус., тат.
1926 - еженед.

11. За качество: Печ. многотираж. газ. лишенных свободы. Орг
ИИТУ. - 1933, № 4 /Отв. ред. Богданов; 1933, № 3, 5, 6; 1934,
2) /Отв. ред. Авзалов. - А-3, 4 п. - 1000 экз.

12. Новые пути исправдома: Журн. заключенных. Орган КПЧ БЦИ,
Ист.: газ. "Перековка". Шатура. 1924. № 19.

13. Перо: Новогодняя газ. заключенных. Орган КПЧ. - 1925,№ 1.

14. Сброшенные цепи: Период. журн. заключенных. Орган КПЧ. - Стеклогр.

Ист.: газ. "Новые Соловки". 1926. № 50 (102), дек.

15. Стрела: Еженед. газ. заключенных БЦИД. Орган КПЧ. - 1927, № 2. - Стеклогр.

16. Тарбияче: Газ. - 1925; 1926 - свед. нет; 1927 - № 2 (8)(май). - Тат.

Бийск

17. Бийский заключенный: Газ.

Ист.: "Алтайский голос заключенного". 1925. № 2.

18. Голос заключенного: Газ. КПЧ. - 1923, № 5. - [Стеклогр., машинопись; иногда - рукоп.].

С 1923 (май) - Типогр. - 1-28 п. - 100 экз.

19. Голос заключенного: Ежемес. журн. заключенных /Отв. ред. Чайгородов. - 1924, № 1, 2, 9. - 16-28 п. - 50-100 экз. - Типогр.

Владимир

20. За баркасом: Газ. КВЧ губИД /Редкол.: [6 заключенных]. - 1923-1924 (окт.) - Шапирогр.

Печатается из расчета: один номер на камеру.

21. Новый путь: Газ. КПЧ изолятора спецназначения. - 1928, 8 дек. - Стеклогр.

22. Путь к исправлению: Двухнед. газ. ПВЧ ИТУ /Отв. ред. Кирилов, затем Коршунов. - 1932, № 2-10, 12-14; 1933, № 1-8; 1934, № 2 (23). - А-3, 2 п. - 1530 экз.

* * *

23. Голос заключенного: Журн. КК Винниц. ДП № 1. - 1924, № 4.

23а. Голос ударника: Газ. Винниц. пром. колонии. - 1931. - А-3, 2 с.

24. За новую жизнь: Спец. вып. Устанской (?) трудколонии УНКВД по Воронеж. обл. - 1940, 31 мая.

25. К труду: Двухнед. газ. заключенных ЦЧО. - 1930, № 1 (12)-8 (19) /Зав. ред. Н.Кисилев, с № 6 (1930) ред. Чурин, затем Логвинов. - А-2. - 400 экз.

26. Мысль заключенного: Газ. УВЧ и КПК Витеб. окруж. ИТД и его отд-ний /Редкол.: заключенные Симаков, Булаш, Гордеев. - 1924, № 1-7; 1925, № 1 (4); 1926, № 1 (7)-3 (9). - Литогр.; с № 4 - типогр. - 300-500 экз.

Ист.: журн. "За железной решеткой". 1924. № 4-5.

27. Мысль заключенного: Ежемес. лит.-худ. журн. Орган КВЧ Витеб. губ. ДПЗ и ИТД /Отв. ред. М.Смирнов. - 1924-1926. - 14-32 п. - 300-

500 экз.

28. На трудовом пути: Газ. лишенных свободы и ИТ работников колонии массовых работ № 1-2 при Липецкстрое. Орган ПВЧ ИТК № 2 /Отв. ред. Лепп. - 1934, № 1, 3-12. - 1/2 А-3, 4 п. - 500 экз.

29. Труд заключенных: Двухнед. журн. заключенных ИТД /Отв. ред. Павленко; Тех. ред. Гольденберг [Редкол.: 25 заключенных]. - 32 п. - 35-200 экз. - Типогр.

Вятка

30. Жизнь за решеткой: Газ. заключенных Вят. изолятора. - 1927, № 3 (20).

31. За железной решеткой: Журн. губинспекции мест заключения. - 1923, № 1 (март) - машинопись 8 п.; 1923, № 2 - литогр., № 4 - типогр. 28-56 п. - 10-600 экз. /Редкол.: 60 сотр. из заключенных; 1923, № 4-6; 1924, № 1-5, 6-8 /Редкол.: Ю.Ю.Бехтерев, З.С.Баскова, Н.Н.Попов.

На 1 с. каждого номера: "Журнал содействует пробуждению самодеятельности заключенных в деле их собственного исправления, выявлению продуктов их духовного творчества и развитию их творческих задатков на благо Республики трудящихся". Журнал имел гонорарный фонд.

Ист.: "Вятская правда". 1923. № 126; еженед. "Сов. юстиция". 1923. № 32.

32. За решеткой: Частный журн. инспекции мест заключения.

33. За темпы: Газ. ПВЧ и лишенных свободы Вят. ДЗ и ФТК /Отв. ред. Комаровских; затем С.Щепотов, А.Т.Дербенев, С.Кокарев, И.И.Баранов. - 1932, № 1 (13)-8(20); 1933, № 1-15, 18 (65); 1934, № 1 (66)-2. Неустойч. формат: от А-2 до А-3; 2 п. - 300-400 экз. [Номера разных цветов].

34. На трудовом пути: Двухнед. газ. КПО УСЕВЛОН ОГПУ. - 1930, № 1-4, 7, 9.

С № 3 - орган Управ. Сев. лагерей ОГПУ. - А-2, 4 п. - 200-1000 экз.

Газ. "создана для помощи прибывающим еще сырым массам заключенных". Газ. запрещено распространять за пределами лагерей ОГПУ.

Гомель

35. Возрождение: Журн. Гомел ИД /Отв. ред. Степанов. - 1924, № 1-4 (март). - 12-16 п. - машинопись. - 300 (?) экз.

36. Голос заключенного: Газ. УВЧ и КПК Гомел. ИТД. - 1925, № 1-5; 1926, № 6-7.

37. Мысль заключенного: Ежемес. газ. УВЧ Гомел. ИТД /Отв. ред. Тихонов; Редкол.: Пугач, Хитрик. - Изд. с 1925 г. - 1928, № 7; 1929 № 32 (17). - А-2; 4-6 п. - 300 экз.

38. На обломках минувшего: Журн. Гомел. ИД. - 1923 (май, юнь).

* * *

39. Перековка: Газ. Донец. обл. отд-ния ИТР. Сталино / За отв. ед. Шульга. - 1934, № 1-4, 7-11, 14-19, 24-25. - А-3; 4 п. - 2000 экз.

Авторы подписываются "правонарушитель Иванов".

40. Путь к исправлению: Газ. политотдела Сталинской ИТУ ромколонии и ДПЗ [Донец. обл.]. - 1934, № 1 (март) /Отв. ред. І.Черняк. - А-3, 2 п. - 400 экз.

41. Заклик до праці: Газ. Днепропетров. промколонии. - 1928-933.

42. Трудовая перековка: Газ. політосвитвідділу 2-і будколонії ПТУ ам'янск, 1934, 12 июня. (Днепропетров. обл.).

43. Ударник: Газ. политосвитвідділу ЗіновПТУ. - 1934, 14 верес. - іновʻівск (Днепропетров. обл.).

Урал

44. Голос заключенного: Журн. ИРД № 1 /Редкол.: Павчинский, ригорьев, Зельдович (псследний - воспитатель малолетних реступников). - Изд. с 1920 г.; 1921, № 6. - А-3, 4 п.

На 1 с.: "Только труд и просвещение исправляют людей".

45. Даешь топливо!: Газ. ПВЧ Чусовской ИТД. - 1932, № 28-32, 7-42, 44-49, 51-54. - Изд. до 1934 г.

46. Завод № 95: Ежемес. техн. бюл. орг. заводоуправления, бюро ТС и НИТО /Отв. ред. Ю.Г.Музалевский. - Изд. с 1931; 1934, № 3-4. 100 экз. - Стеклогр.

Предположительно Урал.

47. За знамя первенства: Ежедекад. газ. Нижне-Туринской акрытой колонии /Отв. ред. М.Горбунов, затем Лузянин. - 1932, № 10, 14-20. - Неустойч. формат, чаще А-3, 2 п.

48. За металл, за топливо: Пятиднев. газ. лишенных свободы усовской ИТК. - 1933, № 3-14 /Отв. ред. Д.Д.Погорелкин, с № 11 - Батрунов. - 1/2 А-3.

Несколько номеров спецвып. под назв. "За металл, за топливо на ьвинском мосту".

Предположительно Свердлов. обл.

49. За темпы и качество: Ежедекад. газ. лишенных свободы в ИТУ вердлов. обл. - 1934, № 1 (38)-15 (52) /Отв. ред. А.Иванова. - А-3, п. - 600-2500 экз.; к 1932 г. - 5000 экз.

Газета выходила для нескольких колоний ФЗИТК.

50. За Уральский вагон: Ежедекад. газ. лишенных свободы и удработников Тагил. ИТК (Уралвагонстрой). - 1934, № 1. - 50 (160) тв. ред. Н.А.Серебренников. - А-3, 2 п.

С № 8 (119) 1934 г. (март) изд. для вольнонаемных. Главная тема - социалистическое соревнование между заключенными и вольнонаемными.

51. Колун: Двухнед. газ. ПВЧ Алапаевской ИТ лесозаготовительной колонии /Отв. ред. Хватов. - 250 экз.

52. На новом пути: Газ. КВО управления Кунгурских ИТЛ (Куитлаг, ж/д линия Кунгур-Свердловск). - 1931-1941 гг. - А-2, 2 п. - 200-600 экз.

С № 8 - Орган КВО Куитлага ОГПУ. Несколько номеров форматом А-3. С № 9 - 1000 экз. С нояб. 1932 г. - Орган бюро актива и ячейки ВЛКСМ ПП ОГПУ по Уралу.

Над заголовком: "Распространение газеты вне лагеря запрещается".

53. На новом пути: Период. лит.-худ. и науч. сб. Орган УВЧ УМЗ / Отв. ред. А.В.Лебедев. - 1923, дек. - Стеклогр.

Газета отличается талантливыми рис. Худож. - заключенный А.Антонов-Дубровский.

54. Порыв: Лит. сб. Орган УВЧ ДЗ. - 1922, № 1-3 /[Редкол.: заключенные, в основном эсеры, которые сотрудничают и в вольной газ. "Уральский рабочий"]. - 16 п. - 200 руб. - 600 экз. - Стеклогр.

Выпущен для сбора средств на культурную и просветительную работу в местах заключения губернии.

55. Путь к исправлению: Газ. ПВЧ ИТД / Отв. ред. Купчиков. - 1929, № 2-3. - А-2. - 100 экз.

56. Трудовой колонист: Ежемес. газ. УВЧ ИТК /Отв. ред. Поль. - 1930, № 1-10; 1931 № 1(16), 3, 4, 12 (27); 1932, № 8 (37)-15, 17, 19 22, 25-26; 1933, № 1 (56)-8, 10-11, 13-16 (71). - А-3, 4 п. - 100-300 экз.

Газета издавалась на территории Надеждинской ИТК. Заголовок газеты как бы составлен из спиленных чурок.

57. Уральский заключенный.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

58. Штурмовка: Пятиднев. вып. газ. "На новом пути" (Кунгур).

Орган треугольника и бюро актива Кунгур. ТК УНКВД по Свердлов обл. - 1935, вып. 1.

Иваново

59. Голос ИТУ: Газ. ПВЧ Ивановского ИТУ. - 1933, № 1-5.

60. За коллективный труд: Газ. Кинешемской колонии [Иванов обл.]. - 1931.

61. Наш голос: Газ. заключенных Иваново-Вознесенска. - 192 № 3-4; 1928, № 6, 8, 9.

62. За шесть условий: Газ. ПВЧ Буйской ИТК (Иванов. промобл.) Ред. В.Смирнов, затем П.Виноградов, А.Кашанин. - 1932, № 1-9; 193 № 1 (10)-16 (25). - А-3, 2 п. - 500 экз.

Илецк

63. Всюду жизнь: Газ. КВЧ и КК Илец. изолятора спецназначения. - 1929, № 3, 5, 9 /Отв. ред. Лукиянчиков, с № 9 - П.В.Лебедянский. - А-3. - 30 экз. - Стеклогр.

64. Из-за решетки: Газ. ПВЧ Илец. изолятора спецназначения. - 1928 (март).

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

65. Эхо заключенного: Газ. заключенных Илец. изолятора спецназначения. - 1926 г.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

Иркутская область

66. Жизнь заключенного: Журн. заключенных Александров. ИТД. - 1921, № 1 (дек.). - 9 п., машинопись.

67. Мысль за решеткой: Журн. Иркут. ДЗ. - 1921, № 1-4. - 6-7 п. - 25 экз. - Гектогр.

68. Наша мысль: Журн. УВЧ Иркут. изолятора /Отв. ред. Баянов, затем Фаустов; Техн. ред. Волле, затем Сидорычев. - 1925, № 1; 1927, № 1; 1929, № 1 (26)-7 (32). - А-2, 8 п. текста и 10 п. рекламы. - 1200 экз.

Подшефное издание газ. "Власть трудящихся". № 2 за 22 янв. 1925 г. - приложение к газете, посвященное памяти В.И.Ленина.

69. Наш журнал: Журн. КВЧ Иркут. ДЗ. - 1923 (окт.), кн. формат, 15 п. - 400 экз.

Часть тиража продана на волю, 100 экз. - бесплатно в ДЗ.

70. Новая жизнь: Ежедекад. газ. управления Александров. ТК НКВД /Отв. ред. М.Абросимов. - 1936, № 2-6, 8-18; 1937, № 1 (19)-7, 9-13 (31). - А-3. - 600-900 экз.

71. Перековка: Газ. Черемхов. райкомендатуры ОТП ЦНКВД (для трудпереселенцев, кулаков) /Отв. ред. Е.Абрамзон. - 1935-1937. - 1 раз в 6 дней. - А-3. - 1000 экз.

* * *

72. Вместо кандалов: Газ. УВЧ Краснояр. изолятора спецназначения. - 1924 (март)-1929.

1928, № 1; 1929, № 1 (62)-4(65) /Отв. ред. М.Л.Терентьев.

В № 1 за 1928 г. лозунг: "Где звон кандалов раздавался, там ныне культура должна процветать". С 1929 г. газ. "Красноярский рабочий" шефствует над "ВК".

73. Всюду жизнь: Газ. заключенных. [Кострома]. Предположительно 1928-1929 гг.

Ист.: документы фонда С.Алымова, РГАЛИ.

74. Голос заключенного: Еженед. газ. КП и труд. газ. Курского

ИД. - 1924 (апр.). - А-3, 2 п. - Гектогр.

75. За новый путь: Ежемес. обществ., лит. газ. Орган Калуж. ГубИТД /Отв. ред. Сальников, затем Бурцев, Тихомиров. - 1926, № 1-2; 1927, № 2, 4-8; 1928, № 1 (18), 4; 1929, № 1-3. - Неустойч. формат, несколько номеров больше А-2, 4 п. - 50-220 экз.

76. За стальные пути: Газ. Курган. колонии. - 1932. - А-3, 2 п.

77. За трудовую жизнь: Газ. Нерехтин. колонии [Костром. обл.]. - 1932. - А-3.

78. К новой жизни: Двухнед. газ. КВЧ Костром. ИТУ /Отв. ред. Лялин, затем Навоев, М.Барышев. - 1932, № 1-2; 1933, № 1-2, 5-8; 1934, № 1-10, 12-13 (34). - Неустойч. формат; 2 п. - 200, 300 экз.

79. К новой жизни: Газ. Костром. колонии. - 1932. - А-3.

80. Путь к исправлению: Ежемес. газ. Костром. объедин. ИТД / Отв. ред. Пузиков. - 1928-29, № 2-3, 6-7. А-3. - 100-500 экз.

81. Шлях до коммунізму: Газ. Криворізькоі ПТ колоніі им. тов. Михайлика; ст. Гейковка Екатерин. ж.д. - 1933, 10 жовт.

Ленинградская область

82. Железобетон: Лит.-худ. журн. газ. "Свирьстрой" и орг. пролетарско-колхозных писателей Свирьстроя /Отв. ред. С.Берлин, затем П.Лавров; Редкол.: И.Агафонов, Ступальский, М.Гришечкин, Силоров, Трусов. - 1931, № 1; 1932, № 2-5. - Кн. формат.

С 1932 г. (апр.) - лит.-худож. журн. Ассоциации пролетарских писателей Свирьстроя, а с октября - лит.-худ. журн. литгруппы Свирьстроя.

83. За перевоспитание: Двухнед. газ. лишенных свободы и ИТработников Сяськой колонии /Отв. ред. Бойко, затем А.И.Бушкарев; Техн. ред. Ф.Ширяев. - 1933, № 1-5; 1934, № 1-9, 11-13, 62 (21). - А-3. - 600-1000 экз.

С 1933 г. (нояб.) - изд. Сяськой ИТК.

В № 1 - благодарность начальника колонии Сясьстрой Л.В.Луканина заключенным Ковчанко, Бухмареву, Солнцеву за выпуск газеты.

84. За решеткой: Газ. Ленингр. изолятора спецназначения. - 1926. - 1500 экз. на 1000 камер.

С № 2 назв. "Наша мысль": Двухнед. газ. лишенных свободы ЛИСНА ЛенДЗ, 1-й фаб.-зав., 2-й с.-х., 3-й фаб.-зав., 2-й с.-х., 3-й фаб.-зав.-с.-х. колоний /Отв. ред. Иванов; Тех. ред. Соколовский.

С 1930 г. (янв.) назв. "К трудовой жизни": Двухнед. газ. лишенных свободы мест заключения Ленинград. обл. /Отв. ред. М.П.Панкратов. - 1927, № 1-9; 1928, № 1-15; 1929, № 1-8; 1930, № 1-11; 1931, № 1-8, 10; 1932, № 1-21; 1933, № 1-5, 7-20; 1934, № 1-3, 5-13 (119). - 300-1000 экз.

85. За творческую инициативу: Бюл. орг. Всесоюз. о-ва изобретателей на Свирьстрое /Отв. ред. А.З.Басевич; Редкол.: П.Е.Никишин, М.Л.Ханин. - 1935, № 1. - Изд. 2 раза в квартал. - 54 п.

- 100 экз. - Стеклогр., обл. - типогр.

86. За ударные темпы: Газ. лишенных свободы и ИТР Лианозовской ИТК /Отв. ред. Марков. - 1934, № 7. - А-3, 2 п. - 150 экз. - Стеклогр.

87. За ударный труд: Газ. КВО ОЛТП и мест заключения УНКВД Ленингр. обл. /Отв. ред. Л.Малкин, затем А.Алексеев. - 1935, № 1 (125)-6; 1936, № 1-7 (137). - А-3, 4 п.

С 1927 г. здесь несколько колоний и пересыльная тюрьма. Гриф:"Не подлежит распространению вне мест заключения".

88. За ударничество: Пятиднев. газ. 1-го от-ния Свирьлага. - 1931, № 1-19. - А-3, 4 п. - 1000 экз.

С № 20 назв. "Свирский ударник": Газ. КВО управ. Свир. ИТЛ ОГПУ. - 5000 экз.; с 1 мая 1932 г. - газ. КВО Свирьлага ОГПУ. - 1932, № 20-25, 27, 29, 43 (59).

89. К новой жизни: Газ. УВЧ 1-го ИТД.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева. В 1927 г. он высоко оценивает газету "образцовый печатный орган для заключенных в РСФСР".

90. К новой мысли: Двухднев. газ. ПВЧ Ленингр. ИД. - 1928, авг.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

91. Наше слово: Газ. УВЧ Ленингр. 2-го ИТД.

Ист.: документы фонда С.Алымова, РГАЛИ. В апреле 1926 г. газета определила свою задачу как "сращение с массой заключенных".

92. Новая жизнь: Газ. заключенных изолятора спецназначения.

Ист.: газ. "Наша мысль". Иркутск, 1929. № 2 (март).

93. Пробуждение стен: Ежемес. журн. УВЧ Царицынского ГубИД / Отв. ред. Кузьмин. - 1922-1924. - № 1 - 2000 экз., № 2 - 2500. - Цена - 1 000 000 совзнаками.

94. Свирьстрой: Газ.

Ист.: журн. "Железобетон". 1931. № 1.

95. Стройка: Однодневн. газ. лишенных свободы и ИТработников ИТК "Свирьстрой" /Отв. ред. Шер; Тех. ред. М.Веселов; с 1934 г. - отв. ред. Н.А.Бойко; Тех. ред. М.Беляев. - 1932, № 27, 30; 1933, № 4-6, 8-22, 25-28 (80); 1934, № 2 (83)-4, 6-32. - Формат неустойч. - А-3, 4 п. - 600 экз.

96. Транспорт: Журн. ВЧ фаб.-зав. колонии для лишенных свободы при губинспекции мест заключения (З-д трансп. сооружений). - 1927, № 1 (март).

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

97. Факел: Журн. УВЧ 1-го ИД. - 1927, № 1, 2 (авг.).

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

Московская область

98. Голос лефортовского изолятора: Журн.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, ЦГА РФ.

99. За качество работы: Газ. лишенных свободы и ИТработников лесозаготовительной Касимовской ИТК. Орган ПВЧ. - 1933, № 1, 3-17, 19-21, 23 (40); 1934, № 1-2, 4, 6 (29) /Отв. ред. И.Егоров; Тех.

ред. И.Рябушкин; С № 3 - тех. ред. С.Шанурин; С № 11 за 1933 г. - отв. ред. А.Емелин; Тех. ред. И.Кадыков. - А-3, 2 п. - 150-175 экз.

Внутренний разворот газ. без пробела, плакатом.

100. За трудовое перевоспитание: Ежемес. журн. Орган Моск. гор. отд-ния ИТработ /Отв. ред. Д.Н.Моргулис. Тех. ред. Б.Н.Мотарыгин. - 1933, № 1. - А-3. - 600 экз.

101. К новой жизни: Журн. Сокольн. ИТД /Отв. ред. Ковалик; Редкол.: А.Архипов, В.Мерзин, Н.Сарычев, Я.Шихман.

Когда первый номер был подготовлен, Главлит запретил издавать тиражом более 100 экз. Вышел ли - сведений нет.

102. Кто [Сведений нет].

По ист.: Шатурская газ. "Перековка" (1934. № 19. С. 4) значится как "центральная газета нашей печати".

103. К трудовому общежитию: Двухнед. газ. лишенных свободы Таган. ДЗ. - 1928-1934 /Отв. ред. Киисс, затем Шестакова, Н.Николаев, В.Смирнов. - Формат больше А-2, 4 п. - 150 экз.

С № 1, 1928, май, выходит под назв. "К новой жизни", а с № 2 - "К трудовому общежитию"; с № 9 - издатель НКВД.

Претендовала на всероссийскою газету для заключенных СССР. К 1929 г. тираж - 6000 экз., к 1932 - 15 000 экз. Организовала сбор денег на самолет, который носил название газеты. Проводила политику в соответствии с указаниями вышестоящих организаций. С 1928 по 1934 г. сохранилось 170 номеров (ГБ РФ).

104. На ударной стройке: Газ. штаба строительства Мособхода (Моск. обход. кольцо) /Отв. ред. Е.Катышев. - 1934, № 1. - А-3, 2 п. - 500 экз.

105. Наше слово: Ежемес. журн. для заключенных. Орган КВЧ Лефортов. изолятора спецназначения. [К 1927 г. (нояб.) издано 3 номера]. - Стеклогр.

106. Перековка: Газ. трудармейцев 1-го и 2-го шатур. рабочих полков МО УИТУ (Шатурская ГЭС им. В.И.Ленина, Шатурская ИТК) / Отв. ред. А.Корбут, затем Л.У.Уваров, Чистов; Тех. ред. С.Зябков, затем М.Альтерман, Лурьи, Калитин. - 1933, № 1-2; 1934, № 1 (3), 4, 6, 15-17, 18-30, 38, 40-45 (47); 1935, № 1 (49). - А-3, 2-4 п. - 500-800 экз.

С № 4, 1934, февр. - Орган ПЧ штаба колонии; с № 15 - орган ПВЧ Шатурской ИТК.

107. Творчество: Еженед. журн. Совета ТК 2-го гор. района Москвы. - 1918, № 1.

108. Тюрьма: Двухнед. журн. звключенных. Орган УВЧ Моск. Таганской тюрьмы / Под ред. А.М.Ароновича. - 1921, № 1-5.

№ 1 - 13 янв. 1921 г. 40 п. - 5000 экз.

* * *

109. На трудовом пути: Газ. лишенных свободы и ИТК массовых работ № 1 при Липецкстрое /Отв. ред. Лепп. - 1934, № 1-12. - 1/2 А-

3, 4 п. - 1540-500 экз.

110. Новая жизнь домзака: Лит.-худ., ежемес. журн. Орган КПЧ Майкоп. ДЗ /Отв. ред. И.Катальников; Ред. Б.Неослев. - 1923, № 1. - А-3, 12 п. - 100 экз.

111. Перевоспитание: Газ. ППО Луган. ИТУ пром. колонии ДПЗ / Отв. ред. Кокин, затем Ф.Леонтьев. - 1934, № 4-5, 8, 10-13, 15. - А-3, 4 п.

В № 11 призыв: "Мы объявляем камеру ударной им. 7-го съезда Советов!" Авторы подписываются "правонарушитель".

Минск

112. За працоунае выхаваньне: Аб'еднаная газ. работнікау попр-прац. установ і разбауленых волі з працоуных. - Менск, Кір.п.п. у. Беларуси. - 1932. - А-2, 4 п. - 5000 экз.

Претендовала на республиканскую газету.

113. На стройке: Газ. рабочих, ИТР и служащих с №-й стройки. [Предположительно Минская обл.]. - 1935, № 1-6, 8. - Машинопись. - 2 п. - Рус., белорус.

Мелитополь

114. До нового життя: Газ. правопорушников Мелітопіл. промколонії ИТУ. - 1931, сент.

115. Мелітоп. ИТУ: Листовка, посвящ. перевыборам КПЧ. Мелітоп. ИТУ. - 1931, дек.

116. За нову людину: Газ. правопорушников з трудящих Мелітопіл. колоніі. Газ. партсередку політосвитвідділу профкому Мелітопіл. колоніі ИТУ ч. 47. - 1932, нояб.

117. Еженедельник: Попул.-науч., полит.-экон. журн. Нижегород. губ. ИТД для заключенных и свободных граждан /Отв. ред. Н.Кудрявцев. - 1924, № 1, 2. - Типогр. - 300 экз.

Некоторые страницы отводились вопросам литературы и спорта. С № 2 1924 г. назв. "Голос заключенного". Сотрудники - 6 заключенных. В 1924 готсвили к изданию журн. под назв. "Наш луч" - но о нем сведений нет.

Новгород

118. Голос заключенного: Двухнед. журн. КВЧ Новгород. ИД. - 1928, (март).

119. Мысли заключенных: Журн. КВЧ Новгород. губИД /Отв. ред. Фурин. - 1922, № 1. - 32 п. - Беспл. - 10 экз. - Машинопись.

120. На торфяном фронте: Газ. лишенных свободы и ИТработников ИТТК "Назиевстроя". Ст. Жихарево, Мурманская ж.д. - 1933, авг.

121. Наука и религия: Газ. [Сохранен № 24 от 27 дек. 1922 г. Номер сообщает об изъятии церковных ценностей по стране (списки

и ценность изъятого)].

Новосибирск

122. Голос заключенного: Газ. Нижне-Чирского ИТД.

Ист.: письмо Ю.Ю.Бехтерева по поводу запрета организованных в ИТД "кабарэ и других зрелищ эротического характера", ЦГА РФ.

[На янв. 1928 г. значится 7 номеров.]

123. За социалистическое перевоспитание: Газ. лишенных свободы в ИТучреждениях ЗСК. - 1934, № 2, 4, 7, 9-12, 15-17, 19-22, 24.

124. К труду: Газ. лишенных свободы в ИТучреждениях ЗСК /Отв. ред. Дунаев. - 1926-1927. - А-3, 4 п.

125. Путь к исправлению: Газ. УВЧ Новосиб. ИТД /Отв. ред. Логинов, затем Коротаев. - 1927, № 9; 1928, № 2 (10); 1929, № 3 (11)-4 (12). - А-2, 2 п. - 50-120 экз.

С № 2 (10), 1928, 21 нояб. - орган заключенных Новосиб. окрИТД /Редкол.: С.Богородицкий, С.Касьянов, Прохоров, Гостев, Найденова, Маркин, Морозов. Номера разных цветов. Вместо "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" - "Ученьем и трудом - пробьем дорогу к свободе".

Одесса

126. Басарабська комуна: Газ. партколективу и правлиння Баскомуни. - Ободивка, 1933.

127. Голос заключенного: Газ. Одес. ДОПРа № 3. - [5 июля 1928 г. вышел № 28].

128. До верстату: Газ. Одес. промколонии. - 1921-1932. - А-3, 2 п. [Старейшая тюремная газ.].

129. Життя замкненного: Двухнед. газ. Одес. губДОПРа. - 1925. - Шапирогр.

Ист.: журн. "Право и жизнь". 1925. Кн. 5. С. 8.

130. Журнал заключенного: Орган Одес. ДОПРа. - [7 дек. 1925 г. вышел № 157]. - Литогр.

* * *

131. Мысль заключенного: Двухнед. журн. УВЧ Омского НТД. [Изд. с 1924 г.] /Отв. ред. Студенников, затем Герасименко, Замков, К.Лоскутников; Редкол.: Кузнецов, Тулупов, Ханьков. - 1928, № 40-43; 1929, № 2-3/4. - А-3, 2 п. - 500-100 экз.

Орел

132. Всюду жизнь: Журн. УВЧ Орлов. изолятора спецназначения.

- 1924.

№ 1-2; 1925-1928 /Отв. ред. П.Васютин, затем И.Н.Яронин; Тех. ред. И.Новиков.

С 1925 г. - 30 п. - Чуть меньше А-3, 16 п. - 2500 экз.; в 1925 г. - 10 000 экз.

Журнал имел большую популярность как внутри страны, так и за рубежом. В 1925-1928 гг. обменивался на чехословацкий журнал дня заключенных "Новины".

133. Голос стен: Двухнед. газ. Орлов. изолятора с отд-нием ИТД. - 1925, № 1. Изд. до 1927. - Машинопись.

Силами заключенных и для заключенных издано 12 номеров.

134. Мысль заключенного: Двухнед. газ. заключенных Орлов. изолятора спецназначення с отд-нием ИТД /Отв. ред. И.Н.Пронин. - 1925, № 1. - А-3, 4 п. - 3000 экз.

135. Через труд - к свободе: Двухнед. стенгаз. Орлов. изолятора спецназначения /Отв. ред. Рудных; с 1927 г. (март) отв. ред. А.А.Свинолобов; Тех. ред. Г.С.Гинзбург. - 1926, № 1 (13), 3, 5, 6; 1927, № 2, 3, 7 (19); 1929, № 1. - А-2. - 150 экз.

7 ноября 1924 г. - номер на красной бумаге.

Оренбург

136. Мысль заключенного: Ежемес. журн. УВЧ Оренбург. ИД. - 1925, № 1. - Выходил в 1925-1926 [?] гг.

137. Эхо заключенного: Двухнед. газ. УВЧ и КП ОИТД (Оренбург) /Отв. ред. К.Булатов, с № 15 - Секретов, затем И.Зубковский, Меденцов. - 1928, № 1/7-12, 14; 1929, № 5-24. - А-3, 4 п. - 100-1400 экз.

Пермская область

138. За первенство: Бесплат. газ. ПВЧ Перм. ИТК № 5. [Изд. с 1931 г.]. - 1932, № 1-8; 1933, № 1-4; 1934, № 6-10, 12-26, 28-40. - А-3. - 500-600 экз.

С № 2 - Орган многотиражки ПВЧ Пермской ИТК № 5 /Отв. ред. Погорелкин, затем Волевой, Пиденко. С № 32 - орган Молотовской ИТК.

139. Калийная горка: Двухнед. журн.

Ист.: газ. "Штурм" Усольлага. 1932. № 2(56).

140. Пробуждение: Газ. Перм. ИТД. - 1926.

141. Завод № 172: Производ.-техн. журн. з-да № 172 им. Молотова. Орган заводоуправления и бюро ИТС. - 1931. [Предположительно для заключенных].

142. Путь к исправлению: Газ. ПВЧ Ворошилов. ИТК. - Березники, 1935.

143. Штурм: Бесплат. еженед. газ. Орган ПВЧ ссыльных с отработами и лишенных свободы Березниковской ИТР колонии /Отв.

ред. Поляков; С № 15

(7 ноября 1932 г.) отв. ред. А.А.Гейнеман, затем В.Чуканов. - 1932, № 1, 4; 1933, № 1-28; 1934, № 1-31. - А-3, затем А-2. - 2500 экз.

144. Штурм: Пятиднев. газ., орган. Ленвенского отд-ния ВИТЛ-ОГПУ, Чуртан, Усольлаг /Ред. Тютькин; Редкол.: Кулешова, Гриневич, Стоенович. - Изд.

с 1931-1932, № 2 (56), 13 (67). - А-3. - 6500 экз.

* * *

145. Голос заключенного: Газ. Пензен. губинспекции мест заключения. - 1924, № 1 (янв.) - 20 (март) /Отв. ред. Чернышев. - 2200 экз.; 1925-1926. - 16 тыс.

После перерыва [?] № 1 вышел 6 авг. 1929 г. как ежемес. газ, УВЧ Пензен. ОкрИТДа. - 1924, № 10, 20, 22, 38, 43, 50; 1925, № 57, 63, 67, 73, 82; 1926, № 1-3; 1927, № 3.

Заключенные издавали газету на свои средства для себя и для города. Считается одной из самых популярных газет для заключенных.

146. На шлях праці: Газ. Полтав. промколонии. - 1928-1933 [?].

147. Красный Октябрь: Ежемес. журн. Псков. ИТД. - 60-70 п. - 15 экз. - Беспл. - Шапирогр.

148. Наша газета: Еженед. газ. ИТД /Отв. ред. Стопаков. - 1924, май. - 22 экз. - Беспл. - Шапирогр.

Самара

149. В ногу с жизнью: Двухнед. газ. УВЧ Самар. изолятора спецназначения. Орган мест заключения Средне-Волж. обл. /Отв. ред. А.С.Хлопков. - 1929, № 2-5. - А-2, 6 п. - 500 экз.

150. Волжский изолятор: Ежемес. журн. заключенных Самар. изолятора спецназначення. Орган УВЧ. - 1925, № 1 (янв.). - 155 экз.

151. К новой жизни: Ежемес. газ. лишенных свободы в ИТучреждениях Средне-Волж. кр. /Изд.: 10 ИТучреждений; Отв. ред. К.В.Зуев. - А-3, 4 п. - 500-1000 экз.

Издавалась до 1934 г.

152. На смену кандалам: Ежемес. журн. заключенных Самар. изолятора спецназначения. - 1924, нояб. - 1000-1500 экз.

С № 9 - 100 экз. (по приказу Главлита). В 1925 г. еще издавался.

Ростов-на-дону

153. За трудовую жизнь: Газ. лишенных свободы Сев.-Кавказ. кр. - 1931, № 1-7; 1932, № 1 (8)-4, 7-9, 13 (20). [№ 1 датирован 4 сент. 1931 г. - 2-4 п. - 500-1000 экз. /Изд.: Краевая ИТколония, ДЗ, Времен. ИТУ и Ростов. отд-ние ИТР; Отв. ред. А.Колзунов (с 1932 г.)].

С № 5 - орган бюро ячейки ВКП(б), КУМЗа СКК.

154. К новой жизни: Журн. Ростов. ИТД.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева, 1929 (авг.).

155. К труду через культуру: Газ. Орган Сев.-Кавказ. кр. изолятора. 16 мая 1928 г. уже издавалась.

156. Организатор: Двухнед. газ. лишенных свободы и ИТР Азово-ерномор. КИТУ (Ростов-на-Дону) /Отв. ред. Литвинов; Редкол.: арухин, Чистов, Науменко, Спиров. - 1934, № 1. - 1/2 А-3, 4 п. - еспл.

Саратов

157. К новой жизни: Двухнед. газ. УВЧ Сарат. изолятора пецназначения /Отв. ред. М.А.Сенокосов-Яркин; Редкол.: .Я.Кочетов, Я.Ф.Пурыськин, О.Е.Андрианова и др. - 1927-1928 ?] - А-3. - 100 экз.

Выросла из стенгазеты "Голос заключеннсго".

158. К труду = Zur Arbeit: Газ. ГУИТУ при НКЮ АССРНП и КК УВЧ, нгельс (Саратов. обл.) /Отв. ред. В.Клинг. - 1931, № 1. - 400 экз. - ус. и нем.

* * *

159. Голос труда: Двухнед. газ. Сталинград. ИТД. [15 нояб. 1927 вышел № 20 (100).]

160. Заключенный: Ежемес. журн. Орган. Снмбир. губИТД / едкол.: Бочкарев, Соловьев. - 1924, № 2. - 550 экз.

161. Муравейник: Газ. Сталинград. ИД.

Ист.: документы фонда С.Алымова, РГАЛИ.

162. Наша жизнь: Двухнед. газ. УВЧ и КПК заключенных Смолен. золятора /Отв. ред. М.Павлов; с № 12 - М.Пилечевский, затем ишацский, Антониковский, Томко. - 1925, № 1; 1926, № 2-22; 1927, 23-31; 1928, № 32-35, 37; 1929, № 38-43. - [Формат неустойч.]. - 00-400 экз. [после 1928 г. - 100 экз.].

163. Эхо заключенных: Ежемес. лит.-публ., попул.-науч. журн. рган губИТД. Ставрополь-на-Кавказе. - 1923, № 1. - А-3, 20 п. - 000 экз.

Ташкент

164. Голос заключенного: Двухнед. газ. Орган ячейки КПУ, лужащих и заключенных Ташкент. ИД /Отв. ред. Реутский; Редкол.: изяев, Кондратович, Новиков, Воробьев, Ефремов. - 1924, № 1. - А-4 п. - 2000 экз.

165. За недра Средней Азии: Журн. ГНТО и Средазгеоразведки. КТП и ГПУ [Ташкент]. - 1932, № 1, 2; 1933, № 3; 1934, № 4-6; 1935, 7, 8; 1936, № 1-5.

Тула

166. ИТК на стройке: Газ. ПВЧ Бобриковской ИТК /Отв. ред. Д.Коненков. - 1933, № 1. - А-3, 4 п. - 500 экз.

[Распростр. ГРЭС им. Сталина.]

167. На стройке: Газ. ПВЧ Сталиногор. ИТК /Отв. ред. Максимов. - А-3, 2 п. - 600 экз.

[Распростр. ГРЭС, Новомосковск Тул. обл.] Над заголовком газеты: "Труд в СССР - дело чести, дело славы, дело доблести и геройства".

168. Наша газета: Еженед. обществ.-полит. и лит.-худож. газ. заключенных Тул. губместа заключения /Тех. ред. И.Васин; С 1 мая 1928 г. - ред. Б.А.Лапин. - 1924-1931 (май); 1927, № 16-23; 1928, № 25-29; 1929, № 1-11, 13 (43); 1930, № 14 (44)-16; 1931, № 3 (50)-4. - А-3, 4 п. - 200-500 экз.

Газета часто меняет оформление, номера разного цвета. С № 22 - период. орган лишенных свободы Тул. ИТД.

* * *

169. X годовщина: Внутр. бюл. Тобол. изолятора спецназначения. Посвящен X годовщине Октября /Редкол.: И.Воложанинов, В.Сияин, С.Курочкин, И.Юшков, В.Шибанов. - 1927 (нояб.). - А-3, 14 п.

Хабаровск

170. Думы за решеткой: Беспл. двухнед. журн. для заключенных Дальумзака (Хабаровск). Прекращен в 1924 (май). - Машинопись.

171. Узник: Газ. заключенных Дальумзака (Хабаровск, Забайкальский ДЛС). - 1924. [Прекращен в окт.]

Харьков

172. Голос заключенного: Ежемес. газ. КПЧ Харьков. окруж. ДОПРа № 2. - 1926, № 1-8 (117, 118); 1927, № 1 (119)-5 (123).

173. Будивельник: Газ. Харьков. стройколонии. - 1928-1933.

174. Искупление: Журн. заключенных.

Ист.: газ. "Новые Соловки". 1926. № 40 (92) (30 окт.).

175. На вирну путь: Газ. Харьков. промколонии. - 1928-1932 [?].

176. Путь исправления: Газ. КПЧ Харьков. окруж.ДОПРа № 2. - 1926.

177. Темпы ударника: Газ. Харьків. поправно-трудовоі промислової колонії та БПУ. - Харків: ХПК, 1932.

* * *

178. Вестник заключенных: Ежемес. журн. Хоперского окруж. ДЗ (Урюпино) /Редкол.: двое заключенных. - 1926. - 4 экз., рукоп.

179. Голос заключенного: Газ. Херсон. окружДОПРа № 20 /Отв. ред. Финкельштейн. - 1926, № 3, - А-3, 4 п. - 1000 экз.

В газете печатался поэт Семен Кирсанов.

180. На вірний шлях: Газ. Херсон. промколонии. - 1929.

181. Поликівец: Газ. Херсон. с.-х. колонии. - 1932.

182. Шлях до виправления: Газ. політосвітнього відділу Черкас. ЛПУ. - 1934. - 1 п.

183. Эхо: Журн. КП Ямпол. ДОПРа № 16 (УССР) /Отв. ред. Бушер. В марте 1927 г. еще издавался.]

Челябинск

184. Голос заключенного: Газ. УВЧ Челяб. ИД /Отв. ред. Погорский; Редкол.: Анохин, Ждановская, Логиновский. - 1926, № 8. - А-2, 2 п. - 30 экз.

185. За нового человека: Газ. Челяб. облуправления ИТУ. Магнитогорск. - 1934, № 7-8, 10, 14-16; 1935, № 1-2 (18).

186. Мысль заключенного: Газ. УВЧ Челяб. ИТД /Редкол.: Евсейчик, Кирилов. - 1929, № 19. - А-3, 4 п. - 200 экз.

187. На борьбу: Ежедекад. газ. лишенных свободы, отбывающих МСЗ в Челяб. ФЗ ИТК. Орган ПВЧ. - Изд. с 1933 г.; 1934, № 2. - 1/2 А-3, 2 п.

188. На штурм: Штурмовой бюл. газ. "Ударник" ОМСХ Челяб. ИТК. Орган ПВЧ. - 1933.

189. Новый путь: Журн. заключенных. - 1000-1250 экз.; с 1926 - 500 экз.

Ист.: переписка Ю.Ю.Бехтерева.

190. Воспитатель: Еженед. газ. ПВЧ 11-й Рыбин. ИТК (3-д им. Ягоды др. учреждения) /Отв. ред. А.Кашанин. - 1934, № 1, 3, 5, 6, 8-12, 14-16. - А-3, 2 п. - 300 экз.

191. Голос заключенного: Газ. заключенных Цивильска (Чувашия).

Ист.: документы фонда С.Алымова.

192. Еженедельник: Журн. Череповец. губИД /Отв. ред. Мосейков. 1923 (янв.), № 8. - 32-40 п. - 5-15 экз. - Рукоп., затем шапирогр.

С № 9 выходил под назв. "Красный луч". Издано два номера. Вып. прекращен в 1923 г.; возобновлен в 1924 г. под назв. "Заключенный" Отв. ред. К.Овсянников; Редкол.: Ваза, Зернов. - 34 п. - Литогр.

Ист.: Рец. в журн "За железной решеткой". Вятка, 1924. № 1.

193. Борьба за уголь: Газ. Черновской колонии. РСФСР. - 1932.

Ульяновск

194. Заключенный: Журн. Ульянов. губинспекции МЗ для заключенных и служащих юрид. учреждений /Отв. ред. Егоров; Редкол.: 25 заключенных. - 1924, № 1, 2. - 1,5 печ. л. - № 1 - 150 экз., № 2 - 550 экз.

195. Особая стройка: Газ. КВЧ Мелекесской ИТК НКВД,

"строительство хлебного городка общесоюзного значения" (Ульянов обл.) /Отв. ред. Д.Ширяев; с № 3 - И.Г.Гильфанов. - 1935, № 1-3 1936, № 1-5. - 1/2 А-3, 2 п.; С № 4 (57) - 4 п.

Ярославль

196. Воспитатель: Ежемес. газ. УВЧ Ярослав. изолятор спецназначения. - Изд. с 1925 г. [?]; 1926, № 2-13; 1927, № 1-6 1928, № 1, 3-11; 1929, № 1-5; 1930, № 1 (42).

197. Сигнал: Ежедекад. газ. ПВЧ Ярослав. ИТУ (Коровники) /Отв ред, Петров. - 1934, № 1-4. - А-3, 2 п. - 500 экз.

198. Через труд к свободе: Двухнед. газ. ПВЧ Ярослав. ИТУ /Отв ред. М.Алексеев; Ред. Лавров. - 1932 № 1-5; 1933, № 1-7. - А-3, 4 п. - 700 экз.

Приложение 2

БИБЛИОГРАФИЯ ПРЕССЫ ВЕЛИКИХ СТРОЕК КОММУНИЗМА

Белбалтлаг

1. За качество: Журн. КВО БелБалтлага ОГПУ, прилож. к газ. "Перековка" для инж.-техн. персонала ББВП". - 1932, № 1, 5. - Изд. до конца строительства. - Кн. формат, 16-18 п. - 6000 экз.

2. На штурм трассы: Лит.-худож. для лагерных поэтов и писателей. - 1934 [?]-1936, № 1 (18).

3. Перековка: Трехднев. газ. Услага. Орган КВО ББ ИТЛ ОГПУ. - 1930, 25 окт. - А-3, 4 п. - 15 500 - 30 000 экз.

С № 86 (201) 1952 г. выходит через день /Тех. ред. С.Я.Алымов; Редкол.: заключенные Ю.Казарновский, Г.К.Грузд, И.В.Качаровский, Н.Ф.Белявский, Н.П. Дмитриев. С № 96/97 от 22/24 окт. 1932 г. - А-2, 4 п.

1931, № 87 (97); 1932, № 40 (155), 86 (201), 101 (218).

4. Перековка на фронте строительства 1-го отделения: Газ. лаготд-ния. - 1932, № 102. - А-3, 2 п. - 2000 экз.

5. Перековка на фронте строительства 2-го отделения Телекино: Газ. лаготд-ния. - [1930-1931]. - 500 экз. [Сохранилось 25 номеров].

6. Перековка на фронте строительства 4-го Надвоицкого отделения: Газ. лаготд-ния, - 1932, № 107. - 1/2 А-3, 2 п. - 2000 экз.

7. Перековка на фронте строительства 6-го отделения: Газ. лаготд-чия. - 1932, № 22. - 1/2 А-3, 2 п. - 2000 экз.

8. Перековка на фронте строительства 8-го отделения: Ежеднев. газ. КВЧ и штаба "О". - 1932, № 100. - А-3, 2 п. - 1300 экз.

Цветная, красиво сверстана бригадой Архипова, возглавляющего 2-ю сквозную ударную бригаду типографии Белбалтлага.

9. Перековка: Отделен. газ. в Погре [?] /Ред. Маркович, [поэт] и единств. сотр. Тропин.

Ист.: воспоминания И.Солоневича.

10. Перековка на 3-м вселагерном слете ударников: Спецвып. - 1932. - А-3, 2 п.

11. Перековка на фронте строительства 7-го боеучастка: Ежедн. произв. бюл. 7-го боевого участка БелБалта ОГПУ. Орган КВЧ. - 1932, № 72.

12. Технический бюллетень "Перековка" - на 8 отд-нии /Ред. В.Раевский. - 500 экз. [Считался лучшим редактором на БелБалтлаге]

13. Штурмовик: Спецвып. производ. бюл. 2-го отд-ния

Белбалтлага, 1932, 15 мая. - А-3, 1 п.

Посвящен призыву: "За ударный труд". Цель ударника заработать деньги на эскадрилью БМС.

Канал Москва - Волга (Дмитлаг)

14. Боевые темпы: Производ. бюл. 5-го отд-ния Дмитлага. - 1933 № 1 (18 июня).

Ист.: Перековка. 1933. № 60.

15. Долой неграмотность!: Спецгаз. для малограмотных и неграмотных заключенных Дмитлага.

Ист.: Перековка. 1934. № 33 (126).

16. За культурный отдых: Журн. Дмитлага. [№ 2 датирован 20 июля 1933 г.].

Ист.: Перековка. 1933. № 41.

17. За нову людину: Газ. для заключенных. - 1934, № 1 (авг.). Укр.

Ист.: Перековка. 1933. № 67.

18. За ударную плотину: Газ. 2-й роты 12 отд-ния Дмитлага. 1934.

19. Каналоармейка: Газ. для женщин-заключенных. Орган КВЧ Дмитлага. - 1934, № 1 (апр.), № 2 (май).

Ист.: Перековка. 1934. № 29/122.

20. Каналоармеец: Пятиднев., газ. Южного р-на Дмитлага /Ред. воспитатель Гарипов. - Груз., тат.

Ист.: Перековка. 1931. № 33.

21. Листок действия: Прилож. к "Перековке". - 1933, № 38 (20 нояб.).

Ист.: Перековка. 1933. № 75/168.

22. Москва-Волга: Газ. парторга, постройкома и упр. строительства канала Москва - Волга. Орган Москаналстроя /Отв. ред. Н.Ершов, Ред. Е.М.Генкин. - 1932, № 1-2. - А-3, 4 п. - 2000 экз.

23. Москва - Волгострой: Двухднев. газ. парткома, постройкома, упр. строительством канала Москва - Волга и Дмитлага НКВД СССР /Отв. ред. М.Позднов. - 1936, № 44... 157; 1937, № 158...(436). - А-3, 4 п. - 3200-3400 экз.

Позднее М.М.Позднов много лет работал редактором газеты "Вечерняя Москва".

24. Москваволгострой: Техн.-экон. журн. строительства КМВ и отд-ния гидроНИТО. - 1934, № 1-6; 1935, № 1-12; 1936, № 1-7; 1937, № 1-6. - С № 4 - 2500 экз.

Эпиграф: '"Техника в период реконструкции решает все. И.Сталин".

25. Москваволгострой: Техн. бюл. по стахановскому движению на строительстве КМВ. Прилож. к журн. "Москваволгострой". - 1936, № 1 (март); 1936, № 2 (15 июня) /Отв. ред. Л.Коган. - 1 печ. л. - 3000 экз.

26. Москва-Волгаканал - журнал строительства: Техн. бюл. ИТД Дмитлага. - 1933-1934.

27. Перековка: Объедин. номер газ., издающихся в Дмитлаге, на разных языках. [Посвящен 7 нояб. 1934 г.]

28. Перековка на строительстве канала Москва - Волга: Пятиднев. газ. КВО Дмитлага ОГПУ. - 1932, № 1 (15 дек.).

С 1933 г. - трехднев. газ. КВО Дмитров. ИТЛ ОГПУ. - 1934. - [Ред. не указан]. - 30 000 экз.

29. Перековка тридцатипятника: Газ. для заключенных, осужденных по ст. 35 УК РСФСР. [Изд. в Дмитлаге в 1934 г.]

Ист.: Перековка. 1933. № 75 (168).

30. Пролетарий Волгостроя: Газ. для вольнонаемных на строительстве КМВ. - 1932, № 1-3; 1933, № 4-6.

31. Qanal zərbdarı = Ударник канала: Газ. на тат., узбек. яз. - Беспл. [Отдельные номера газеты выходили на тюркском и др. яз.]

Ист.: Перековка. 1934, № 27 (120).

Приложение 3

БИБЛИОГРАФИЯ ЛАГЕРНОЙ ПРЕССЫ (1935—1955 гг.)

Дальневосточный регион

Дальстрой

1. Большевик: Газ. п/о Юж. горно-пром. стр-ва /Отв. ред. Ю.И.Фролов. - Пос. Оротукан, 1941.

Изд. с. 1939 г.; 1941, № 34 (257).

2. Большевистский путь: Газ. п/о Чай-Урьин. горно-пром. стр-ва. - Пос. Нексикан, 1941-1946.

1941, № 10; 1944, № 1, 2-21, 23-28, 30-43, 45, 47-52, 54-56, 64-71, 76, 79-81, 84-89 (338); 1945, № 1-54, 56-128; 1946, № 54 (550)-95 (591).

3. Большевистский путь: Бюл. Чай-Урьин. горно-пром. стр-ва , Отв. ред. М.А.Фионин; с 1944 г. В.И.Резвов. - Пос. Нексикан, 1941.

4. Горняк Индигирки: Газ. п/о Индиг. горно-пром. стр-ва. - Пос. Усть-Нера, 1945.

5. Дорожник: Газ. п/о Дор. стр-ва Дальстройтреста. - Пос Адыгалах, 1944.

6. За металл: Газ. п/о Теньк. горно-пром. стр-ва. - Пос. Усть-Омчуг, 1941.

7. Металл - Родине: Газ. п/о Юго-Зап. горно-пром. сектора Дальстройтреста. - Пос. Сеймчан, 1944. - Изд.: 1944-1949.

8. Стахановец: Газ. п/о Зап. горно-пром. стр-ва. - Пос. Сусуман 1939.

9. Стахановец олова: Газ. п/о Якут. горно-пром. стр-ва. - Пос Эге-Хая, 1941. - Изд: 1940-1949; 1940, № 33-37.

Далее: Стахановец Заполярья.- 1949.

10. Чукотский горняк: Газ. п/о Чаун-Чукот. горно-пром. упр. , Отв. ред. М.А.Фионин. - Пос. Певек, 1944.

Изд. 2 р. в нед.с 1944 по 1950.

Дальстройпуть

11. Дальстроевец Приморья: Газ. Примор. п/о. - Пос. Находка 1949, № 1-4, 9-12.

12. За стахановские темпы: Газ. п/о. - Хабаровск, 1936.

13. Стахановец Заполярья: Еженед. газ. п/о Якут. горно-пром. стр ва Дальстроя НКВД СССР. - 1942. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

14. Строитель: Газ. п/о 1-го строит. участка. - Хабаровск, 1938.

15. Строитель: Газ. п/о 5-го строит. участка. - Хабаровск, 1938.

Колыма

16. Индигирский водник: Газ. п/о Колымо-Индиг. пароходства. - Хабаровск, пос. Дружина, 1941. - № 16 (30), 42-50 (64).

17. Колыма: Ежемес. науч.-техн., лит. журн. Глав. упр. стр-ва Дальнего Севера НКВД СССР /Отв. ред. А.А.Ерашов. -1939, № 6-8. - 40-60 п. - 5150 экз.

18. Пионер Колымы: Газ. политупр. Дальстройтреста. - Магадан, 1940.

19. Советская Колыма: Газ. Дальстроя для вольнонаемных. - Магадан, 1936-1954.

* * *

20. Вперед: Газ. п/о и упр. Владивостоклага НКВД СССР /Отв. ред. А.Григорьев, Яковенко, Горюнов. - 1940, № 3-7; 1941, № 2 (10)-5, 6 (14). - Изд.: 1940-1944[?]. - А-3, 4 п. - 1000 экз.

21. За бурый уголь: Газ. п/о Райчихлага НКВД СССР. - 1941.

22. За темпы: Газ. КВО УИТЛ /Отв. ред. Елисеев. - 4 р. в нед. - 1942. - А-3.

23. За темпы и качество: Газ. п/о и упр. Амур. стр-ва /Отв. С.Никонов,М.Хоперский. - 1938, № 44, 46-51, 53-89, 91-94; 1940, № 26-35; 1941, № 1-15(178). - А-3; 2-4 п. Изд.: 1938-1941.

Газета предназначена для вольнонаемных, но с запретительным грифом. На территории лагеря находился детдом, где содержалось 99 детей, чьи родители, пишет газета в № 81 за 1940 г., "погибли в годы революции".

24. Сталинская новостройка: Газ. п/о стр-ва Нижне-амур. ИТЛ. - 3 р. в нед. /Отв. ред. Н.К.Собакин. - Хабаровский кр., пос. Ванино. - 1940-1954. - А-3, 2 п.

Далее: с № 72 - Красный луч.

25. Сталинская стройка: Газ. п/о строительства № 508 /Отв. ред. Б.А.Климов. - г. Советская Гавань. - А-3, 2 п.

Далее с № 47 (96). - Во славу Родины /Отв. ред. А.А.Меркурьев. - Изд.: 1951-1954. - А-3, 2 п. - 8000 экз.

26. Сигнал стройки: Газ. п/о и упр. Бурейн. стр-ва.

Далее: с № 6 1940. - Сталинская новостройка: Газ. п/о Бурлага НКВД СССР /Отв. ред. С.Бородавкин, затем Костарев. - 4 р. в нед. - А-3, 2 п. - 800 экз.

С 1947 г. - Газ. п/о Амурстроя МВД СССР /Отв. ред. Бузин. - А-3, 4 п.

В 1944 г. обслуживала строительство № 500 (Комсомольск-на-Амуре).

Белорусская ССР

27. За образцовую дорогу: Газ. п/о Ушосдора НКВД БССР. Белдорстройтрест. - Минск, 1940 (29 янв.).

Волго-Вятский регион

28. За стахановский труд: Газ п/о Унженлага. - 1942. - № 1 (11 июля) [Выпущен выезд. ред. обл. газ.]. - А-3, 2 п.

С 1943 г. - Еженед. газ. п/о Унжен. ИТЛ /Отв. ред. Попов, с 1952 г. - В.Монахов. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

Далее: с № 39 (604) 1953 г. - Патриот Родины: Газ. п/о с грифом "Только для личного состава в пределах предприятия". Изд. до 1954 г.

Газ. предназначалась для вольнонаемных, но распространялась только в пределах Унженского ИТЛ Горьковской обл.

29. Лес - стране: Еженед. газ. п/о Вятлага НКВД СССР /Отв. ред. Серяков, А.Сумарокова, [с. 1952 г.] А.Я.Псарев. - А-3, 2 п. - 750 экз.

Далее: с № 30 (493), 4 окт. 1953 г., - Призыв: Газ. п/о ВОХР. - Изд. до конца 1954 г.

Восточно-Сибирский регион

30. Вперед: Газ. п/о Ангар. ИТЛ. - 1952-1955.

31. Забой: Еженед. газ. парткома и рудкома Союза угольщиков рудника Букачача Чит. обл. /Отв. ред. Г.К.Мартынов. - Изд. с 1934 г. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

С 1940 г. газ. п/о и упр. рудника Букачача /Отв. ред. В.Батьков, с 1941 г. - К.А.Прудин, с 1942 г. - Кузнецов, с 1943 по 1944 г. - К.А.Прудин. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

32. За магистраль: Газ. п/о Ангар. ИТЛ. - Изд. 1952-1955.

33. За металл: Газ. п/о Джидинлага НКВД СССР. - Изд. в 1944 г.

34. За металл: Газ. п/о Норильлага НКВД СССР /Отв. ред. Потоцкий, с 1947 г. Зубарев. - 1944. - А-3, 2 п.

35. За сталинские темпы: Газ. п/о стр-ва Китойского ИТЛ /Отв. ред. И.И.Абакумов. - Изд. с 1952 г. - А-3, 4 п. - 3 р. в нед.

Далее: с 1953 г. - За отличную службу: Еженед. газ. п/о подразделения /Отв. ред. М.Г.Розов. - Изд. до конца 1954 г. - А-3, 2 п.

36. Лес - стране: Еженед. газ. п/о Красноярсклага НКВД СССР / Отв. ред. с 1942 г. Голубев, с 1952 г. Н.Лосев.

Далее: с № 37 (507), 26 сент., 1953. - А-3, 2 п. - 750 экз. - Красное знамя: Газ. п/о лесозаготовок /Отв. ред. Г.Т.Брусникин. - Изд. до конца 1953 г. - А-3, 2 п.

37. Красное знамя: Газ. п/о Джидинлага НКВД СССР /Отв. ред. Мухина. - Изд. с 1942 г. (авг.).

38. На стройке: Газ. упр., парторганизации и доркома союза. - 3

р. в нед. /Отв. ред. С.Красовская. - 1936.

Далее: с 1947, № 40 (1444) - газ. упр.,парторганизации и доркомитета союза стр-ва № 97-2 МПС. - А-3, 4 п.

39. На стройке моста: Газ. п/о стр-ва Енисей. моста. - 1937.

40. Норильстроевец: Газ. п/о Сиблага НКВД СССР. - 1941-1944 [?].

41. Путь к коммунизму: Еженед. газ. п/о Енисейстроя /Отв. ред. С.А.Шолохов. - 1952-1953. - А-3, 2 п.

42. Сталинец: Двухдн. газ. п/о Норил. ИТЛ /Отв. ред. Г.К.Истомин. - 1939-1953. - А-3, 4 п.

43. Сталинец: Производ. бюл. Норил. ИТЛ /Отв. ред. Баранов. - 1/2 А-3, 1 п. - 1500 экз.

44. Сталинец: Трехдн. газ. п/о стр-ва № 505 МНР /Отв. ред. В.А.Рогов. - 1947-1953. - А-3, 4 п.

Закавказский регион

45. За металлургию: Газ. п/о Закавказ. металлургстроя НКВД СССР /Отв. ред. А.А.Муравьев, Г.И.Хуцишвили. - 1944-1945. - А-3, 2 п.

1944, № 1-2, 6, 8-19; 1945, № 1-8 (28).

Газета имела постоянную рубрику "На родине Сталина".

Западно-Сибирский регион

46. Алтайский строитель: Газ. п/о Алтайлага НКВД СССР. - 1944. - А-3, 2 п.

47. За большевистские темпы: Газ. п/о Омскстроя /Отв. ред. Дейтин. - 1952-1954. - А-3, 2 п.

48. За социалистическое животноводство: Двухдн. газ. п/о и упр. Сиблага /Отв. ред. В.Бояринов, П.Сизов; с 1943 г. - Малиновская, с 1952 г. - С.Поломарчук. - 1940, № 6-12, 14-29. - А-3, 2 п. - 500 экз.

С 1952 г. - газ. п/о Сибирского ИТЛ. - 1952-1954.

49. Сигнал: Газ. п/о Южно-Кузбас. ИТЛ. - Кемеров. обл., 1952-1953.

50. Сталинское знамя: Еженед. газ п/о ИТЛ стр-ва № 501 /Отв. ред. В.А.Бобылев. - Салехард, 1952-1954[?]. - А-3, 2 п.

Казахстан

51. За большой Джезказган: Еженед. газ. п/о Джезказганлага НКВД СССР. - Изд. до 1943 г. (апр.). - А-3, 2 п. - 1000 экз.

С 1943 г. - газ. п/о и упр. Гурьев. ИТЛ и стр-ва № 2 НКВД КазССР.

52. За социалистическое животноводство: Газ. п/с [illegible]лага /Отв. ред. П.Васюкевич, с 1944 г. - Артемьева. - 1940-1952.

С 1952 г. - газ. п/о Карагандинского ИТЛ /Отв. ред. В.Кожин. - Изд. до 1954 г. - А-3, 2 п.

53. За сталинский металл: Газ. п/о Актюбинлага НКВД СССР /

Отв. ред. Грейз. - 1944. - А-3, 2 п.

54. Стахановец Майкаина: Газ. п/о треста Майкаинзолото. - 1952-1953.

Поволжский регион

55. Вперед: Двухдн. газ. стр-ва № 108 НКПС. - Астраханьлаг, 1940. - А-3, 2 п. - 1750 экз.; с 1943 - 2500 экз.

56. Вперед: Газ. п/о Астраханьлага НКВД СССР. - 3 р. в нед. - 1943. - А-3, 2 п. - 1750 экз. - Каз. яз.

57. Гидростроитель: Газ. п/о и упр. стр-ва Кунеев. ИТЛ (Куйбышев. ГЭС) /Отв. ред. В.Кудаков, с 1953 г. - Г.И.Луппов. - Изд. с 1947 г. - А-3, 2 п.

С 1953 г. № 1 (313) - газ. парткомитета, упр. и райкома проф. Куйбышевгидростроя /Отв. ред. И.Р.Фролов.

Гриф "За пределы строительства не распространяется" снят.

Приложения к газ. за 1951-1952 гг.:

Бюл. рационализаторов и изобретателей стройки /Отв. ред. Д.Е.Железнов.

Гидростроитель на судоходных шлюзах /Отв. ред. Ю.Охотников - А-3, 2 п.

Гидростроитель на котловане ГЭС (в правобережных районах) / Отв. ред. Я.Кауфман. - 3 р. в нед. - 1/2 А-3, 2 п.

58. Железнодорожное строительство: Газ. п/о Гл. упр. по ж.-д. стр-ву НКВД на участке Сталинград-Саратов. - А-3, 2 п. - 2000 экз.

59. За автомагистраль: Газ. п/о стр-ва № 1 Гушосдора - 5 раз в мес. - 1938.

1942, № 13 (140), 21-23, 25-26, 35, 37 (164); 1944, № 1 (248), 14 (261).

С 1944 г. - еженед. газ. п/о, упр. и постройкома стр-ва № 1 для вольнонаемных /Отв. ред. И.Юдин. - А-3, 4 п.

Гриф "Газ. распространяется только на территории строительства".

60. За большие темпы: Газ. п/о стр-ва Цимлян. ГЭС и сооружений для орошения 1-й очереди в 100 тыс. га засушливых земель /Отв. ред. Н.Р.Фролов. - А-3, 4 п. Изд. в 1950-1952 гг. (?).

61. Сталинская магистраль: Газ. п/о Волжлага НКВД СССР. - Изд. до 1943 г.

С 1944 г. -газ. п/о Приволжлага на ж.-д. стр-ве линии Сталинград-Саратов /Отв. ред. Г.Я.Дзеговский. - А-3, 2 п. - 2000 экз.

62. Сталинская стройка: Газ. п/о Безымянлага НКВД СССР. - Изд. с 1940 г.

С 1942 г. - газ. упр. и политчасти стр-ва /Отв. ред. Барсаков, с 1942 г. Зотов.

63. Сталинская стройка: Газ. п/о УОС НКВД СССР /Отв. ред. Муравьев. - 1941. - А-3, 2 п. - 3000 экз.

64. Сталинская стройка: Газ. п/о Волгодонстроя МВД СССР. - 3 р. в нед. - 1949. - А-3, 4 п. - 3500 экз.

Производ. бюл.: Прилож. к газ. - 2 раза в нед. - А-3. - 3000 экз.

65. Строитель гидроузла: Газ. п/о стр-ва Куйбышев. гидроузла НКВД СССР /Отв. ред. И.С.Найденов. - Изд. с 1939 г. - А-3, 2 п. - 2000 экз.

1939, № 1-45, 47-51; 1940, № 1-55.

С № 28 гриф: "Газ. распространяется только на территории СКГУ".

66. Стройка коммунизма: Еженед. газ. п/о ИТЛ стр-ва Сталинградской ГЭС. - Изд. с 1951 г.

С 1953 г. - газ. п/о стр-ва Сталинград. ГЭС; с № 2 1953 г. - газ. Сталинградгидростроя /Отв. ред. П.Н.Бузин. - А-3, 2 п.

Север Европейской части

(Архангельская, Вологодская, Мурманская обл., Карельская АССР, Коми АССР)

67. За интинский уголь: Еженед. газ. Интастроя /Отв. ред. Яровицкая, с 1952 г. И.М.Корольков. - 1943-1954. - А-3, 2 п. - 800 экз.

68. За магистраль: Еженед. газ. Севдвинлага. - г. Вельск, Архангел. обл., 1941.

С 1943 г. - газ. Северодвинского ж.-д. стр-ва /Отв. ред. А. Малютина, Симонов. - А-3, 2 п., 700-2000 экз.

1948, № 44 (111); 1949, № 30 (145).

69. За новый канал: Газ. п/о и постройкома Вытегор. стр-ва ВБВП /Отв. ред. Я.Трухин, затем П.Рыжев. - Вытегорлаг, Вологод. обл., 1941. - А-3. - 1500 экз.

1941, № 1-3, 5-6.

Гриф: "Газета распространяется только среди строителей Б. Водного пути".

70. Заполярная кочегарка: Газ. п/о комбината Воркутуголь /Отв. ред. Апарин. - 5 р. в мес. [с 1945 - 12 р. в мес.]. - 1940. - А-3, 2 п. - 1500 экз.

С 1950 г. - газ. п/о Заполяр. угол. бас. /Отв. ред. Л.В.Метелев.

Гриф "За пределы предприятия распространению не подлежит" не убран.

С 1952 г. - газ. п/о Воркутинского ИТЛ.

Далее: с 1953 г., сент., Полярная звезда. Изд. до 1955 г.

71. За полярную магистраль: Газ. п/о Севпечорлага НКВД СССР / Отв. ред. Тарачешников. - Поселок Абезь, Коми АССР, 1941-1944.

С 1944 г. - газ. п/о Печорстроя /Отв. ред. В.И.Комаров, Я.Васильев.

С 1952 г. - еженед. газ. п/о Печор. ИТЛ /Отв. ред. А.С.Кромина. - А-3, 2 п.

Далее: За образцовую службу: Газ. п/о подраздел. - 1953. - А-3, 2 п. - 1800 экз.

1941, № 1, 3, 5-11, 13-16. Далее полностью до 1953 г.

72. За северо-печорскую магистраль: Газ. п/о Севжелдорлага / Отв. ред. Старцев. - 1939-1944. - А-3, 2 п. - 1800 экз.

С 1942 г. - газ. п/о упр. и постройкома Севжелдорлага НКВД СССР /Отв. ред. Кайдалов. - Изд. 6 р. в мес. - А-3, 2 п. - 1800 экз.

73. За советский никель: Трехдн. газ. п/о и завкома Никелькомбината /Отв. ред. Колебаев. - Мурман. обл., 1941. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

74. За ухтинскую нефть: Газ. п/о, упр. и профкома Ухтижемстроя НКВД СССР /Отв. ред. Г.В.Полько, с 1942 г. Гаврюшов. - Изд. 6 р. в нед. - 1939-1953. - А-3, 2 п. - 1500 экз.

С 1952 г. - Газ. п/о Ухто-Ижемского ИТЛ /Отв. ред. Я.Я.Новоселова, Д.М.Макаров. - А-3, 2-4 п.

Далее: с 1953 г. - Вперед: Орг. п/о подраздел. - 1953-1955.

75. Кировец: Газ. п/о комбината "Апатиты" (Белречлаг). - 1952-1953.

76. Красное знамя: Газ. п/о Каргопол. ИТЛ /Отв. ред. И.Докальский. - 1942-1954. - А-3, 2 п.

77. Лес - стройкам: Еженед. газ. п/о Устьвымлага НКВД СССР / Отв. ред. Ципин, с 1952 г. М.А.Капустин, с 1953 г. В.Д.Кудаков. - 1942-1953.

Далее: На посту: Газ. п/о подраздел. /Отв. ред. А.Климов. - 1953-1954. - А-3, 2 п. - 750 экз.

78. На сталинской стройке: Газ. п/о Вытеграгидростроя /Отв. ред. В.Пархаев. - 1952-1954. - А-3, 2 п.

79. Победа: Газ. п/о Минерал. ИТЛ Коми АССР /Отв. ред. Б.Ионов. - А-3, 2 п.

С 1954 г. гриф: "Для начальствующего, сержантского, рядового и вольнонаемного состава Минерального ИТЛ".

80. Северная магистраль: Двухдн. газ. п/о и упр. ж.-д. стр-ва НКВД X-XI титулов /Отв. ред. Г.Я.Дзеговский. - Беломорск, 1940. - А-3, 2 п. - 1500 экз.

1941, № 1 (84)-15 (98).

81. Сталинский путь: Газ. ПК и п/о Бел.-Балт. канала им. И.В.Сталина. - Пос. Повенец, 1934-1954.

Для вольнонаемных, но с запретительным грифом.

82. Сталинская стройка: Газ. п/о стр-ва № 101 /Отв. ред. Мосин. - Архангел. обл., 1940-1942. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

83. Сталинская стройка: Газ. п/о, ПС и упр. стр-вом № 203 /Отв. ред. И.С.Васильев, С.И.Климов. - 1939-1941. - А-3, 2 п. - 700 экз.

1939, № 1-15, 17-27, 39, 41, 43; 1941, № 1-15, 21-24 (206).

84. Сталинская стройка на ТЭЦ: Еженед. газ. п/о, постройкома и упр. стр-ва № 203 /Отв. ред. И.Васильев. -Архангел. обл., 1940. - 1/2 А-3.

1940, № 3, 5-7, 9.

85. Сталинская трасса: Газ. п/о, упр. Бел.-Балт. комбината НКВД и райкома Союза леса и сплава /Отв. ред. И.Гроссман, с 1940 г. М.Калинин. - Ст. Медвежья Гора Кировской ж.д., 1939-1946. - А-3, 4 п. - 2600-3100 экз.

Для вольнонаемных, но с запретительным грифом.

86. Бюллетень нефтепромысла № 1 им. т. Ягоды /Отв. ред. В.Е.Назаренко, И.М.Королев. - 1934-1937. - 400 экз.

87. Бюллетень участка Сынья-Нырд. - 1934-1937 (?).

88. Бюллетень Сыктывкарского отделения Усть-Вымского лагеря ОГПУ. - 1931.

89. Вышка: Двухдн. газ. КВЧ нефтепромысла № 1 им. т. Ягоды / Отв. ред. А.И.Мизун, В.Е.Назаренко, В.В.Андрианов, К.М.Король, П.А.Дымов. - г. Чибью, 1933-1938. - А-3, 4 п. - 300-500 экз.

90. За нефть: Еженед. газ. КВЧ промысла № 3 им. Т.Я.Морозова Упитлага НКВД СССР /Отв. ред. Ф.А.Топорков. - 1935. - А-3, 2 п. - 500 экз.

91. За новый Север: Газ. для вольнонаемных, орг. Коми обкома, Сыктывкар. исполкома Коми АССР. -[1936].

92. За рулем: Газ. п/о центральной авторемонтной мастерской.

93. На вахте: Десятидн. газ. КВЧ промысла № 2 им. ОГПУ (Водный) /Отв. ред. А.Г.Бочаров. - 1934-1936. - А-3. - 600 экз.

94. Недра Советского Севера: Науч. журн. Издан всего один номер в 1937 г.

Ист.: газ. "Вышка".

95. Полярный шахтер: Газ. КВЧ 1-го отд-ния Ухтпечлага НКВД (Воркута, Чита, Печора). - 1937. - А-3, 2 п. - 1200 экз.

В газете под псевдонимами "О.В", "Иван Крохаль" сотрудничал осужденный украинский писатель Остап Вишня.

96. Северный горняк: Газ. КВЧ Ухтпечлага ОГПУ /Отв. ред. Д.А.Дымов. - г. Чибью, 1930-1937, - А-3, 2 п. - 1200-3000 экз.

Издавалась на правах общелагерной газеты Ухтпечлага.

97. Темп: Газ. культактива нацменпромысла (татар, азербайджан, казахов). - Изд. с 1934 г.

98. Тракт: Газ. 5-го отд-ния Ухтпечлага НКВД.

99. Шаги и новь: Газ. трудколонны гужтранспорта. - Изд. с 1934 г.

Всего в Ухтпечлаге издавалось 73 газеты и стенгазеты. Все были закрыты в 1937 г.

Северо-запад Европейской части

(Ленинградская. Новгородская, Псковская обл.)

100. Автомагистраль: Газ. ПВЧ Ушосдора УНКВД Ленинград. обл., Лендорстройтреста, Гушосдора НКВД СССР и ЛОК Союза шосгидротехстроя. - 1939-1941.

101. За образцовую дорогу: Газ. "Крестьянской правды" и Ушосдора УНКВД Ленинград. обл. - 1936.

102. На стройке: Газ. п/о и упр. стр-ва № 200 и Лужлага НКВД СССР /Отв. ред. Ф.Филиппов. - 1939-1941. - А-3, 4 п.

Северный Кавказ

103. Заря коммунизма: Трехдн. газ. п/о Цимлянской ГЭС /Отв. ред. И.Фролов. - 1948-1953. - А-3, 4 п.

Среднеазиатский регион

104. За уголь: Газ. п/о и упр. стр-ва Б.м. /Отв. ред. Я.Дзеговский. Уголь для Ташкента добывался на этом строительстве.

105. По сталинскому пути: Газ. п/о ИТЛ стр-ва Туркмен. канала / Отв. ред. В.И.Павлов. - 1951-1953. - А-3, 2 п.

106. Сталинская стройка: Газ. п/о стр-ва № 108 /Отв. ред. Комаров. - Кировобад, 1944.

Уральский регион

107. Большевик: Трехдн. газ. п/о Кузбас. ИТЛ /Отв. ред. А.Сумарокова. - 1947-1953. - А-3, 2 п.

Далее: Лес - стране. - Изд. до 1953 г.; Выходные данные прежние. С 1953 г., сент., Сигнал: Газ. п/о подразделения. - Изд. до 1954, дек.

108. Большевик леса: Газ. п/о и упр. Востураллага НКВД СССР / Отв. ред. М.Струина. - А-3, 2 п. - 1500 экз.

Далее: с 1944 г. - Уральский лесоруб: Газ. п/о и упр. лагеря НКВД.

Издается с грифом: "Газета распространяется только среди вольнонаемного коллектива лагеря".

С 1949 г. - газ. п/о лесозагот. предприятия /Отв. ред. Н.А.Куприянов, с 1952 г. Б.Е.Столпнер.

Далее: с 1953 г. - На трудовой вахте: Газ. п/о подразделения. - Изд. до дек. 1954 г.

Гриф: "Из подразделения не выносить".

109. Борьба за лес: Еженед. газ. п/о и упр. Усольлага /Отв. ред. И.С.Мальцев, с 1941 г. М.И.Румянцев, с 1943 г. Шмейлин. - Соликамск. 1941-1952. - А-3, 2 п. - 1800 экз.

1941, № 5 (165), 7-13 (174); 1942, № 1 (210), 4, 5-12.

Далее: с 1952 г. - За мирный труд: Газ. п/о предприятия /Отв. ред. Н.Шинкарюк, с 1954 г. Б.Климов. - 1940-1954.

Гриф: "Газ. распространяется только среди вольнонаемных сотрудников на территории Усольлага".

110. Гидроэнергию - Уралу: Еженед. газ. п/о и упр. Понышской ГЭС /Отв. ред. А.Сумарокова. - 1943. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

111. За большевистские темпы: Еженед. газ. п/о и упр. ИТЛК УМВД по Молотов. обл. /Отв. ред. А.Г.Костарев, с 1944 г. П.В.Койнов. - 1945-1947. - А-3, 4 п. - 600 экз.

Гриф: "Газ. распространяется только среди вольнонаемного состава и ВСО подразделений".

112. За сталинский металл: Газ. Челябметстроя /Отв. ред. Бобылев. - Изд. 2 р. в нед. - 1944. - А-3, 2 п.

113. За темпы: Газ. п/о Севураллага /Отв. ред. П.В.Койнов, А.Комраков - 1951-1954 (дек.). - А-3, 2 п.

С 1952 г. - газ. Северо-Уральского ИТЛ /Отв. ред. Е.Михайлова.

Далее с 1953 г. (сент.) - Звезда: Газ. п/о предприятия.

Гриф: "За пределы предприятия распространению не подлежит".

114. Красное знамя: Еженед. газ. Севкузбасс ИТЛ /Отв. ред. А.Пономарев. - 1950-1954 (дек). - А-3, 2 п.

115. Лесозаготовитель: Газ. п/о и упр. Севураллага НКВД СССР / Отв. ред. П.В.Койнов.

1940, № 1-31, 33-41, 43-57; 1941, № 1-11, 13-15 (84). - А-3, 2 п.

В 1940 г. гриф: "Газ. распространяется только среди вольнонаемного коллектива Севураллага".

116. Лесоруб: Еженед. газ. Ныробского ИТЛ /Отв. ред. А.Высоковский. - 1947-1954. - А-3, 2 п.

Далее: с 1953 г. (авг.) - Труд /Отв. ред. Л.Охотников.

117. Лес - стране: Газ. п/о Ивдельлага /Отв. ред. Лясковская - 1940-1954. - А-3, 2 п.

С 1952 г. - газ. п/о Ивдельского ИТЛ /Отв. ред. А.Сумарокова, с. 1953 г. - И.А.Васильев.

Далее с 1953: За трудовую доблесть.

118. Сталинская новостройка: Газ. п/о Богослов. стр-ва и лагеря НКВД.

Далее: с 1944 г.- Сталинская стройка: Газ. п/о Базстроя /Отв. ред. Авербах. - 1942-1944. - А-3, 2 п.

119. Сталинская новостройка: Газ. УИТЛК МВД Башк. АССР /Отв. ред. Г.К.Базекин. - Изд. 3 р. в нед. - 1952-1954. - А-3, 2 п.

Далее: с 1953 г. - Советский патриот.

Гриф: "Газету хранить в подшивке".

120. Сталинская стройка: Еженед. газ.Широковухстроя, с 1943 г. - Широковлага НКВД СССР /Отв. ред. Комаров, с 1944 г. В.Д.Пархаев. - 1942-1944. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

121. Сталинская стройка: Газ. п/о стр-ва № 101 /Отв. ред. Мосин. - 1942-1944. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

122. Сталинская стройка: Газ. п/о Тагилстроя /Отв. ред. А.Муравьев. - 1941-1944. - А-3, 2 п.

123. Сталинский путь: Еженед. газ. Кизеловского ИТЛ /Отв. ред. С.Кузьмин. - 1952-1954. - А-3, 2 п.

Далее: с 1953 г. (сент.). - За доблестный труд.

124. Строительство дорог: Ежемес. журн. Гушосдора НКВД СССР /Отв. ред. Кудрявцев. - Свердловск, 1942 [?]. - 4 п.л. - 6000 экз.

Центральный регион

125. Большая Волга: Газ. п/о и упр. Волгостроя НКВД СССР /Ред. В.Бобылев, с 1948 г. Г.Истомин. - Переборы, Ярослав. обл., 1938 (июнь) - 1948. - А-3, 4 п. - 3000 экз.

С 1939 г. гриф: "Подлежит распространению только среди строителей Волгостроя".

С 1948 г. гриф: "Подлежит распространению только среди работников подразделения и мехзавода".

126. За автомагистраль: Еженед. газ. ПП и упр. стр-ва и постройкома автомагистрали Москва-Минск и Вяземлага НКВД СССР /Отв. ред. Петров. - Смолен. обл., 1939-1941. - А-3, 4 п. - 350-900 экз.

127. Железнодорожный строитель: Газ. п/о стр-ва № 7 НКПС (г.Москва) /Отв. ред. Сыркин, Л.Мартиросян, с 1943 г. Ю.Г.Немлихер. - Москва, 1942 [?] - 1944. - Изд. 2 р. в нед. - А-3, 4 п. - 4500-3500 экз.

Газеты для военнопленных на иностранных языках

128. Nachrichten fur die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. /Известия для немецких военнопленных в Советском Союзе/. На немец. яз. 1946-1949.

129. Игаз - Со /Отв. ред. А.О.Келемен. - Венг.

130. Грайтул/либер. - Рум.

131. Миттайлунген. - Нем.

132. Никон симбун. - Япон.

Газеты с неустановленным местом издания

133. Духовный кейшер[1].- [Предполож. 1924-1925].

Ист.: Журналист. - 1925. - № 12. - С. 64.

134. За сталинские темпы: Газ. п/о комбината № 16 МВД СССР. - 3 р. в нед. - Изд. с 1949 г. - А-3, 4 п. - 3500 экз.

135. На цинке[2]. - [Предполож. 1924-1925].

Ист.: Журналист. - 1925. - № 12. - С. 64.

136. Поверка. - [Предполож. 1924-1925].

Ист.: Журналист. - 1925. - № 12. - С. 64.

137. Сталинский путь: Газ. п/о предприятия /Отв. ред. Д.М.Макаров. - 1948, № 1-4, 6-7. - А-3, 2 п.

Гриф: "За пределы предприятия не распространяется".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пища - жаргон.

[2] На посту - жаргон.

Приложение 4

БИБЛИОГРАФИЯ ПРЕССЫ ДЕТСКИХ ЛАГЕРЕЙ ОГПУ, НКВД, ГУЛАГА

1. Беспризорник: Одноднев. журн. Деткомиссии при ЦИК ТаССР. - Казань. - А-3, 18 п. - 25 тыс. экз.

2. Болшевец: Еженед. газ. ПК, ФЗК и комитета ВЛКСМ Болшев. труд. коммуны НКВД СССР. - 1937.

[Более 2 тыс. воспитанников].

3. Горьковская коммуна - Der auslandische Udarnik Bulletin. - 1934.

4. Горьковская коммуна на трассе Горький-Арзамас-Кулебаки. - Горький, 1941.

5. Дзержинец: Газ. ПК, ЗК, комитета ЛКСМ и Совета командиров труд. коммуны НКВД УССР им. Ф.Э.Дзержинского. - 1931-1941.

1936, № 1-9, 11-28, 43-44, 46-47, 49 (215), "Молния"; 1939, отд. номера - спецвып. для избирателей; 1937, № 51 (217)-52, 54, 57-59 (225); 1938, № 60 (226)-62 (232); 1940, № 16, 32, 34, 53, 56, 59, несколько спецвып.; 1941, № 1 (422), 3-17, 19-35 (456).

Коммуна организована в 1927 г. под Харьковом. Восемь лет ею руководил А.С.Макаренко. Воспитанники в мастерских производили электросверла, знаменитые фотоаппараты "ФЭД" и др. продукцию.

6. Дзержинец: Газ. ПК, ФЗК и комитета ВЛКСМ Люберец. труд. колонии им. Ф.Э.Дзержинского. - 1935-1941.

1937, № 1 (177), 3, 25, 25а, 26-63, 66-83 (260); 1938, № 1 (261), 7, 8, 22, 29, 31-34, 43-44, 81 (165); 1939, № 120 (204), 1-7, 9-13, 15-44, 46-55, 67-66, 68-73, 75-102 (306); 1940, № 1 (307)-18, 20-22, 24-26, 28-33, 35-39, 42, 45-46, 49-65, 67-69, 71, 74, 76-100 (406); 1941, № 1 (407)-14.

7. За коммунистическое воспитание: Газ. ПК и упр. труд. колонии НКВД СССР г. Пензы. - 1938, № 1. - 300 экз.

Колония создана в 1935 г. в помещении старой каторжной тюрьмы. Имела свой завод, школу-семилетку. Содержалось более тысячи воспитанников. Единственный сохранившийся номер открывается стихами ученика 2-го класса "Спасибо великому Сталину...".

8. За коммуну: Ежемес. производ.-быт. журн. 1-й труд. коммуны ОГПУ /Отв. ред. чл. коммуны И.Михайлов; Редкол.: Автономов, Каминский, Киров, Панин. Попов и др. - Болшево, Моск. обл., 1930-1937. - Кн. формат, 52 п. - 1000 экз.

1930, № 1 [Сохранился не полностью: 12 п. иллюс. без текста]; 1931, № 4-5, 7; 1937, № 7.

Коммуна организована летом 1924 г., к 1930 г. в ней было уже

более 4 тыс. воспитанников. В № 7 за 1937 г. сообщается, что в 1935 г. коммуна выпустила продукции на 27, 5 млн. рублей. И.Авербах, жена Г.Ягоды, написала о коммуне восторженную книгу. Позже коммуна была разгромлена, ее организатор М.Погребинский репрессирован.

9. За молодежную коммуну: Газ. УВУ инспекции ТМК ОГПУ. - Томск, 1933.

10. За новую жизнь: Газ. Верхотурской труд. колонии для несовершеннолетних УНКВД по Свердлов. сбл. /Отв. ред. Е.Павлова. - 1934-1937. - А-3, 10 п.

1937, № 13.

Большая часть газетной площади отведена под портреты И.Сталина, местных чекистов. Публикуются фотографии подростков-правонарушителей, стоящих у рояля или с музыкальными инструментами в руках.

11. За новую жизнь: Газ. ПК, ПО и упр. Могилев. труд. колонии НКВД БССР /Отв. ред. И.А.Дубровский - Спецвып. 1938, 7 нояб. - А-3, 4 п. - 500 экз.

12. За новую жизнь: Шестидн. газ. Осташковского РК ВКП(б) и бюро коллектива труд. колонии УНКВД Калинин. обл.

С № 3 - Газ. Осташков. труд. колонии УНКВД /Отв. ред. Базенин; с № 6 - И.И.Степанов. - 1936, № 1, 3-11; 1937, № 2. - А-3, 2 п.

Газета пишет о том, что подростки разделены на членов и кандидатов в члены колонии. Член колонии тот, кто выполняет производственные задания, примерен в быту и занимается общественной работой, остальные - кандидаты. В колонии - самоохрана. Во всех сохранившихся номерах - кампания за подписку на заем.

13. За перевоспитание: Газ. п/о, ПК и КВЧ 3-й Ленинград. школы ФЗУ НКВД СССР /Отв. ред. В.И.Филиппов. - Тихвин, 1934, № 1-2; 1935, № 1 (3). - А-3, 2 п. - 500 экз.

14. За перевоспитание: Газ. Покров. труд. колонии НКВД СССР / Отв. ред. Я.Сергеев. - Орехово-Зуево, 1940, № 3. - А-3, 2-4 п. - 1200 экз.

В колонии свыше 700 девочек.

15. За темпы и качество: Газ. правонарушителей Свердлов. фаб.-труд. колонии. - 1932.

Ист.: Кербер Б. Как Советская Россия борется с преступностью. М., 1933. С. 114.

16. К новой жизни: Двухнед. газ. труд. коммуны НКВД.

С 1928 г. орган фабрики-коммуны № 3 /Отв. ред. А.Филиппов.

Номеров не сохранилось. Возможно, то же, что п.17.

17. К новой жизни: Юб. журн. фабрики-коммуны № 3 НКТ СССР /Отв. ред. А.Курнатов. - Орел, 1929. - Кн. формат, 32 п. - 1300 экз.

Детская колония на 1500 воспитанников открылась в апреле 1928 г. в бывшем монастыре. Работали на производстве с 7 до 15.30 ч.

18. Коммунар: Шестидн. газ. труд. коммуны им. Г.Ягоды и Люберец. труд. коммуны им Ф.Э.Дзержинского /Отв. ред. А.М. Шанин.

- 1932-1936(?) - А-2, 2-4 п.

1936, № 51 (156).

19. К труду: Газ. правонарушителей Украины. - Харьков, 1932.

Ист.: Кербер Е. Как Советская Россия борется с преступностью. С. 112.

20. Ленинские внучата: Пятидн. газ. пионеров и школ. Свирьстроя /Отв. ред. В.Грудикин. - 1932-1936(?). - А-3, 2 п. - 500 экз.

Газета для детей вольнонаемных. С запретительным грифом. Ведущая тема - "помощь родителям в труде" путем контроля. Газета проводила кампанию по сбору денег на пионерский самолет, клеймились позором те родители, которые дали на это мало денег. Газета печатала стихи С.Кирсанова.

21. Летняя школа: Журн. дет. труд. школы-колонии "Красные зори". - Ленинград, 1920.

Одна из 26 школ-колоний, организованных в 1920 г. в Ленинграде. "Красные зори", располагались в бывшем Михайловском дворце. Колония была весьма показательной, ее посещали иностранцы, в том числе леди Астор.

Ист.: Ионин И. Школа-колония "Красные зори". Ленинград, 1933. С. 5.

22. На верном пути: Журн. труд. коммуны ОГПУ по Уралу /Редкол.: Вачурин, Дианова, Пермяков, Погодин. - 1931, № 1. - 1/2 А-3, 20 п. - 800 экз.

Коммуна организована в 1930 г. 177 мальчиков и 53 девочки. Заработанные средства складывались в общий котел. На мелкие расходы получали боны. Этот опыт ГУЛаг повторит и в других коммунах. К 1932 г. в коммуне насчитывалось 800 детей, которых принимали с воли и из тюрем.

23. На новый путь: Газ. п/о, ПВЧ и воспитанников 2-й школы ФЗУ НКЮ СССР /Отв. ред. Барский, затем Воеводов. - Изд. с 1934 г. - 2 п. - 500 экз. - Машинопись.

1934, № 5, 5а, 6.

Газета сообщает, что "все 100 воспитанников работают на местной бирже по механической распиловке леса", получают в день 500-800 гр. хлеба, 100 гр. крупы, 4 гр. масла и от 2 до 3 руб. Работа с 7 до 12 и с 14 до 17 ч. "Массовая" работа с 19 до 21 ч., отбой в 22 ч.

24. На новом пути: Газ. ПК, упр. и профкома воспитанников труд. колонии НКВД СССР /Отв. ред. И.К.Остер. - Витебск, 1939, № 1, 4; 1940, № 3, 4. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

25. На новом пути: Еженед. газ. ПК ВКП(б), фабзавкома и упр. Кунгур. труд. колонии /Отв. ред. А.Ф.Дюкарев, затем А.С.Афанасьев, с 1938 - Ф.Бачурин, с 1939 - Ф.Булков. - Пермская обл., 1937-1941. - А-3, 2п. - 500 экз.

1941, № 1-17, 37, 45-47, 49-50.

26. Новая жизнь: Декад. газ. первич. парторг. и упр. Александров. труд. колонии НКВД СССР по ВСК /Отв. ред. М.Абросимов. - с. Александровское, Киров. р-на. - 1936-1937. - А-3, 2 п. - 900 экз.

1936, № 2-6, 8-18; 1937, № 1 (19)-7, 9-13 (31).

27. Перековка: Газ. Витеб. труд. колонии НКВД /Отв. ред. З.И.Кауфман. - Изд. с 1935 г. - А-3, 2 п. - 1000 экз.

С 1936 г. назв. "На новом пути" (см. п. 24).

1935, № 1; 1936, № 1-2.

В № 1 за 1935 г. газета пишет: "Трудовая колония находится на пути роста в настоящую кузницу большевистских кадров". Много стихов, посвященных наркому ВД БССР Леплевскому.

28. Перековка: Газ. ПВЧ 1-й Ленингр. шк. ФЗУ системы НКЮ / Отв. ред. Воеводов. - 4 п. - 500 экз. - Машинопись.

В 1934-1936 гг. название газет "Перековка" было заменено. Да и само слово почти исчезло из газетной лексики.

29. Перелом: Газ. воспитанников труд. колонии на о.Соловки. - 1929-1930. - А-2, 2-4 п. - 3000 экз.

В колонии 157 воспитанников. 75% из них - "соцвредные", попавшие в СЛаг (Соловецкий лагерь) "по изоляции" (ст. 35 и 162 УК). Работа до 12 ч. дня, затем учеба и политвоспитание. Часть детей переведена в Болшевскую коммуну.

1929, № 1, 2, 3; 1930, № 1.

30. Путь к исправлению: Газ. КВЧ Ворошилов. исправ.-труд. колонии /Отв. ред. А.И.Заводчиков; Тех. ред. М.К.Сальникович. - Березники; Изд. с 1934 г. - А-3, 2-4 п. - 500 экз.

1935, № 1 (81)-2.

Воспитанники работали на строительстве химического комбината. Газета сообщает, что в 1935 г. трудовая колония г.Кунгура дала продукции на 4 млн. 827 тыс. руб.

31. Творчество заключенного -Творчасьць зьняволенага: Газ. УВЧ МУНДа; ворган Вучебна с выхаваучае частк Менскага спраўдому. - 1927-1931. - А-2, 2-4 п. - 200 экз. - Рус., белорус.

1927, № 2 (7)-4; 1928, № 1 (11)-2, 3-5; 1929, № 6-7; 1931, № 1, 3, 4.

Газета сообщает, что в тюрьме содержится 25 малолеток, детей крестьян. Утром они работают 4 часа, затем учатся в школе, вечером - в камеры.

32. Штурмовка: Пятидн. вып. газеты "На новом пути": Орган треугольника и бюро актива Кунгур. труд. колонии по Свердлов. обл.

Приложение 5

БИБЛИОГРАФИЯ РУКОВОДЯЩИХ ИЗДАНИЙ ОГПУ, НКВД

Автор не претендует на исчерпывающий список изданий ОГПУ, НКВД. Более или менее полной считаем библиографию той периодики, которая издавалась до 20-х гг. Предполагаем, что издания, подобные "Вестнику НКВД" или "Бюллетеню НКВД", выходили во всех регионах. Мы указали только те, что встретились нам непосредственно, либо упомянуты в переписке Главлита, либо в других надежных источниках. С 1917 г. указанные журналы занимались проблемами внутренних дел — стремились опубликовать все документы центральной власти, начиная с декретов и введения трудовых книжек для всех граждан республики и кончая циркулярами по частным вопросам. Затем функции НКВД изменились, и печать ее стала издаваться для узкого круга лиц.

Большая часть журналов НКВД первых лет Советской власти открыта для исследователей. Издания более поздних лет — все еще в спецхранах и секретных фондах архивов. Самое засекреченное издание — Бюллетень НКВД "Детские колонии". Адресованный узкой аудитории, он, как и вся репрессивная журналистика, активно пропагандирует штампы социализма в адрес подрастающего поколения, четко соблюдается преемственность в использовании "рецептов перековки", придуманных еще ОГПУ. Это слащавые рассказы о юных рецидивистах, которые перевоспитались, включившись в социалистическое соревнование. Здесь печатаются зарисовки о том, как дети собирают на зиму "дикоросы", чтоб не остаться без витаминов, как увлеченно слушают "беседчиков". С большим пиететом разъясняется специальное постановление (1944) о развитии художественной самодеятельности в лагерях.

В списке указаны некоторые журналы НКЮ. Думается, что издания по линии Наркомюста тоже выходили во всех районах страны, но не все из них удалось отыскать. Поэтому в список включены издания, имеющие регулярный характер (обзоры, статистические выпуски). Эта литература пока в спецхранах, но уже на пути к читателю.

1. Административный вестник: Журн. НКВД СССР. - Москва, 1922-1930.

1922, № 1; 1923, № 2/3-7; 1924, № 1-11; 1925-1929, № 1-12; 1930, № 1-9.

2. Бюллетень Ачинского бюро юстиции. - Красноярск, 1921.

3. Бюллетень Башкирского НКВД: Двухнед. журн. /Отв. ред. нарком ВД Башкирии Худайбердин - На рус. и башк. яз. - Казань, 1924-1926. - А-3, 10 п. - 400 экз. - Рус., башк. яз. - Беспл.

1924, № 1-2, 9-10; 1925, № 1-2, 9-10; 1926, № 1 (26)-7, 9, 10-11.

В 1927 г. НКВД перестал быть издателем.

4. Бюллетень Днепропетровской прокуратуры. - Изд. в 1938-1939(?) гг.

Гриф "Только для работников прокуратуры".

5. Бюллетень НКВД "Детские колонии" /Отв. ред. А.Д.Сергеева; Редкол.: А.Уманский, Б.Куршин, В.Комаровский, Г.Синельников. - 1945-1948, № 1-14. - Кн. формат, 40-50 п. - 800 экз.

Гриф "Для служебного пользования".

6. Бюллетень НКВД: Двухнед., затем еженед. журн, НКВД /Отв. ред. управ. делами НКВД С.Новацкий, затем Д.А.Магеровский, П.Н.Александров, С.П.Белько. - Изд. в 1921-1930 гг. - А-3, 4-6 п. - 3000-10 000 экз.

Печатался в типографии Главного управления принудительных работ при Ивановском лагере. В бюллетене публиковались циркуляры и распоряжения НКВД, важнейшие постановления и декреты центральной власти и отдельных наркоматов. Дан алф.-предм. указатель к "Бюллетеню" за 1921-1927 гг.

7. Бюллетень прокуратуры Дальневосточного края. - Хабаровск, 1937, № 1.

Гриф "Не подлежит оглашению".

8. Бюллетень Пермской окружной чрезвычайной комиссии. - 1918, № 2.

Ист.: Ежедневнык чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 30.

9. Бюллетень Сыктывкарского отделения Устьвымлага ОГПУ. - Коми АССР, 1931.

10. Бюллетень управления исправительно-трудовыми Учреждениями Уральской области и облсуда. - Свердловск, 1932, № 1-6, 8-9.

11. Вестник НКВД. - Москва, 1917-1922 (?).

12. Вестник отдела местного управления комиссариата ВД: Еженед. журн. НКВД. - 1917-1918 (№ 1-16). - А-3, 16 п.

Меняет назв. "Вестник комиссариата ВД"; с 1918/19 г. - Вестник народного комиссариата внутренних дел /Отв. ред. Д.Лебедь. - А-3, 16-18 п.

1917, № 1-5; 1917/1918, № 6-17; 19-24; 1918, № 25-29.

13. Вестник советской юстиции. - Харьков, 1923, № 9, 10; 1925, № 11; 1927, № 2.

14. Вестник юстиции Узбекистана. - Ташкент, 1925.

15. В ногу с жизнью: Двухнед. газ. мест заключения Средне-Волжской обл. при Административном отделе СВО. - Самара, 1929.

16. Власть Советов: Двухнед. журн. НКВД РСФСР /Отв. ред. замнаркома ВД М.Владимирский, затем С.К.Минин. - Петроград, 1917. - А-3, 40-46 п.

После 1920 г. журнал издает ВЦИК.

17. Геть Злочинність!: Газ. часопис Харьков. ИТД. - Укр.

Вторая половина газеты под заг. "Долой преступность!": Ежемес. газ. упр. ИТУ УССР /Редкол.: Рожанский, Ткачуков. - Изд. в 1925-1927(?) гг. - Рус.

18. Допровский работник: Ежемес. прилож. к газ. "Долой преступность!" Упр. ИТУ. - Харьков, 1927-1929, - А-2, 4 п.

1927, № 17-27; 1928, № 5-12, 9, 11-12; 1929, № 2-4.

Гриф "Исключительно для работников ИТУ".

В № 10 за 1929 г. приведена статистика: в царской России насчитывалось 725 мест заключения на 145 тыс. заключенных, по РСФСР же соответственно 390 на 123 тыс. Хотя цифры по РСФСР не точны, зато сказано о "двойной перегрузке" мест заключения.

В № 2 за 1927 г. публикация о присвоении начальнику ИТУ Канарскому звания "Почетный надзиратель".

19. До праці: Двухнед. газ. Харьков. упр. ИТУ. - 1924-1932(?). - А-2, 4-8 п. - 20 000 экз.

Исключительно политизированная газета. Организовала в 1930 г. сбор средств на самолет, который был назван "Исправительно-трудовые учреждения УССР". Вела постоянную агитацию за коллективизацию сельского хозяйства, за ликвидацию кулачества как класса.

20. Еженедельник советской юстиции: Журн. Мин-ва юст. РСФСР и Верховного суда РСФСР. - 1923-1941.

С июля 1941 г. влился в журн. "Социалистическая законность".

В № 51/52 за 1923 г. сообщено: на 1 июня 1923 г. в России 303 места заключения, которые рассчитаны на 61 394 человек. Фактически их более 80 тыс.

21. Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. - Москва, 1918, № 1-4. - А-3, 20 п.

Наиболее одиозно-террористический орган ВЧК. В № 1 журн. пишет: "Пора, пока не поздно, не на словах, а на деле провести самый беспощадный, стройно организованный массовый террор. Принеся смерть тысячам праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России, мы спасем миллионы трудящихся, мы спасем социалистическую революцию". И еще: "Чрезвычайно ничтожно количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны Советов..."

22. Жизнь Башкирии: Ежемес. журн. ЦИК, СНК и НКВД АБССР. - 1924, № 1. - А-3, 38 п. - 300 экз. - Типолитогр.

23. За зміцнення ревзаконности: Газ. орган в НКЮ Голованівського р-ну Одеської обл. - 1935.

24. За ленинскую исправтрудполитику: Газ. Москов. обл. упр. ИТУ /Зам. ред. Журавлев. - 1933, № 1, 3-5; 1934, № 1-28. - 3000 экз.

Гриф "Для личного состава ИТУ Московской обл."

25. За образцовую коммуну: Газ. инспекции МГК ОГПУ. - Томск, 1933, № 1.

26. За революционную законность: Газ. ком. по смотру работы

актива юст. Шучанского р-на. - Урал. обл., 1932, 14 марта.

27. За социалистическую переделку: Газ. УИТУ Воронеж. обл. - 1934.

28. За трудовое перевоспитание: Ежемес. журн. МГО ИТР / Отв. ред. Б.И.Мотарыгин. - 1500 экз.

29. За ударную стройку: Газ. ячейки ВКП(б), постройкома и ячейки ВЛКСМ при стройбюро ПП ОГПУ по Уралу. - Свердловск, 1932.

30. За ударный труд: Газ. НКО ОЛТП и МЗ УНКВД Ленигр. обл. - 1935, № 1 (125)-6; 1936, № 1 (131)-7.

31. На страже: Газ. п/о и упр. ИТЛ и К УНКВД Москвы и Моск. обл. /Отв. ред. Ф.А.Шалимов, затем Д.М.Генкин. - 1944-1945(?). - А-3, 2-4 п.

32. На страже: Бюл. особможкома и эконом. упр. при ВЧК. - Москва, 1921, № 1.

33. На страже законности и порядка: Офиц. орган НКЮ и НКВД ТССР. - Казань, 1923.

34. На трудовом пути: Газ. упр. Северным ИТЛ ОГПУ. - Вятка, 1930.

35. Обзор ведом. распоряж. нар. комиссариатов СССР и РСФСР. - 1924-1926.

1924, № 1-3; 1925-1926, № 1-12.

36. Советская волость: Ежемес. журн. НКВД, посвящ. волост. и сел. стр-ву. - 1923, № 1-5; 1924, № 1-12; 1925, № 1-4.

С 1925 г. двухнед. /Отв. ред. И.Козырев. - Кн. формат, 58-80 п. - 10 000 экз.

37. Стат. обзор деятельности мест. администр. органов МВД: Ежегод. - 1924-1928. - Вып. № 1-11.

38. Сб. приказов Уполн. НКВД по Ленингр. обл. - 1927, № 20, 23-26, 29-40, 45-50, 54-58, 60-61, 64-67.

39. Трудлагерь: Бюл. гл. упр. принуд. работ НКВД. - Москва, 1921.

Приложение 6

БИБЛИОГРАФИЯ ПРЕССЫ ДЛЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОХР (1930—1955 гг.)

1. Боевая вахта: Еженед. газ. п/о УИТЛК КазССР. - 1949, № 1 (1 апр.). - А-3. - 500 экз.

2. Боевая вахта: Бюл. п/о УИТЛК КазССР. - 1949. - 500 экз.

3. Боевой лагерь: [Предполож. газ. ВОХРа]. - Б/м. - 1942.

4. Боевой резерв: Газ. партколлектива и политчасти 4-й стрелковой охраны ВОГЛУ Волж. Бассейна. - 1932.

5 Бюллетень органа штаба ВОХР Усольлага НКВД СССР. - Соликамск, 1941, № 1.

6. Вохровец: Газ. п/о ВОХР Урал. окр. - 1931-1932.

7. Вохровец Дмитлага: Ежедекад. газ. п/ч Котов. дивиз. Дмитлага ОГПУ. - 1931-1934(?). - А-3, 4 п. - 250 экз.

8. Вохровец на посту: Газ п/о. - Ростов-на-Дону, 1934-1935.

9. Вохровец начеку: Газ. п/о. - Магнитогорск, 1930, № 1.

10. Зоркий страж: Газ. п/ч ВОХР УИТЛ, ТП и МЗ УНКВД по ЗСК / Отв. ред. Леонтьев. - 1936, № 2 (57). - А-3, 4 п.

Гриф: "Только для частей ВОХР НКВД".

11. На боевом посту: Газ. ВОХР. - Алма-Ата, 1935-1937(?).

12. На боевом посту: Газ. п/о СВИТЛ НКВД СССР для ВОХР /Отв. ред. А.Корсунов. - 1940, № 1, 3, 5-8. - А-3, 2 п.

13. На посту. Шатун. Запоріжжя. - 1930, № 5.

14. На страже: Газ. п/о ВОХР. - Артемовск, 1935-1936.

15. На страже: Еженед. газ. п/ч отделов воен. охраны Октябр. и Киров. труд. домов. - 1938-1941.

1940, № 1 (195)-20 (214).

16. На страже: Еженед. газ. п/о УИТЛК Азербайджана. - 1949, № 1 (1 апр.). - А-3. - 500 экз.

17. На страже БМС: Еженед. газ. ВОХР на Бел.-Балт. ИТЛ. - 1931-1933(?).

18. Победа: Газ. п/о 15-го отдела ВОХР ГУЛАГа. - Пос. Инта, [Предполож. 1942-1952].

19. Сталинец: Газ. подразделения ВОХР Дубрав. ИТЛ /Ред. А.Арапов. - 1950-1954. - А-3, 2 п.

Гриф: "Газету из части не выносить".

20. Сталинец: Газ. 79-го отряда ВОХР ГУЛАГа. - Пос. Молочница. Морд. АССР, 1942(?)-1952.

21. Стрелок Курской: Газ. п/ч ВОХР Курск. ж.д. /Ред. Кекушев. - 1931.

22. Чекист: Газ. п/о подразделения Песчаного ИТЛ /Отв. ред. Н.Лукин. - Изд. 1 р. в 5 дн. - [Предполож. 1946-1955]. - А-3, 2 п.

Далее: с 1952 г. - Сигнал.

23. Чекист: Газ. п/о 16-го отдела ВОХР ГУЛАГа НКВД СССР. Карлаг. - [Предполож. 1942-1954]. - А-3, 2 п.

24. Чекист Заполярья: Газ. п/о 79-го отд. отряда ВОХР ГУЛАГа НКВД СССР. - Пос. Норильск, 1942-1954.

С 1952 г. - Газ. п/о 76 отд. отряда ВОХР /Отв. ред. В.Таллер, затем Д,Королевский, М.Прокопов. - А-3, 2 п.

Гриф: "Газету из части не выносить".

25. За мирный труд: Газ. п/о УИТЛК УМВД Ом. обл./Ред. М.Н.Щеблинов. - Изд. с 1951. - А-3, 2 п.

Гриф: "Газета за пределы части распространению не подлежит".

До № 38 газ. выпускается для строительства, затем для личного состава ВОХР.

26. Патриот Родины: Газ. в/ч /Ред. И.Рябов.

К 1953 г. изд. № 46 (371). В 1954 г. прекр. - А-3, 2 п.

27. Полярник: Газ. УИТЛК УМВД Мурман. обл. [Предполож. 1942-1955].

Приложение 7

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ О ПЕЧАТИ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

1. *Авербах И.* От преступления к труду /Под ред. А.Я.Вышинского. - М., 1936.

2. *Глубоковский Б.* Материалы и впечатления. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1926. - Вып. 49.

3. *Вышинский А.Я.* Суд, гласность, печать // Большев. печать. - 1937. - № 6. - С. 18-19.

4. *Гернет М.* За железной решеткой // Право и жизнь. - 1923. - Кн. 9, 10. - С. 117.

5. *Гернет М.* Мысль заключенного // Там же. - 1924. - Кн. 6. - С. 102.

6. *Гернет М.* Журналы и газеты заключенных: Библиогр. // Там же. - 1925. - Кн. 5. - С. 113-116.

7. *Гернет И.* О государственном институте по изучению преступников и преступности // Администр. вестник. - 1925. - № 11; Вестник сов. юстиции. - 1925. - № 11; 1927. - № 2.

8. *Ионин И.* Школа-колония "Красные зори". - Л., 1933.

9. *Горький М.* Болшевской коммуне // Наши достижения. - 1930. - № 10/11. - С. 97-98.

10. *Горький М.* О трудовых колониях ОГПУ. - Кизель, 1931.

11. *Горький М.* День мира. - М., 1937.

12. Беломорско-Балтийский канал им. И.В.Сталина: Ист. стр-ва / Под ред. *М.Горького, Л.Авербаха, С.Фирина.* - М.: Гос. изд-во "История фабрик и заводов", 1934.

13. *Григорьев К.* В советской тюрьме // Огонек. - 1924. - № 40 (79).

14. *Казачинский А.* Тюремная пресса // Журналист. - 1925. - № 12. - С. 64-67.

15. *Карпов И.* Творчество заключенных. - М.: Изд. НКВД, 1929.

16. *Кербер Е.* Как Советская Россия борется с преступностью. - М., 1933.

17. *Кузьмина А.С.* Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917-1924): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1972.

18. *Львов-Рогачевский В.* Литературное творчество заключенных /

/ Проблемы преступности. - 1926. - Вып. 1. - С. 60-82.

19. О порядке издания печатных газет и журналов в ИТУ РСФСР: Циркуляр № 297 от 16 авг. 1927 г. // Бюллетень НКВД. - 1927. - № 22 (241). - С. 399-400.

20. Перевоспитание преступников на опыте Беломорско-Балтийского канала // За соц. законность. - 1934. - № 1. - С. 14-16.

21. *Теодорович.* Тюрьма в изображении дореволюционной поэзии // Проблемы преступности. - 1929. - Вып. 4 - С. 80.

22. *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. - М., 1989.

23. Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. - М.: Изд-во политкаторжан, 1932.

24. *Чужой К.* Почему нами не интересуются? // Журналист. - 1929. - № 21. - С. 65.

25. *Шестакова А.* Печать в местах лишения свободы // От тюрем к воспитательным учреждениям. - М., 1934. - С. 248-308.

26. *Шкловский В.* "Перековка" на канале Волга-Москва // Большев. печать. - 1937. - № 1. - С. 30-33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССРНП — Автономная Советская социалистическая республика немцев Поволжья
АСФ — автономии Советской Федерации
БАМ — Байкало-амурская магистраль
БМС — Беломорское строительство
ВБВП — Волго-Балтийский водный путь
ВОГЛУ — Волжское губернское лагерное управление
ВСО — военно-стрелковая охрана
Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств
ГУМЗ — Государственное управление местами заключения
ДВК — Дальневосточный край
ДЗ, Домзак — Дом заключения
ДЛС — Дом лишения свободы
ЗСК — Западно-Сибирский край
ИД — Исправительный дом
ИТД — Исправительно-трудовой дом
К — колонии
КВМ — канал "Волга—Москва"
КВО — культурно-воспитательный отдел
КВЧ — культурно-воспитательная часть
КК — культкомиссия
КПОИТД — культурно-просветительный отдел ИТД
КПЧ — культурно-политическая часть
ЛОК — Ленинградский областной комитет
МЗ — места заключения
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
НКТП — Народный комиссариат топливной промышленности
ОТП — отдел трудпереселенцев (кулаков)
ПВЧ — политико-воспитательная часть
ПО — политический отдел
ПС — профсоюзный сектор
ПЧ — политическая часть
СВИТЛ — Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь
СКГУ — строительство Куйбышевского гидроузла
СЛаг — Соловецкий лагерь
ТК — трудовая коммуна
ТП — трудовые поселения
УВЧ — Управление воспитательной частью
УИТЛ — Управление исправительно-трудовых лагерей
УИТЛК — Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УИТУ — Управление исправительно-трудовых учреждений
УОС — управление особого строительства
УСЕВЛОН — Управление северных лагерей особого назначения
ФТК — фабрично-трудовая колония
ЦЧО — Центральная черноземная область
ЧУГПС — Чай-Урьинское горно-промышленное строительство

Оглавление

Предисловие (Я.Н.Засурский) 3

*Глава 1. **Становление советской тотальной цензуры*** 5

*Глава 2. **Тюремная пресса советской России (1918—1927 гг.)*** 22

*Глава 3. **Печать великих строек коммунизма*** 38

*Глава 4. **Лагерная пресса (1935—1955 гг.)*** 53

*Глава 5. **Издания детских лагерей ОГПУ, НКВД, ГУЛага*** 71

*Глава 6. **Пресса для военизированной охраны заключенных*** 93

*Приложение 1. **Библиография тюремной прессы (1918—1935 гг.)*** 100

*Приложение 2. **Библиография прессы великих строек коммунизма*** 117

*Приложение 3. **Библиография лагерной прессы (1935—1955 гг.)*** 120

*Приложение 4. **Библиография прессы детских лагерей ОГПУ, НКВД, ГУЛага*** 131

*Приложение 5. **Библиография руководящих изданий ОГПУ, НКВД*** 135

Приложение 6. ***Библиография прессы для личного состава ВОХР (1930—1955 гг.)*** *139*

Приложение 7. ***Список публикаций о печати для заключенных*** *141*

Список сокращений *143*

Научное издание

Горчева Алла Юрьевна
ПРЕССА ГУЛАГА
(1918 — 1955)

Зав. редакцией
Г.М.Степаненко

Редактор
В.В.Михеева

Художественный редактор
Л.В.Мухина

Обложка художника
В.В.Гарбузова

Технический редактор
З.С.Кондрашова

Дизайнер
О.Г.Фесенко

Корректоры
В.А.Ветров, И.В.Бабаева

ИБ № 8755

ЛР № 040414 от 27.03.92.

Подписано в печать 15.12.95. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная, кн.-ж. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5 Уч.-изд.л. 9,08. Тираж 500 экз. Изд. № 5868
Заказ № 1088

Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.
103009, Москва, Большая Никитская ул., 5/7.
Типография ордена "Знак Почета" изд-ва МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы.